

М. И. С. РУДЕНСКИЕ ДАНИ УЧИТЕЛЬСКОЕ ПУШКИНЫ

И. РУДЕНСКАЯ, С. РУДЕНСКАЯ
Они учились с Пушкиным

М. РУДЕНСКАЯ

С. РУДЕНСКАЯ

Лениздат

1976

Они
улыбались
Пушкиным

Книга посвящена двадцати восьми однокурсникам великого русского поэта А. С. Пушкина, его друзьям и соученикам по Лицею. Она состоит из очерков-биографий, освещающих весь их жизненный путь. Подобное издание предпринимается впервые.

Книга иллюстрирована портретами, рисунками, фотографиями.

Эта книга посвящена товарищам и соученикам А. С. Пушкина по Лицею. Она состоит из отдельных очерков о каждом из двадцати восьми однокурсников поэта. Первый выпуск Лицея — часто его называют пушкинским — был замечателен по обилию имен, славных в истории русского освободительного движения и в русской культуре. Важнейшее среди них — имя великого русского поэта, основателя новой русской литературы, создателя русского литературного языка, одного из вождей русского просвещения, певца «вольности святой», гениального выразителя духовных сил России Александра Сергеевича Пушкина. Тесно связаны с ним имена декабристов И. И. Пущина, В. К. Кюхельбекера, В. Д. Вольховского, поэта и журналиста А. А. Дельвига, композитора М. Л. Яковлева, мореплавателя и землепроходца Ф. Ф. Матюшкина, дипломата А. М. Горчакова.

Не все соученики Пушкина по Лицею оставили заметный след в русской истории и культуре. Среди двадцати девяти юношей, пришедших в Лицей в 1811 году и окончивших его в 1817 году, некоторые стали заурядными людьми, способности других не успели развернуться в полной мере. Некоторые выпускники отличались карьеристскими устремлениями — из них вышли вполне благонамеренные чиновники.

И все же первый лицейский выпуск был уникален.

Как случилось, что учебное заведение, предназначенное для подготовки высокообразованных чиновников, необходимых различным министерствам и на дипломатической службе, стало «рассадником свободомыслия», как считали в России и на Западе?

Причина этого крылась в прогрессивных тенденциях начала XIX столетия, когда, по словам В. И. Ленина, русские монархи «заигрывали с либерализмом». В этих условиях история Царскосельского лицея первых лет его существования оказалась тесно связанной с историей русского освободительного движения, направленного против самодержавия и крепостничества. Декабрист В. И. Штейнгель, очевидно, отражая мнение своих единомышленников, говорил о значении Царскосельского лицея, где юношам внушалось свободомыслие «в высочайшей степени».

Общенациональный патриотический подъем, связанный с освободительной эпопеей 1812 года, охватил всю страну. «Время незабвенное!.. Как сильно билось русское сердце при слове отечество!» — писал впоследствии А. С. Пушкин.

Патриотический подъем охватил и подростков — воспитанников Лицея, оттачивая их гражданское сознание. И. И. Пущин вспоминал, что в это время жизнь лицейская «сливалась с политической эпохой народной жизни русской», что эти события отразились на формировании взглядов лицеистов.

«Мы были дети 1812 года», — сказал о лучших людях своего поколения декабрист М. И. Муравьев-Апостол, имея в виду глубокое воздействие Отечественной войны на воспитание чувств молодежи. Углубление национального самосознания, уважение к простому человеку, создателю всех благ, желание преобразовать Россию на демократических основах — вот что прежде всего волновало передовых людей в послевоенное время. Это относится и к лучшим из первого лицейского выпуска. Они, их жизнь, их судьба определили навсегда интерес потомков к Лицею, к тем, кто учился с Пушкиным — певцом декабристов и великим поэтом, оказавшим огромное влияние на дальнейшее развитие всей русской идеологии и культуры.

Работая над биографическими очерками лицеистов пушкинского выпуска, авторы не ставили перед собой цели дать в этой книге развернутую характеристику Царскосельского лицея 1811—1817 годов. Раскрыть значение Лицея в истории русской культуры — задача другого издания.

Однако значительная часть биографий каждого из соучеников А. С. Пушкина посвящена его отроческим и юношеским годам — лицейскому периоду. Поэтому читатель не раз встретится в них и с образами лицейских наставников — первого директора В. Ф. Малиновского, выдающегося просветителя-демократа; второго директора Е. А. Энгельгардта, замечательного педагога, гуманиста; адъюнкт-профессора А. П. Куницына, который «на кафедре беспрестанно говорил против рабства и за свободу»; доктора философии, профессора Н. Ф. Кошанского; профессора Д. И. де Будри, родного брата французского революционера Ж.-П. Марата, профессора, крупнейшего философа своего времени А. И. Галича; адъюнкт-профессора И. К. Кайданова — всех тех, кто способствовал воспитанию в юношах передового общественного сознания, высокого гуманизма, патриотизма и дал возможность получить за шесть лет пребывания в Лицее образование, равное университетскому.

Лицей ярко отразил действенную силу прогрессивной русской педагогики. В условиях нарастания освободительных тенденций она получила на короткое время и в небольшом учебном заведении возможность для творческой воспитательной и учебной деятельности, демократической по своим идейным позициям. В Лицее все было направлено на то, чтобы развить индивидуальность каждого, выявить и вскрыть лучшие душевные качества воспитанников. Почти каждый из них еще мальчиком-подростком, поставив перед собою ясную жизненную цель, шел к ней, преодолевая препятствия, но не изменяя ей. Федор Матюшкин собирался стать мореплавателем, Александр Горчаков — дипломатом, Вильгельм Кюхельбекер — учителем. Александр Пушкин весь отдался поэтическому творчеству. Иван Пущин и Владимир Вольховский навсегда зажглись идеей преобразования России. Они проявляли стоическое упорство, готовя себя к избранному поприщу.

Семнадцатилетние, ко дню окончания Лицея они стали сложившимися, идейно зрелыми людьми, с твердыми убеждениями. И каждый занял свое место в жизни.

Вплоть до начала 1817 года, когда им разрешено было впервые побывать дома на рождественских каникулах, воспитанники

не имели права ни на один день покинуть Лицей. Поэтому двадцать девять юношей составляли своеобразную большую семью. Иван Иванович Пущин в своих воспоминаниях рассказывал: «Образовалась товарищеская семья; в этой семье — свои кружки; в этих кружках начали обозначаться, больше или меньше, личности каждого; близко узнали мы друг друга, никогда не разлучаясь; тут образовались связи на всю жизнь». Возникли понятия «лицейская республика», «лицейское братство».

Конечно, в Лицее не существовало «единой» лицейской республики, «единого» лицейского духа, ибо воспитанники были разными людьми. О «лицейском духе» можно говорить применительно к определенному кругу лицейцев, объединенных именем Пушкина. И это неоспоримая истина. Но нельзя также ограничивать «лицейское братство» кругом Пушкина — Пущина. Ведь из двадцати восьми товарищей Пушкина к этому кругу были близки очень многие, почти половина. А это уже «братство», уже «лицейская республика».

Одной из самых замечательных в Лицее была дружба Пушкина и Пущина, зародившаяся с первых мгновений их знакомства. Их имена часто звучали вместе и в «национальных песнях» — этих добродушных, а иногда и злых шаржах друг на друга и на профессоров.

К своим друзьям Пушкин обращался в произведениях, посвященных лицейским «святым» годовщинам. С их именами он связывал свои лучшие воспоминания. Друзья и товарищи платили Пушкину сердечным чувством и преданностью.

Известный историк литературы и историк Лицея академик Я. К. Грот — лицеист выпуска 1832 года — справедливо отметил роль А. С. Пушкина как «главного творца и хранителя идеи товарищеского братства», его вдохновителя и певца. Произведения Пушкина, посвященные лицейским годовщинам, «скрепляли узы дружбы» и между воспитанниками последующих курсов.

Корни этой дружбы окрепли в атмосфере вольнолюбия и патристического подъема.

Правительство, напуганное усиливавшимся в первой четверти XIX века «политическим брожением умов», с нескрываемой неприязнью смотрело на Лицей, один из выпускников которого уже выступил с рядом свободолобивых произведений, направленных против деспотизма и крепостничества. Стихотворения Пушкина «Вольность», «К Чаадаеву», «Деревня» и другие получили мгновенное распространение.

В 1823 году был отстранен от должности директора Лицея Е. А. Энгельгардт, как воспитатель «неблагонадежных», за то, что «либерализм укоренился в Лицее». Лицей постепенно превращается в казарменное по духу и укладу учебное заведение. Его подчинили военному ведомству, во главе его встал генерал-майор.

В годы реакции, наступившей после восстания декабристов, власти окончательно стали рассматривать Лицей как опасный очаг вольнолюбия — многие из его воспитанников оказались связаны с декабристским движением, и прежде всего выпускники первого курса.

В 1843 году Лицей переводят в столицу, одновременно переименовывая его из Царскосельского в Александровский. Но многие лицеисты первого выпуска, давно уже оторвавшись от своей «колыбели», совершали свой жизненный путь.

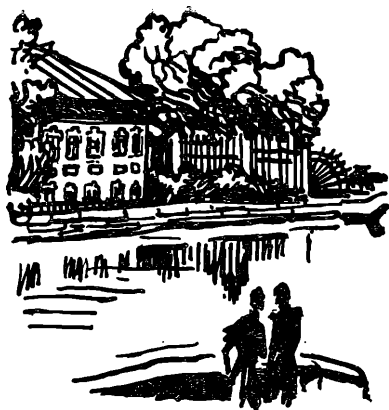
Как прошла жизнь друзей и товарищей Пушкина?

Остались ли они все верны заветам прогрессивных педагогов-наставников? Остались ли верны юношеской клятве — патриотическому девизу «для общей пользы»? Все ли посвятили себя до конца служению Отчизне, народу?

Об этом расскажет книга, предлагаемая читателям. Она строится на большом материале, накопленном наукой, и включает новые данные, почерпнутые в архивах. Авторы издания — Мария Петровна и Светлана Давыдовна Руденские — давно занимаются историей Лицея, собирают факты биографий лицеистов и их наставников. М. П. Руденская в течение нескольких десятилетий работала научным сотрудником во Всесоюзном музее А. С. Пушкина. Со дня основания в 1949 году его филиала — Мемориального музея Лицея она являлась его хранителем. Благодаря ее иссле-

дованиям в архивах стало возможно максимально полное воссоздание Лицея пушкинской поры, его научная реставрация.

В день 175-летия со дня рождения А. С. Пушкина, 6 июня 1974 года, воссозданный Лицей открыл свои двери перед потоком многочисленных туристов и экскурсантов. Заполняя музей, тысячи его посетителей с благоговением осматривают Большой зал, библиотеку, классы и комнаты лицейстов. Они глубже вникают в факты творческой биографии А. С. Пушкина, задают бесчисленные вопросы о жизни и судьбах его товарищей-однокурсников. Книга ответит на многие из этих вопросов.

Друзья

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Иван Пущин

На экзамене при поступлении в Царскосельский лицей состоялась первая встреча Пущина и Пушкина. Об этом Пущин писал в своих воспоминаниях: «По сходству ли фамилий, или по чему другому, несознательно сближающему, только я его заметил с первого взгляда». С этого момента возникла их дружба. В январе 1825 года состоялось последнее свидание двух друзей в селе Михайловском. С этого момента наступила для них «вечная разлука». Но глубокую духовную связь ничто не могло разрушить. Ни расстояния, ни годы не притупили чувства дружбы и преданности. «Друг», «товарищ», «брат» — были для Пушкина и Пущина не случайные красивые слова, в них вкладывался огромный внутренний смысл. Пушкин и Пущин стали в Лицее духовно, идейно близкими людьми и остались ими навсегда. Пушкин воспел в своих бессмертных стихах «первого» и «бесценного» своего друга Ивана Пущина. Пущин же оставил воспоминания о поэте, проникнутые любовью и нежностью.

Иван Пущин происходил из родовитой дворянской семьи, его предки упоминаются в грамотах XVI века. О детских годах Пущина имеются скудные сведения, но известно, что его отец — сенатор, генерал-лейтенант морского флота, имел двенадцать человек детей и весьма ограниченные средства к существованию.

С детства Пущин, его братья и сестры были лишены материнской заботы. Мать их была душевнобольная и не могла принимать участия в воспитании. Младший

брат Пущина Михаил Иванович в своих записках рассказывал: «Из воспоминаний детства более всего врезалось в мою память серьезность отца, помешательство матери, начальство старших сестер, отсутствие присмотра со стороны гувернеров». В свободные от занятий часы дети, предоставленные себе, большую часть времени проводили в обществе прислуги. Можно предположить, что Пущин, по природе своей обладавший добрым сердцем, восприимчивый ко всему хорошему, жадно впитывал рассказы дворовых о тяжелой жизни крепостного человека. Может быть, именно в людской, еще смутные, зародились первые мысли о несправедливости, о добре и зле. Отец Пущина, человек гуманный, высокообразованный, несомненно, также оказал влияние на маленького Пущина.

Несмотря на тяжелую и сложную семейную обстановку, мальчик, обладая блестящими способностями, весьма успешно получал домашнее образование. При сдаче экзаменов в Лицей тринадцатилетний Иван Пущин (он родился 4 мая 1798 года) проявил основательные знания и с первых же дней стал считаться одним из лучших учеников. Его дарования, постоянное прилежание, благоразумное поведение, благородство в поступках, воспитанность, добродушие, скромность, «чувствительность с мужеством и тонким честолюбием», особенно же рассудительность, являлись его отличительными свойствами. В обращении с окружающими Пущин был всегда вежлив и искренен, но «с приличною разборчивостью и осторожностью». Отменное добродушие Пущина отмечал и А. П. Куницын. По замечанию Н. Ф. Кошанского (из характеристики за 1812 год), Иван Пущин «при счастливых способностях отличается редким прилежанием, соединяя понятливость с рассуждением, и, кажется, лучше ищет твердых, нежели блистательных успехов».

Обладая общительным характером и будучи остроумным собеседником, Пущин в Лицее пользовался любовью всех товарищей. Он принимал живое участие в лицейской жизни, участвовал в спектаклях, например в одноактной пьесе «Добрый помещик», сочиненной гвернером А. Н. Иконниковым.

Литературные вкусы Пушкина и Пущина развивались в одном направлении. В 1814 году Пущин поместил свои статьи-переводы в московском журнале «Вестник Европы» (№ 18 и 22) за подписью «ъъ». Первая статья под названием «Об эпитафии и надписи у древних» представляла собой отрывок из руководства французского писателя Ж.-Ж. Лагарпа «Лицей, или Курс древней и новой литературы»; вторая статья — отрывки из сочинений на немецком языке швейцарского писателя И.-К. Лафатера «О путешественниках». По просьбе друга Александр Пушкин перевел для первой статьи стихотворение о Лайсе и зеркале. Переводы Пущина понравились издателю В. Измайлову. Он не только благодарил автора за них, но и просил сообщить ему для «Вестника Европы» известия о петербургском театре, уверенный в том, что автор обязательно большой театрал. Переводы юного Пущина представляли собой образец прекрасного литературного слога, которым впоследствии восхищались современники и который признавал весьма хорошим и сам Пушкин. Безусловно, еще в Лицее Пущин проявил свой незаурядный литературный дар.

Пушкин и Пущин жили в Лицее рядом: комната Пушкина — № 14, а Пущина — № 13. Разъединялись все комнаты-«кельи» дощатой оштукатуренной с двух сторон перегородкой, не доходившей до потолка. Одно окно делилось пополам, но пол-окна самостоятельно открывалось и имело форточку. Так как спальный коридор, который тянулся во всю длину здания, был на шести

арках, то комната Пушкина с другой стороны как раз и имела глухую стену арки, за которой жил Петр Саврасов. Таким образом, Пущин оказался единственным близким соседом Пушкина. Когда все засыпали и только слышались «мерные шаги» дежурного дядьки, оба друга вполголоса беседовали, переживая события дня, мечтая о будущем.

Пущин в своих воспоминаниях рассказывал, что являлся как бы умиротворяющим посредником между Пушкиным и товарищами, сглаживая резкость и неловкости своего друга. «Чтобы полюбить его настоящим образом,— писал Пущин о Пушкине,— нужно было взглянуть на него с тем полным благорасположением, которое знает и видит все неровности характера и другие недостатки, мирится с ними и кончает тем, что полюбит даже и их в друге-товарище».

Пушкин высоко ценил дружбу и любовь Пущина к себе. В 1814 году в «Пирующих студентах» Пушкин обратился к Пущину:

Товарищ милый, друг прямой,
Тряхнем рукою руку,
Оставим в чаше круговой
Педантам сродну скуку:
Не в первый раз мы вместе пьем,
Нередко и бранимся,
Но чашу дружества нальем —
И тотчас примиримся.

В 1817 году перед выпуском Пушкин написал стихотворение «В альбом Пущину», полное грусти перед предстоящей разлукой.

Взглянув когда-нибудь на тайный сей листок,
Исписанный когда-то мною,
На время улети в лицейский уголок
Всесильной, сладостной мечтою.

Вспоминая «шесть лет соединенья», поэт заканчивает это послание «вещими» словами о грозном времени, о грозных судьбах, перед которыми союз дружбы, заключенный с первыми друзьями, — вечен.

Еще в Лицее вместе со своими товарищами — Вольховским, Кюхельбекером, Дельвигом — Пущин входил в члены Священной артели. В ней состояли и младший брат его Михаил, а также родственники Пущиных — братья Калошины. Пущин близко сошелся с «артельщиками», будущими декабристами — братьями Муравьевыми — Александром и Михаилом, Иваном Бурцовым, Павлом Калошиным, Алексеем Семеновым. «Постоянные наши беседы о предметах общественных, о зле существующего у нас порядка вещей и о возможности изменения, желаемого многими втайне, необыкновенно сблизили меня с этим мыслящим кружком: я сдружился с ним, почти жил в нем», — писал впоследствии Пущин.

При выпуске из Лицея Пущин получил похвальный лист № 1 «с правом на серебряную медаль» и вступил в лейб-гвардию конной артиллерии. Вскоре он был принят И. Г. Бурцовым в Тайное общество Союз спасения. Пущин так писал об этом: «Бурцов, которому я больше высказывался, нашел, что по мнениям и убеждениям моим, вынесенным из Лицея, я готов для дела. На этом основании он принял в общество меня и Вольховского, который, поступив в гвардейский генеральный штаб, сделался его товарищем по службе. Бурцов тотчас узнал его, понял и оценил».

Находясь на военной службе, вынужденный быть в походах, Пущин энергично участвует в делах Тайного общества, проникается важностью его целей. «Эта высокая цель жизни самой своей таинственностью и начертанием новых обязанностей резко и глубоко проникла в душу мою, — рассказывал Пущин, — я как будто вдруг получил особенное значение в собственных своих глазах:

стал внимательнее смотреть на жизнь во всех проявлениях буйной молодости, наблюдал за собою, как за частицей, хотя ничего не значащей, но входящей в состав того целого, которое рано или поздно должно было иметь благотворное свое действие».

Человек, в высшей степени наделенный чувством справедливости, чести, дружбы и долга, Пущин всю свою жизнь посвятил установлению справедливости и взаимопомощи. Без тени эгоизма, требовательный прежде всего к себе, он был взыскателен и к друзьям, когда это касалось законов товарищества. Пущин был красив и духовно, и внешне. Большие выразительные сине-серые глаза его выделялись на спокойном лице. Высокий ростом, он был хорошо сложен. Все, кто знал Пущина, даже его идейные противники, говорили о нем не иначе, как только с глубоким уважением и внутренней симпатией. Так, М. Корф писал о нем как о человеке «со светлым умом, с чистой душой».

После окончания Лицея Пущин часто встречался с Пушкиным. «Первая моя мысль была — открыться Пушкину: он всегда согласно со мною мыслил о деле общем (respublica), по-своему проповедовал в нашем смысле — и изустно и письменно, стихами и прозой, — вспоминал Пущин. — Не знаю, к счастью ли его, или несчастью, он не был тогда в Петербурге, а то не ручаюсь, что в первых порывах, по исключительной дружбе моей к нему, я, может быть, увлек бы его с собою...»

В 1818 году Пущин принял в Тайное общество К. Ф. Рылеева, который разделял его образ мыслей. Впоследствии Пущин понял, что ему недостаточно работать и приобретать связи, необходимые для Тайного общества, лишь в военном ведомстве, и в 1823 году он решил перейти на гражданскую службу.

Столкновение с младшим братом царя Михаилом из-за «ничтожного упущения в форме» послужило «внеш-

ним поводом» ухода Пущина из гвардии. Он решил поступить на службу в полицию квартальным надзирателем. В старой России это была низшая полицейская должность. Пущин своим примером стремился доказать, что всякая должность в государстве, которая служит на пользу народа, почетна. Но слезы сестер, мольбы родных, выразивших полное отчаяние, заставили его отказаться от задуманного. Пущин стал служить сверхштатным членом Петербургской уголовной палаты, а затем был назначен надворным судьей в Москву в уголовный департамент (палату) Надворного суда. Пущин стремился искоренить взяточничество, лихоимство, царившее в среде судейских чиновников. Служить в Надворном суде считалось недостойным для высокообразованного дворянина из знатной аристократической фамилии. Многим непонятно было, почему гвардейский офицер меняет свой блестящий мундир на приказной. Но это было одним из проявлений тактики будущих декабристов. Тогда и К. Ф. Рылеев перешел на гражданскую службу. В Надворном же суде служил и декабрист А. А. Бестужев. А. С. Пушкин увидел в этом поступке Пущина проявление гражданской доблести. Об этом Пушкин писал в неоконченном послании 1825 года «И. И. Пущину» (черновой вариант), обращаясь к нему, «брату любезному», который «победил предрассуждения» и «возвеличил темный сан». В черновике стихотворения «19 октября» 1825 года также сохранились строки, обращенные к Пущину:

Ты, освятив тобой избранный сан,
Ему в очах общественного мненья
Завоевал почтение граждан.

Знакомый Пущина Ф. С. Хомяков в письме к своему брату, известному общественному деятелю, писателю и поэту А. С. Хомякову отметил, что «Пущин — первый

честный человек, который сидел когда-либо в русской казенной палате».

Живя в Москве, работая в Надворном суде, Пущин деятельно участвовал в Тайном обществе. Он организовывает «Практический союз», целью которого было освобождение крепостных. Члены «Союза» не могли иметь дворовых и должны были способствовать деньгами или другими средствами освобождению того или иного лица от крепостной зависимости. Сам Пущин крепостных не имел. Члены Верховной думы общества К. Ф. Рылеев и Е. П. Оболенский, зная разумный подход Пущина ко всему и его кипучую деятельность, возлагали на него большие надежды. Существовала договоренность: если совершится какое-либо важное происшествие, Пущин немедленно должен приехать в Петербург, чтобы совместно действовать со всеми товарищами, преданными «общему делу».

11 января 1825 года Пущин посетил в селе Михайловском Пушкина, находившегося в ссылке под надзором тайной полиции и духовенства. Радость этого свидания Пушкин воспел в проникновенных строках «19 октября» 1825 года:

...Поэта дом опальный,
О Пущин мой, ты первый посетил;
Ты усладил изгнанья день печальный,
Ты в день его Лицея превратил.

Весь день Пушкин и Пущин провели вместе. Задушевной и теплой была их беседа. Когда же разговор коснулся Тайного общества, о существовании которого Пушкин догадывался, Пущин признался в своей политической деятельности и сказал, что не он один «поступил в это новое служение отечеству». Краткой была встреча друзей... «Прощай, друг!» — были последние слова Пушкина, что долетели до Пущина сквозь мрак мороз-

ной ночи. Друзьям более не суждено было встретиться...

18 февраля 1825 года Пущин написал Пушкину письмо в Михайловское, в котором сообщал, что он опять в Москве и действует снова в суде, что В. Кюхельбекер, вероятно, навестит Пушкина. Заканчивая письмо, Пущин посылал поклон няне Пушкина и обещал прислать ему произведения Рылеева, которые вскоре должны были появиться в печати, — «Войнаровский» и «Думы».

По рассказу декабриста Н. И. Лорера, Пущин незадолго до восстания послал Пушкину письмо с извещением, что едет в Петербург и очень бы желал с ним там увидеться. Сведения о несостоявшемся тайном отъезде Пушкина из Михайловского в Петербург содержатся не только в воспоминаниях декабриста Лорера, но и в рассказах М. П. Погодина, М. И. Осиповой и П. А. Вяземского. Слухи об этом письме, видимо, дошли до царя, ибо, допрашивая Пущина, он спросил его: посылал ли он Пушкину письмо о готовящемся восстании?

Из Петербурга (Пущин жил на Мойке — ныне Мойка, 14, дом перестроен) 12 декабря 1825 года Пущин послал письмо деятелю Тайного общества в Москве С. М. Семенову: «Когда вы получите сие письмо, все будет решено. Мы всякий день вместе у Трубецкого и много работаем. Нас здесь 60 членов. Мы уверены в 1000 солдатах, коим внушено, что присяга, данная императору Константину Павловичу, свято должна наблюдаться. Случай удобен; ежели мы ничего не предпримем, то заслуживаем во всей силе имя подлецов. Покажите сие письмо Михаилу Орлову. Прощай, вздохни об нас, если...» И 14 декабря 1825 года в Петербурге свершилось историческое событие — восстание декабристов. Накануне восстания, в сильном душевном волнении, Рылеев воскликнул: «Судьба наша решена! К сомнениям нашим теперь, конечно, прибавляются все препятствия.

Но мы начнем. Я уверен, что погибнем, но пример останется. Принесем собою жертву для будущей свободы Отечества». Как и многие члены Тайного общества, Пущин считал самодержавие главным виновником бедственного состояния Родины и был одним из самых активных участников восстания на Сенатской площади. Декабрист А. Е. Розен вспоминал, что всех бодрее в боевом построении — каре — стоял И. И. Пущин. Он как отставной был не в военной одежде, но «солдаты охотно слушали его команду, видя его спокойствие и бодрость».

16 декабря И. И. Пущин был арестован и со связанными руками, под конвоем, доставлен на гауптвахту Зимнего дворца. «Тут я был растроган,— рассказывал А. Е. Розен,— когда в минуту движения конвоя увидел молодого офицера, который бросился в середину конвоя, чтобы обнять Пущина: то был батальонный адъютант л.-г. Гренадерского полка С. П. Галахов» (лицеист выпуска 1823 года).

Следственной комиссией по делу 14 декабря 1825 года руководил сам Николай I. Он стремился разобщить, запутать декабристов, довести их до нравственного и физического изнеможения. На допросах широко применялся шантаж. Мужественно и стойко, как истинный борец, вел себя на следствии И. И. Пущин. Из его показаний вырисовывается благородный характер, политическая зрелость Пущина. Он никого не выдал, и николаевские палачи не смогли привлечь еще кого-либо из членов общества. Он всячески выгораживал своего лицейского товарища В. Вольховского, заявляя, что тот не принимал участия в деятельности общества. В течение семи месяцев шел суд над декабристами.

Обеспокоенный судьбами Кюхельбекера и Пущина, Пушкин писал о них Дельвигу 20 февраля 1826 года: «Мне сказывали, что 20, т. е. сегодня, участь их долж-

на решиться — сердце не на месте...» Пущин был включен в состав «государственных преступников первого разряда», осужденных «к смертной казни отсечением головы». Затем смертная казнь была заменена ему, как и ряду других декабристов, «вечными каторжными работами» с лишением прав и дворянства.

Во время чтения приговора 13 июля 1826 года Пущин пытался протестовать и хотел выступить с речью. Он был одним из тех немногих, которые вели себя на следствии стойко и непоколебимо, как истинные борцы. Только Пущин и Лунин заявили следователям протест по поводу грубого ведения допроса арестованных.

В течение двадцати месяцев после приговора и экзекуции Пущин находился в сырых казематах Шлиссельбургской крепости, а в 1827 году, в октябре, был отправлен на каторгу. В первых числах января 1828 года он был доставлен в Читу и помещен в камеру с другими декабристами. В тот же день жена декабриста Никиты Муравьева Александра Григорьевна подозвала Пущина к тюремному частоколу и передала ему листок, исписанный неизвестной рукой. Это было сердечное послание Пушкина «И. И. Пущину»:

Мой первый друг, мой друг бесценный!
И я судьбу благословил,
Когда мой двор уединенный,
Печальным снегом занесенный,
Твой колокольчик огласил.
Молю святое провиденье:
Да глас мой душе твоей
Дарует то же утешенье,
Да озарит он заточенье
Лучом лицейских ясных дней!

«Что делалось с Пушкиным в эти годы моего странствования по разным мытарствам, я решительно не знаю; знаю только и глубоко чувствую, что Пушкин первый встретил меня в Сибири задушевным словом...

Отрадно отозвался во мне голос Пушкина! Преисполненный глубокой, живительной благодарности, я не мог обнять его, как он меня обнимал, когда я первый посетил его в изгнание», — вспоминал Пущин через много лет душевную теплоту и верность друга.

В 1829 году в своем необработанном и незаконченном стихотворении «Воспоминания в Царском Селе», написанном не случайно в годовщину восстания декабристов, когда в душе поэта с особенной силой возникли образы Пущина, Кюхельбекера, Дельвига, Вольховского, Пушкин, возвращаясь памятью в прошлое, словно черпает силы в нем, в своей счастливой юности, когда он жил в Лицее среди дорогих и близких друзей:

Воображаю день счастливый,
Когда средь вас возник лицей,
И слышу наших игр я снова шум и (гривый)
И вижу вновь семью друзей.

Свыше двух с половиной лет пробыл в Читинской каторжной тюрьме И. И. Пущин. Осужденным декабристам, пока они находились на каторге, не разрешено было самим вести переписку. За Пущина писали письма жены декабристов Волконская, Трубецкая, Юшневская и Розен — сестра И. В. Малиновского. В своих письмах Пущин всегда хлопотал за кого-нибудь. Он интересовался судьбой семьи Рылеева, проявлял заботу о семьях других декабристов. Совместная жизнь с друзьями — политическими единомышленниками — давала моральную поддержку, скрашивала тяжелые, каторжные годы. Среди сосланных декабристов были такие, от которых отшатнулись родные, были и люди весьма бедствовавшие. Но некоторым родственники всячески помогали, посылали вещи, книги, деньги. Пущин был одним из инициаторов создания артельных касс: Общей (или Большой) и Малой для помощи

нуждающимся товарищам. Каждый член артели давал (сколько мог) в общую артельную кассу, из которой выборное лицо — «хозяин» — закупал необходимое. Все делилось между имущими и неимущими поровну. Из Малой артельной кассы, которой ведал Пуцин (с основания ее и до конца своей жизни), выдавались деньги уходившим на поселение. Касса была источником помощи нуждавшимся родственникам декабристов и семьям умерших.

Впоследствии, вспоминая о Пущине, декабрист Н. В. Басаргин говорил о нем, как об общем любимце, как о редком по своим душевным качествам человеке, открытый характер которого, готовность оказать услугу и быть полезным, прямодушие, честность и бескорыстие высоко ставили его в нравственном отношении. «Красивая наружность, особенный приятный способ объясняться, умение кстати безвредно пошутить и хорошее образование увлекательно действовали на всех», — замечал он. Наверное, Пущина невозможно было не любить. Его помыслы и цели были всегда благородны, доброта неиссякаема, чувство справедливости безгранично. Рассказывая о деятельности Пущина «для общей пользы», Басаргин отмечал, что в Чите и Петровском, находясь вместе со всеми декабристами, Пуцин только и хлопотал о том, чтобы никто из его товарищей не нуждался, а свои деньги, присылаемые ему родными, клал почти все в общую артель. Он жил очень скромно, оставаясь всегда в долгах, которые при первой высылке денег из дому спешил уплатить, и это его «бескорыстие или, лучше сказать, бессеребренность, доходила до крайних пределов». За постоянные хлопоты и заботы о других декабристы дали Пущину ласковое прозвище «Маремьяна» или «Маремьяна-старица», а его общественную деятельность в этом направлении называли «маремьянством». Декабрист И. И. Горбачевский, обращаясь

к декабристу М. А. Бестужеву, говорил о Пушкине с восторгом: «Чудо-человек, что хочешь, так он хорош!»

Одна из девиц семейства Копьевых, с которыми И. Пущин был хорошо знаком до своего ареста, в конце 1837 года выразила желание ехать к Пушкину, отбывавшему каторгу в Петровском Заводе. Егор Антонович, искренне радуясь за Пушкина, пытался помочь ей, устроив ее поездку к Пушкину в расчете на возможный брак. В связи с этим Энгельгардт обратился с письмом к любимому своему воспитаннику. Пущин считал, что «человек, избравший путь довольно трудный, должен рассуждать не одним сердцем, чтоб без упрека идти по нем до конца». Пущин ответил Энгельгардту, что никогда не останавливал он мысль свою на возможности супружества.

В середине лета 1830 года декабристов перевели в Петровский Завод, тюрьму, специально для них построенную по приказу Николая I. В этой тюрьме отсутствовали окна, и заключенные принуждены были все время находиться в каменном мешке при свечном освещении, что пагубно отражалось на их здоровье. И только благодаря хлопотам жен декабристов, которые описывали своим высокопоставленным родственникам условия, в каких жили они и их мужья, царь разрешил прорезать окна в стенах камер. Окна, узкие, маленькие, были расположены под самым потолком. Чтобы читать и работать, декабристы вынуждены были соорудить под ними специальные высокие подмости.

В этот период Пущин продолжал делать переводы, стараясь помочь своим нуждающимся товарищам. Еще будучи в Чите, он вместе с декабристом В. И. Штейнгелем перевел «Записки о Франклине» — любимом герое декабриста В. Вольховского. Перевод был послан для печати, но затерялся.

Пушкин переписывался не только с родными. Нежна и трогательна была дружба между ссыльным Пушкиным и старым директором Лицея. От Е. А. Энгельгардта Пушкин узнавал новости о товарищах по Лицею, об их жизни, успехах по службе. Смерть товарищей больно отражалась в его сердце. Но когда в Сибирь пришла весть — Пушкин убит! — это был для Пушкина «громовой удар из безоблачного неба». Он долго не мог прийти в себя. Позднее Пушкин писал: «Не стану беседовать с вами об этом народном горе, тогда несказанно меня поразившем: оно слишком тесно связано с жгучими оскорблениями, которые невыразимо должны были отвращать последние месяцы жизни Пушкина».

В 1838 году, 20 июня, Пушкин писал И. В. Малиновскому: «...ты, верно, не забыл 9 июня и, глядя на чугунное кольцо, которому минуло 21 год, мысленно соединился со всеми товарищами, друзьями нашей юности. Теперь мы можем с полным убеждением повторить слова Дельвига, который тогда нам провещал: *«Судьба на вечную разлуку, быть может, породнила нас»*. Уверенность в дружбе неизменной смягчает горечь непреложного исполнения этого пророчества. Мы розно и между тем вместе: взаимность чувств не знает разлуки. Побеседовал я мысленно с прежними однокашниками, почтил благодарностью тех, которые попечениями улаживали первые годы нашей жизни, и в душе пожелал вам и им всем радостных ощущений...»

В 1839 году И. И. Пушкин был отправлен на поселение в Туринск. 25 августа он сообщал И. В. Малиновскому: «...довольно вам знать, что я здесь и что постоянно тот же, как вы меня знавали в старые годы. Кажется, судьба не отказала мне в свежести чувств, без которой отравлена преждевременно жизнь, — дышу теперь свободнее, но грустно расстаться с добрыми спутниками тяжелой эпохи моей жизни. Не нужно вам гово-

рять, как много душа страдает, прощаясь навеки после столь долгого соединения... Любезный друг Иван, прими меня, каков я есть, узнай старого признательного тебе лицейского товарища; с прежнею доверенностью детства и юности обращаюсь к тебе сердцем: ты, верный добрым воспоминаниям, поймешь мое дружеское приветствие без дальнейших объяснений. Голос друга лишней раз заставит встрепетаться твое любящее сердце...»

В том же году, 27 октября, Пушкин в письме к И. В. Малиновскому и В. Д. Вольховскому заметил: «Главное — не надо утрачивать поэзию жизни: она меня до сих пор поддерживала, — горе тому из нас, который лишится этого утешения в исключительном нашем положении». В это время он уже начал тяжело болеть. Климат Туринска был ему вреден. Усилились одышка, болезнь ног.

Все время Пушкин возвращался мыслями к другу юности, к Пушкину. 14 июня 1840 года Пушкин писал Малиновскому: «...последняя могила Пушкина! Кажется, если бы при мне должна была случиться несчастная его история и если б я был на месте К. Данзаса, то роковая пуля встретила бы мою грудь: я бы нашел средство сохранить поэта-товарища, достойные России...»

Здоровье Пушкина ухудшалось. Он обратился с просьбой к правительству перевести его в село Урик близ Иркутска, где на поселении жил декабрист Ф. Б. Вольф, человек большой души, талантливый врач, лечивший всех декабристов и их жен. Но царь отказал в переводе. Тогда родные и друзья Пушкина стали хлопотать о перемене места поселения, но их просьбы долго оставались без внимания. В 1842 году Пушкин получил возможность выехать для лечения в Тобольск, и только в 1843 году ему было разрешено поселиться в Ялуторовске, где жили И. Д. Якушкин, М. И. Муравьев-Апостол с женой и

Е. П. Оболенский, с которым Пущин был очень дружен. Якушкин занимался большой просветительской деятельностью среди населения и основал здесь школу. Пущин стал помогать ему: учил детей местных жителей у себя на дому, хлопотал об улучшении положения учителей своего края.

В 1853 году в Ялуторовск к И. Д. Якушкину приехал его младший сын Евгений. И. И. Пущин произвел на него сильное впечатление: «Имя Пущина было давно мне известно из стихотворений Пушкина,— писал Е. И. Якушкин.— Когда я с ним познакомился, ему было 55 лет, но он сохранил и твердость своих молодых убеждений и такую теплоту чувств, которая встречается редко в пожилом человеке. Его демократические понятия вошли в его плоть и кровь...» Е. Якушкин не раз слушал рассказы Пущина (а он был великолепный рассказчик) о лицейской жизни, об А. С. Пушкине. Молодой Якушкин горячо просил И. И. Пущина написать о Пушкине воспоминания, что тот впоследствии и осуществил.

Поистине, дружба и любовь проверяются временем и расстоянием, радостями и бедами. Если И. И. Пущин был родственными узами тесно связан со своими друзьями Иваном Малиновским и Владимиром Вольховским, то дружба с Е. А. Энгельгардтом и Федором Матюшкиным выросла и окрепла, когда они оказались вдали друг от друга. «Ни приговоры светских судилищ», ни годы, ни расстояния, ни изоляция «политического преступника» — ничто не могло ослабить эту дружбу. Иван Пущин и Федор Матюшкин стали особенно близки и дороги друг другу, живя в разных частях света. Они обменивались письмами — задушевыми, откровенными и нежными, полными любви и заботы.

В одном из писем Пущина к Матюшкину от 2 июля 1853 года есть интересные, может быть, пророческие

строки: «Рано или поздно должны столкнуться два начала. Я все надеюсь, что не с гнилого Запада явится заря, а с Востока, то есть от соединения славянских племен. Это будет прочнее всех вспышек и потом реакций, отдаляющих жестоко самое дело.— У меня это *idée fixe**, и я все подвожу к этому подготовлению: много тут основных начал, несознательно ведущих к желаемым изменениям, без которых нет блага под луной. Вот куда меня забросила мечта, будто бы я с тобой говорю,— ты, может быть, примешь меня за сумасшедшего. Пусть так; только это состояние отрадное — вера в человечество, стремящееся, несмотря на все закоулки, к чему-нибудь высокому, хорошему, благому. Без этой веры темно жить».

В этом же письме Пущин заметил: «Не знаю, успею ли с этим случаем написать и Егору Антоновичу и благодарить его за *in folio*** , адресованное его благородию Ив. Ив. Пущину. Он не признает приговора Верховного уголовного суда». Николай I приказал именовать декабристов официально «государственными преступниками». Они обязаны были отмечать это и сами на конвертах своих писем и на всяких прочих документах. К тому же они лишались права писать свое отчество, поэтому надписывать конверт, адресованный Пущину,— «его благородию», да еще с употреблением отчества, было, конечно, смелостью.

В ссылке Пущин продолжал заниматься переводами, сообщая Е. А. Энгельгардту сведения об экономической жизни Западной Сибири, переписывался с друзьями и родными. От политической жизни страны декабристы были изолированы. А в это время в России вслед за декабристами подымались новые борцы за свободу. Пу-

* Навязчивая идея (*франц.*).

** Форматом в лист (*лат.*).

щина волновали доходившие в Сибирь известия о революционных событиях в Западной Европе. Вскоре он узнал и об аресте в 1848 году деятелей кружка В. М. Петрашевского в Петербурге, и о ссылке девяти из них в Сибирь. В 1857 году в письме к М. И. Муравьеву-Апостолу Пущин назвал имена этих «девяти коммунистов», в их числе и Ф. М. Достоевского. М. В. Буташевич-Петрашевский, Н. И. Кайданов — сын профессора Лицея были лицеистами выпуска 1839 года. К следствию привлеченным оказался и сын товарища Пущина Е. С. Есаков, также учившийся в Царскосельском лицее, но выпускавшийся в 1844 году в Петербурге (после перевода Лицея в 1843 году в столицу и переименования его в Александровский лицей). Его товарищ по курсу М. Е. Салтыков, в будущем великий писатель Салтыков-Щедрин, также находился под следствием. Деятельными членами кружка были еще два лицеиста выпуска 1847 года — А. И. Европеус и Н. С. Кашкин; они, как и Петрашевский, подверглись тяжелым наказаниям.

Хорошая знакомая И. И. Пущина, жена его друга декабриста М. А. Фонвизина Наталья Дмитриевна встретила в Сибири с Петрашевским. Она узнала от него о деятельности своего сына в этом кружке. Сам Петрашевский, будучи в Сибири, подружился с декабристом Н. И. Завалишиным. Достоевский переписывался с Н. Д. Фонвизиной. Переписка эта не прекратилась и после ее отъезда с мужем в Россию. Петрашевец С. Ф. Дуров в 1850-х годах состоял в переписке с Н. Д. Фонвизиной, ставшей впоследствии женой И. И. Пущина, и самим Пущиным, получая их участие и поддержку. Такова была связь и преемственность поколений.

Пущин всячески старался объединить декабристов, живших на поселении в разных местах. Выехав в

Тобольск для лечения, он сделал большой крюк, чтобы увидаться со своими друзьями. Переписываясь почти со всеми декабристами, Пущин старался налаживать связи между ними. Письма Пущина «по литературному дару, по выразительному языку и слогу» весьма высоко ценились его корреспондентами. Мария Николаевна Волконская писала Пущину: «Я всегда восхищалась вашим русским языком».

Интересно, что Пущина в Сибири навещали все воспитанники Лицея последующих выпусков, бывшие там проездом или по делам. Два раза за время ссылки Пущин встречался с Кюхельбекером. Незадолго до своей смерти, в марте 1846 года, проездом в Тобольск, Кюхельбекер остановился с семьей у Пущина. Вскоре после смерти поэта его вдова с двумя детьми приехала в Ялуторовск и поселилась в доме Бронникова, где жил Пущин. 9 ноября 1846 года М. И. Муравьев-Апостол сообщал С. П. Трубецкому: «Наша маленькая колония увеличилась тремя новыми членами — вдовой с двумя детьми Вильгельма Кюхельбекера. Пущин — признанный попечитель наших вдов. Его чудесное сердце и справедливый ум, обладающий большим тактом, дают ему возможные права на это».

...Шли годы. Далеко от родных и близких, в нужде и лишениях, но до конца оставаясь твердыми в своих убеждениях, болели, старели и умирали декабристы.

В столице готовились к коронации Александра II. В связи с этим «государственные преступники» получили амнистию по манифесту 26 августа 1856 года. Им было позволено жить под надзором полиции всюду, кроме столичных городов.

Пущин, возвращаясь после амнистии из Сибири, заехал в Нижний Новгород к В. И. Далю, писателю и врачу, который присутствовал при последних минутах жизни Пушкина. Пущин хотел знать все о его кон-

чине. Тягостное чувство пережил он, когда Даль показал ему простреленный сюртук поэта.

По просьбе сестры Пущина Е. И. Набоковой, хлопотавшей за брата, Пущину разрешено было «временно для излечения» жить у нее. Таким образом, по приезде из Сибири, он жил с 18 ноября 1856 года и до мая 1857 года то у сестры, то у брата Николая Ивановича, недалеко от столицы. 15 декабря 1857 года в Петербурге встретились Пущин, Матюшкин, Данзас и Горчаков. Данзас рассказал о трагической дуэли и последних часах жизни поэта. Впоследствии в своих записках Пущин вспоминал рассказ Данзаса: «...приехала У. К. Глинка*, сестра Кюхельбекера; но тогда ставили ему пиявки. Пушкин просил поблагодарить ее за участие, извинился, что не может принять. Вскоре потом со вздохом проговорил: «Как жаль, что нет теперь здесь ни Пущина, ни Малиновского!» Вот последний вздох Пушкина обо мне. Этот предсмертный голос друга дошел до меня с лишком через 20 лет!..»

Много думал Пущин в сибирской ссылке о Лицее как о лучшей поре своей жизни, вспоминал друзей... Теперь он, наконец, смог посетить Царское Село и Лицей. Больной, с тяжелой одышкой, он поднялся по знакомой лестнице на четвертый этаж, где когда-то были комнаты воспитанников. Грусть охватила его. Прежнего уже не существовало. Здание внутри было перестроено. Здесь поселились чиновники дворцового управления. Лицей давно был переведен в Петербург. Когда-то, полный надежд, молодой Пущин покинул эти стены. Теперь, старый и больной, он прощался с Лицеем...

Личные обстоятельства Пущина были тяжелы. Он не имел пристанища. Друзья-декабристы жили в разных краях страны. Да и в живых-то оставалось немного...

* Юстина (Устинья) Карловна.

Пуцин чувствовал глубокое одиночество. Но вдова декабриста М. А. Фонвизина Наталья Дмитриевна — женщина высоких духовных качеств, умная, талантливая — полюбила И. И. Пуцину и пожелала разделить с ним судьбу. С Натальей Дмитриевной его связывала взаимная давняя дружеская симпатия, которая перешла в более глубокую привязанность.

Близ станции Бологое, в домашней церкви князя Д. А. Эристова (лицеиста выпуска 1820 года), 22 мая 1857 года Н. Д. Фонвизина и И. И. Пуцин обвенчались. Пуцин поселился в Марьине, подмосковном имении жены, оставаясь под надзором полиции. Больной Пуцин все еще казался опасным царскому правительству. «С самого возвращения на родину я почти постоянно хвораю и теперь далеко от здорового», — писал он декабристу А. Ф. Бриггену.

Несмотря на это, Пуцин развивает большую общественную деятельность, продолжая организовывать помощь семьям декабристов. Это — и моральная поддержка, и устройство на службу детей, и денежная помощь нуждающимся из артельной кассы и прочие заботы об их жизни. В 1858 году Пуцин совершает свою последнюю поездку в Петербург и в последний раз посещает Лицей. В этот период он пишет свои знаменитые «Записки о Пушкине», которые были впервые опубликованы (со значительными купюрами по требованию цензуры) Е. И. Якушкиным в восьмом номере журнала «Атеист» за 1859 год.

Пуцин внимательно следит за революционной пропагандой А. И. Герцена, ходатайствует об издании произведений К. Ф. Рыльева, ведет обширную переписку со всеми оставшимися в живых декабристами и их родственниками. Подвижничество, душевная доброта Пуцины, вечное попечительство о всех нуждающихся встретили поддержку и помощь Натальи Дмитриевны. Их пере-

писка, когда они ненадолго расставались, полна нежных, теплых чувств и взаимопонимания.

15 марта 1859 года И. И. Пущин, ему уже было трудно писать, диктует своему другу декабристу П. С. Бобрищеву-Пушкину письмо к декабристу С. П. Трубецкому. В письме он спрашивает о сестрах декабристов Бестужевых, которые, поехав к своим ссыльным братьям, все еще оставались в Сибири; интересуется жизнью декабриста Михаила Бестужева; волнуется за судьбу друга декабристов офицера Петровской тюрьмы, оказывавшего декабристам постоянные услуги, Я. Д. Казимирского; хочет подробно знать о дочери К. Ф. Рылеева.

22 марта он диктует находящейся около его постели Аннушке письмо к декабристу М. И. Муравьеву-Апостолу. Аннушка была дочерью Пущина и молодой якутки, которую он встретил в городе Туринске. Дочь Пущина родилась 8 сентября 1842 года (умерла в 1863 году). Пущин очень любил ее и заботился о ней. Сын Пущина Иван родился в 1849 году (умер в 1923 году), по-видимому, в Ялуторовске, куда Пущин переехал из Туринска. Пущин воспитал и сына. Его письма к родным и друзьям всегда были наполнены рассказами о маленьких, а затем взрослых детях.

25 марта Пущин посылает письмо декабристу Г. С. Батенькову, задушевное, полное мягкого, так свойственного Пущину юмора. 29 марта он пишет друзьям по ссылке Е. П. и М. И. Нарышкиным, беспокоясь об их здоровье. Он говорит о своей дочери, сообщает новости, волнуется за живущего с ним друга Павла Бобрищева-Пушкина: «Друг Павел что-то прихварывает; всячески стараюсь его уверить, что он здоров, но это мне не удается. Хохлится, и нет подчас доброй его улыбки».

Воспитанник декабристов и автор воспоминаний о них талантливый художник М. С. Знаменский, хорошо знавший И. И. Пущина, с большой любовью и восхищением писал о нем. Однажды Знаменский встретил совершенно незнакомого ему человека, с восторгом рассказывавшего о том, как он, зная Пущина только по слухам, обратился к нему письменно, прося похлопотать о его личном деле. Вскоре он получил ответ, написанный под диктовку Пущина, уведомлявший, что по письму его сделано все возможное. Письмо было написано накануне смерти Пущина.

«3 апреля 1859 года дворянин Иван Иванович Пущин умер», — сообщил московский губернатор III жандармскому отделению.

Пущина похоронили в Марьине, близ Бронниц под Москвой, рядом с его другом декабристом М. А. Фонвизиным. А. И. Герцен с опозданием узнал о смерти И. И. Пущина и 22 июня 1859 года на первой странице «Колокола» (№ 46) напечатал в траурной рамке извещение: «Мы только теперь получили известие о кончине в подмосковной деревне $\frac{3}{15}$ апреля Ивана Ивановича Пущина. Мы упрекаем наших корреспондентов, что они так поздно известили нас. Все касающееся до великой, передовой фаланги наших вождей, наших героических старцев, должно быть отмечено у нас».

Декабрист Н. Р. Цебриков, скорбя по поводу смерти И. И. Пущина, писал: «Для всех благородно мыслящих потеря Ивана Ивановича Пущина тяжелым свинцом легла на сердце. Я его лично совершенно не знал, но всех отзыв был один, что он был лучший патриот и лучший человек».

Жизнь Пущина, имя которого заслуженно вошло в историю освободительного движения нашей страны, является примером подвижнической любви к Отечеству и

к своему народу. Человек огромной душевной силы и чистоты, высокого долга, благородства, ясного светлого ума, непреклонной воли, через все годы и лишения пронесший светлый оптимизм, оставшийся верным и преданным передовым убеждениям своего времени, — таким видели Ивана Ивановича Пушкина его современники, таким представляется «первый» и «бесценный» друг Пушкина новым поколениям.

Антон Дельвиг

Антон Антонович Дельвиг — один из интереснейших и талантливых поэтов прошлого века, лицейский товарищ, друг и литературный соратник Пушкина. Творческая мысль, неистощимая фантазия, пылкое воображение этого внешне спокойного, даже флегматичного человека не знали покоя.

Русские песни Дельвига восхищали современников. Лучшие из них, как и многие его романсы, сонеты, идиллии, до сегодняшнего дня сохранили всю свежесть поэтического обаяния. Он сказал свое самобытное слово в русской поэзии и занял заметное место в плеяде поэтов пушкинской поры.

Веселость нрава Дельвига, его постоянно доброе настроение не позволяли окружающим думать о его болезненности, о скором и трагическом конце человека, не успевшего до конца раскрыть свои редкие дарования.

Пушкин написал воспоминания о Дельвиге. В этих записках немногими, но точными штрихами Пушкин рисует облик поэта, друга и единомышленника, чистый, ясный, вдохновенный. В стихотворении «19 октября» 1825 года А. С. Пушкин обратился к Дельвигу:

С младенчества дух песен в нас горел,
И дивное волнение мы познали;
С младенчества две музы к нам летали,
И сладок был их лаской наш удел:
Но я любил уже рукоплесканья,
Ты, гордый, пел для муз и для души;
Свой дар как жизнь я тратил без вниманья,
Ты гений свой воспитывал в тиши.

Отец Антона Дельвига был немецкого происхождения и принадлежал к лифляндскому дворянству. От предков ему достался только баронский титул. Состояния Антон Дельвиг-старший не имел. В должности плацмайора он служил в Москве, а затем, повышаясь в чинах, в Риге, Кременчуге и других городах. Мать Дельвига, урожденная Красильникова*, происходила из семьи дворян. Семейный уклад Дельвигов являлся чисто русским, в семье говорили только на русском языке.

Антон Дельвиг родился 6 августа 1798 года. До Лицея учился в одном из частных московских пансионов. Кроме того, он занимался литературой с домашним учителем А. Д. Боровковым — впоследствии одним из организаторов Вольного общества любителей российской словесности. По рекомендации главнокомандующего в Москве графа Гудовича Дельвиг поступил в Царско-сельский лицей, успешно выдержав экзамены.

Если Дельвиг, как писал Пушкин, не знал «ни одного иностранного языка» до поступления в Лицей, то благодаря лицейским методам обучения он уже вскоре свободно читал, говорил на французском и немецком языках, в подлинниках знакомился с произведениями всемирно известных писателей. С первых дней поступления в Лицей Пушкин и Дельвиг, различные по характе-

* А. С. Пушкин в статье «Дельвиг» называет ее урожденной Рахмановой, во всех же остальных источниках она названа Красильниковой.

рам, близко сошлись, объединенные литературными интересами, любовью к поэзии. Пушкин впоследствии в своей незаконченной статье «Дельви́г», написанной не позднее 1834 года, писал: «Любовь к поэзии пробудилась в нем рано. Он знал наизусть Собрание русских стихотворений, изданное Жуковским. С Державиным он не расставался. Клопштока, Шиллера и Гельти прочел он с одним из своих товарищей*, живым лексиконом и вдохновенным комментарием; Горация изучил в классе, под руководством профессора Кошанского».

Педагоги, давая характеристики Антону Дельви́гу в 1812, в 1813 годах, не отмечали ничего значительного, что выделяло бы его среди товарищей, никаких талантов либо приметных способностей. Добродушный, с мягким характером и юмором, Дельви́г вызывал симпатию и любовь товарищей по Лицею. Как и всем мальчикам его возраста, ему не чужды были забавы, иногда он проявлял некоторую резвость, но всему предпочитал уединение и чтение книг. А. С. Пушкин вспоминал: «Дельви́г никогда не вмешивался в игры, требовавшие проворства и силы; он предпочитал прогулки по аллеям Царского Села и разговоры с товарищами, коих умственные склонности сходились с его собственными».

Дельви́г принимал деятельное участие в рукописных лицейских журналах. «Первыми его опытами в стихотворстве,— писал Пушкин,— были подражания Горацию. Оды «К Диону», «К Лилете», «Дориде» писаны им на пятнадцатом году и напечатаны в собрании его сочинений безо всякой перемены. В них уже заметно необыкновенное чувство гармонии и той классической стройности, которой никогда он не изменял. В то время (1814 году) покойный Влад. Измайлов был издателем

* В. Кюхельбекером.

«Вестника Европы». Дельви́г послал ему свои первые опыты; они были напечатаны без имени его и привлекли внимание одного знатока, который, видя произведения нового, неизвестного пера, уже носящие на себе печать опыта и зрелости, ломал себе голову, стараясь угадать тайну анонима». Поэтический дар, вдруг проявившийся в, казалось бы, флегматичном Дельви́ге, был столь неожидан и так удивил некоторых его однокашников, как вспоминал Пушкин в своей неоконченной статье 1830—1831 годов «Опровержение на критики», что они даже начали острить:

Ха ха ха, хи хи хи
Дельви́г пишет стихи.

Впоследствии Пушкин с горечью заметил, что никто не обратил тогда внимания на столь прекрасный талант Дельви́га, «никто не приветствовал вдохновенного юношу...»

Но все же Дельви́г завоевал свое место, и не последнее, среди лицейских поэтов. Издателями рукописного журнала «Неопытное перо» были Пушкин, Дельви́г и Корсаков. В 1813 году журнал «Юные пловцы» издавался Пушкиным, Дельви́гом, Илличевским, Кюхельбекером и Яковлевым. В том же году появился и «Лицейский мудрец», «цензором» которого был Дельви́г, то есть весь литературный материал проходил через его руки. Война 1812 года, так сильно отразившаяся на детстве воспитанников Лицея, также повлияла на их литературные труды. Дельви́гом было написано стихотворение «На взятие Парижа», опубликованное в «Вестнике Европы» за подписью «Русской». Дельви́г стал печататься первым из лицейских поэтов, вторым Пушкин, а затем и другие.

На переходном экзамене 8 января 1815 года Пушкин прочел свое стихотворение «Воспоминания в Царском Селе». Известно, какой восторг вызвало это стихотворе-

ние у присутствовавших, и особенно у Г. Р. Державина. В тот день Пушкин был признан поэтом. Дельвиг первый в стихотворении «Пушкину» приветствовал гений друга, предрекая ему бессмертие:

Пушкин! Он и в лесах не укроется:
Лира выдаст его громким пением,
И от смертных восхитит бессмертного
Аполлон на Олимп торжествующий.

Стихотворение было напечатано в сентябре 1815 года в журнале «Российский музеум». Этот панегирик несколько смутил Пушкина, и он ответил «муз невинных лукавому духовнику» — Дельвигу поэтическим посланием. В стихотворении А. Пушкин сердился на «предателей-друзей» (в числе их был и Дельвиг), которые без ведома Пушкина отдали в печать его произведения. Александр Пушкин почувствовал, что Дельвиг, восторженно приветствовавший лиру друга, тем самым как бы невольно побуждал его быть требовательнее к себе. Видимо, поэтому, заканчивая свое послание «К Дельвигу», Пушкин шутливо писал в 1815 году:

О Дельвиг! начертали
Мне музы мой удел;
Но ты ль мои печали
Умножить захотел?

Знаменательно, что Дельвиг явился первым в литературе, кто сказал свое слово о Пушкине. Впоследствии свою последнюю статью он также посвятил Пушкину — его трагедии «Борис Годунов». В сонете «Н. М. Языкову» (1822 год) Дельвиг напишет: «Я Пушкина младенцем полюбил... И первый я его услышал пенье...»

8 июля 1816 года умер Г. Р. Державин, и Дельвиг написал стихотворение «На смерть Державина»,

в котором обратился к Пушкину, как к преемнику лиры поэта. Дельви́г считает, что только Пушкин сможет поднять «чуть погасший факел» великого поэта. Антон Дельви́г, благоговевший перед «звучной лирой» Пушкина, приветствовал «божественного певца», «любимца Аполлона», и в стихотворении «К А. С. Пушкину».

В Ли́цее Дельви́га всецело поглощали литературные занятия, так что в науках он не блистал успехами. Вступивший на пост директора Ли́цея в начале 1816 года Е. А. Энгельгардт писал о Дельви́ге: «...я, вероятно, обязан только Жуковскому тем, что он с некоторого времени прилагает известное старание к изучению немецкого языка. В его играх и шутках проявляется определенное ироническое остроумие, которое после нескольких сатирических стихотворений сделало его любимцем товарищей... он без выбора глотает книги, которые раздобывает всякими путями и большей частью тайно читает в классе. В русской литературе он, пожалуй, самый образованный».

Насколько поднялся среди лицейских поэтов авторитет Дельви́га, можно судить по письму его однокурсника Илли́чевского к Фуссу в 1816 году, где дается высокая и верная оценка творчеству Антона Дельви́га: «Познакомься рано с музами, музам пожертвовал он большую часть своих досугов. Быстрые его способности (если не гений), советы сведущего друга — отверзли ему дорогу, которой держались в свое время Анакреоны, Горации...»

Остроумный Дельви́г, хотя и был очень любим товарищами, не избежал общей участи — добродушных насмешек:

Полно Д... (Дельви́г), не мори
Ты людей стихами;
Ждут нас кофе, сухари,
Феб теперь не с нами.

За свою полноту Дельвиг получил прозвище «Султан», а за кажущуюся леность его звали «Мусульманином».

Дельвиг близко сошелся с Кюхельбекером. Их объединяла любовь к поэзии. Вместе они делили часы досуга, изучали немецких поэтов. Кюхельбекер в значительной мере не только приобщил Дельвига к поэтическому творчеству, но и пробудил в нем общественно-политические интересы. Будучи на старшем курсе, Дельвиг вместе с Пушным, Вольховским и Кюхельбекером входил в члены Священной артели.

В день выпуска из Лицея, 9 июня 1817 года, была пропета кантата или «Прощальная песнь воспитанников Царскосельского лицея». Это — «священная тризна разлуки и обетов будущей жизни», написанная Дельвигом и положенная на музыку учителем пения Теппером де Фергюсоном. В этой песне были выражены те особенные чувства, что испытывали, прощаясь с Лицеєм, его первые выпускники, и через многие годы они вспоминали глубоко запавшие в душу слова ее о вечной разлуке:

Простимся, братья! Руку в руку!
Обнимемся в последний раз!
Судьба на вечную разлуку,
Быть может, здесь сроднила нас!

В прощальном стихотворении Дельвига «К друзьям» (1817 год, май) сквозит неясное предчувствие чего-то несбыточного:

Я редко пел, но весело, друзья!
Моя душа свободно разливалась.
О Царский сад, тебя ль забуду я?
Твоей красой волшебной забавлялась
Проказница фантазия моя,
И со струной струна перекликалась,
В согласный звон сливаясь под рукой,—
И вы, друзья, талант любили мой.

• • • • •

А дар певца, лишь вам в пустыне милый,
Как василек, не доцветет унылый.

Дельви́г окончил Лицей с чином коллежского секретаря и был определен в департамент горных и соляных дел. Сразу же после выпуска он уехал в Кременчуг к родителям, которых давно не видел. Е. А. Энгельгардт, всегда старавшийся быть в курсе дел своих воспитанников, 20 декабря 1817 года писал Ф. Матюшкину: «Дельви́г все еще ищет в Южной России каких-то каменных угольев и ни к кому ни слова не пишет». В данном случае Энгельгардт ошибался. Дельви́г писал своим друзьям, обращаясь к ним с посланиями в стихах. Так, вопрошал он Пушкина:

А я ужель забыт тобою,
Мой брат по музе, мой Орест? *

Вернувшись с Украины, Дельви́г переходит из департамента горных и соляных дел в канцелярию министерства финансов. Его совсем не привлекала чиновничья карьера, но жалованье чиновника было для него единственным средством существования.

Дельви́га страстно привлекает литературный труд, и он весь отдается творчеству. Печатается в видных журналах, приобретает известность как поэт и литератор. Он избирается членом петербургского Вольного общества любителей словесности, наук и художеств, где председателем был А. Е. Измайлов, баснописец и журналист. Дельви́г также был избран в члены-сотрудники Вольного общества любителей российской словесности, где председательствовал поэт Ф. Н. Глинка — член Союза спасения.

* Сын аргосского царя, герой многих сказаний, имел преданного друга фокидского царевича Пилада (греч. миф.). Имена Ореста и Пилада символизируют верность дружбе.

Еще в Лицее зародилась и окрепла дружба Дельвига и Пушкина, но с годами она становилась все более близкой. Помимо своих лицейских товарищей, дружбу и связь с которыми он не терял, Дельвиг сходилется с видными литераторами: Жуковским, Плетневым и другими. Плетнев полюбил Дельвига и весьма высоко ценил его поэзию. Однажды Плетнев обратился к нему с вопросом: «Дельвиг, где ты учился языку богов?» Дельвиг ответил с юмором: «У Кошанского». Но в этой шутке прозвучала благодарность к лицейскому профессору.

Большая дружба завязалась между Дельвигом и Евгением Баратынским, в котором Дельвиг пробудил поэтический талант. Они жили вместе в 1819 году вблизи Загородного проспекта в Семеновском полку в 5-й роте в доме Ежевского (ныне Рузовская улица, дом не сохранился). До конца жизни оставался он верным другом Баратынского и его «цензором». Своими душевными качествами, своей образованностью и талантом Дельвиг очаровывал всех, с кем сталкивался. Вот как описывал В. А. Эртель свое первое знакомство с Дельвигом: «Мой двоюродный брат (Е. А. Баратынский.— Авт.) неожиданно возвратился, ведя за собой незнакомого для меня человека. Это был молодой человек почти одинаковых с ним лет, довольно полный, в коричневом сюртуке. Большие, осененные густыми темными бровями глаза блестели сквозь очки в черной оправе; довольно полное, но бледное лицо его было задумчиво, и вообще вся наружность выражала несвойственное летам равнодушие. Как удивился я, когда Евгений, представляя мне этого человека, назвал его бароном Дельвигом. Я его давно знал и уважал по его стихотворениям, я знал, что он искренний друг моего двоюродного брата, но я еще ни разу не видел его в лицо. Я не понимал, как могли согласовываться глубокое чувство, веселое добродушие и неподдельная русская оригинальность, которые так

привлекали меня в его стихотворениях, с его холодной наружностью и германским именем. Но потом, когда я узнал его ближе, какое неистощимое сокровище благородных стремлений, добродушия, человеколюбия до самопожертвования и постоянной веселости нашел я в этом прекрасном человеке».

Весной 1819 года Дельвиг вместе с Пушкиным, Гнедичем и Ф. Глинкой участвует в литературном обществе «Зеленая лампа», которое находилось под влиянием Союза благоденствия. Деятельность тайных декабристских обществ в то время способствовала распространению передовых идей среди деятелей русской культуры, которые были «не связаны с тайными обществами», но были захвачены «атмосферой политического брожения». Совершенно далекие от политических дел, многие из них выражали недовольство деспотизмом, высказывая сочувствие вольнолюбивым идеям.

Е. А. Энгельгардт 10 сентября 1820 года писал Матюшкину: «Дельвиг пьет и спит и кроме очень глупых и опасных для него разговоров ничего не делает». В этот период Дельвиг участвовал в заседании Вольного общества любителей словесности, наук и художеств, где читал сатиру К. Ф. Рылеева «К временщику», и Вольного общества любителей российской словесности, которое было близко Союзу благоденствия. По-видимому, в то же время и состоялось знакомство его с будущими декабристами Рылеевым, который по рекомендации Дельвига в 1821 году был принят в Вольное общество любителей российской словесности, и А. А. Бестужевым — издателями журнала «Полярная звезда». Рылеев и Бестужев высоко ценили талант Дельвига, и он одно время печатал в «Полярной звезде» свои «Русские песни». Декабрист Михаил Бестужев много лет спустя вспоминал о «русских завтраках» на квартире К. Рылеева и А. Бестужева, где собиралась дружная семья ли-

тераторов и поэтов. «Особенно врезался у меня в память,— рассказывал он,— один из этих завтраков, на котором, в числе многих писателей, были барон Дельвиг, Ф. Глинка, Гнедич, Грибоедов и другие».

В 1821 году Дельвиг поступает на службу в Публичную библиотеку помощником библиотекаря. Непосредственным начальником его стал баснописец И. А. Крылов. В то время в Публичной библиотеке кроме Крылова работали многие видные литераторы — Батюшков, Гнедич, Востоков, Загоскин, Греч, Эртель. Не слишком утруждая себя служебными обязанностями, Дельвиг, по свидетельству Плетнева, «по целым суткам» не выходил из Публичной библиотеки: он изучал греческий язык, античную литературу. Дельвиг пристрастился к древней греческой поэзии, в частности к так называемой идиллии (поэтическое произведение, изображающее жизнь на лоне природы), и написал несколько произведений в этом роде. Эти произведения привели Пушкина в восторг: «Идиллии Дельвига для меня удивительны. Какую силу воображения должно иметь, дабы так совершенно перенестись из 19 столетия в золотой век, и какое необыкновенное *чутье* изящного, дабы так угадать греческую поэзию сквозь латинские подражания или немецкие переводы, эту роскошь, эту негу, эту прелесть...» Впоследствии, в 1829 году, Пушкин писал о Дельвиге:

Кто на снегах возрастил Феокритовы * нежные розы?
В веке железном, скажи, кто золотой угадал?
Кто славянин молодой, грек духом, а родом
германец?

Вот загадка моя: хитрый Эдип **, разреши!

* Древнегреческий поэт, живший в III в. до н. э., писавший знаменитые идиллии. Феокриту подражали многие французские и немецкие поэты XVIII века.

** Фиванский герой, разгадавший загадку чудовища Сфинкса (греч. миф.).

Это стихотворение было напечатано в альманахе «Царское Село» за 1830 год, изданном Н. М. Коншиным и Е. А. Розеном.

В 1820-х годах в Петербурге возникли известные впоследствии литературные салоны. Салон Софьи Дмитриевны Пономаревой, женщины интересной, талантливой и весьма образованной, посещали многие поэты, литераторы, художники. Здесь, на Фурштадтской улице (ныне улица Петра Лаврова, дом не установлен), бывали Дельвиг, Баратынский, Кюхельбекер, Илличевский, Яковлев, Гнедич, Панаев, Сомов, Измайлов, Крылов, Боровков, Куницын, Плетнев, Востоков и многие другие. Они посвящали С. Д. Пономаревой мадригалы, сонеты, элегии. Дельвиг пламенно увлекся Пономаревой, с которой был знаком с лицейских лет. Она, тогда Позняк, приезжала в Царское Село в Лицей навещать своего брата, воспитанника второго курса Ивана Позняка. К Софье Дмитриевне обращены многие стихотворения Дельвига и два лучших его сонета «Златых кудрей приятная небрежность...» и «В Испании Амур не чужестранец...». Внучатый племянник С. Д. Пономаревой, внук И. Д. Позняка, в своей статье «Тетушкин альбом», опубликованной в 1916 году в журнале «Столица и усадьба», рассказывал, что альбом С. Д. Пономаревой, принадлежавший А. А. Бахрушину, с ее миниатюрным портретом, исключительно интересен. В альбоме были рисунки тушью О. Кипренского, П. Яковлева и поэта К. Батюшкова; стихи А. Дельвига, А. Илличевского, В. Кюхельбекера, А. Измайлова, Н. Греча, А. Востокова, декабриста А. Поджио, Е. Баратынского и других.

Всего около трех лет продолжались литературные вечера у Пономаревой. Она умерла в мае 1824 года двадцати четырех лет от роду.

Помимо этого литературного салона Дельвиг часто посещал дом Воейкова. Здесь собирались Жуковский,

Козлов, Баратынский, Рылеев, А. Бестужев, Плетнев, Языков. Дельви́г не только приветствовал поэтические опыты Языкова, но и предрекал ему литературную известность.

В 1824 году Дельви́г, приняв предложение книготорговца И. В. Сленина, бывшего издателя «Полярной звезды», впервые вступил на издательский и редакторский путь. Он издал альманах «Северные цветы», а затем альманах «Подснежник». В «Северных цветах» были напечатаны произведения А. С. Пушкина и виднейших поэтов того времени. Это затронуло интересы издателей «Полярной звезды» Рылеева и Бестужева и несколько отдалило от них Дельви́га. Охлаждение, впрочем, произошло не столько из-за литературного соперничества, сколько ввиду различных взглядов на задачи литературы и искусства. Несмотря на это, отношения Дельви́га с поэтами-декабристами были дружественными. Связи Дельви́га с декабристами впоследствии не остались вне внимания правительства.

По замечанию известного историка Лицея Д. Ф. Кобеко (лицеиста выпуска 1856 года), лицейские товарищи Дельви́га явились «усердными вкладчиками» в «Северные цветы»: Пушкин дал по нескольку стихотворений для каждой книжки; Илличевский поместил стихи и две статьи, одна из которых содержала отрывок описания путешествия его за границу в 1824 году; Яковлев напечатал стихи; М. Д. Деларю, начинающий поэт, воспитанник Лицея (выпуска 1829 года), поместил на страницах альманаха свои стихотворные опыты; здесь же напечатал одно стихотворение А. В. Мещерский, товарищ Деларю по курсу; а В. П. Лангер, окончивший Лицей в 1820 году, украсил «Северные цветы» несколькими своими рисунками.

Крепкая духовная связь и нежная дружба между А. Дельви́гом и А. Пушкиным никогда не прекращались.

По некоторым сведениям, в связи с высылкой Пушкина на юг Дельвиг создал «Русскую песню» («Соловей, мой соловей, голосистый соловей!»). Пушкин писал Дельвигу из Одессы 16 ноября 1823 года: «Мой Дельвиг, я получил все твои письма и отвечал почти на все. Вчера повеяло мне жизнью лицейскою, слава и благодарение за то тебе и моему Пушину! ...На днях попались мне твои прелестные сонеты — прочел их с жадностью, восхищением и благодарностью за вдохновенное воспоминание дружбы нашей. Разделяю твои надежды на Языкова и давнюю любовь к непорочной музе Баратынского...»

Весной 1825 года Дельвиг решил посетить «опально-го» друга в селе Михайловском. Это была огромная радость для Пушкина. Он так страстно ждал Дельвига, что в каждом письме к брату писал об этом. До того как приехать к Пушкину, Дельвиг заехал к родным в Витебск и там заболел. Все это отдалило свидание друзей. Дельвиг сообщил Пушкину, что заболел горячкой и воспалением в правом боку и груди. Заканчивая письмо, Дельвиг писал: «Онегин твой у меня, читаю его и перечитываю и горю нетерпением читать продолжение его, которое должно быть, судя по первой главе, любопытнее и любопытнее. Целую крылья твоего Гения, радость моя». Наконец Дельвиг приехал, и Пушкин сообщал брату: «Как я был рад баронову приезду. Он очень мил! Наши барышни все в него влюбились — а он равнодушен, как колода, любит лежать на постеле, восхищаясь Чигиринским старостою*». У Пушкина в Михайловском Дельвиг пробыл несколько дней и вернулся в Петербург. Ту радость, которую внес в жизнь поэта приезд лицейского друга, Пушкин выразил в стихотво-

* Чигиринский староста — герой поэмы К. Ф. Рылеева «Наливайко».

рении «19 октября» 1825 года чудесными строфами, полными сердечного чувства к Дельвигу:

Когда постиг меня судьбины гнев,
Для всех чужой, как сирота бездомный,
Под бурею главой поник я томной
И ждал тебя, вешун пермесских дев,
И ты пришел, сын лени вдохновенный,
О Дельвиг мой: твой голос пробудил
Сердечный жар, так долго усыпленный,
И бодро я судьбу благословил.

В 1824—1825 годах Дельвиг жил на Большой Мильонной в доме Эбелинга (1-я Адмиралтейская часть, 36, ныне улица Халтурина, 26). В октябре 1825 года Дельвиг женился на Софье Михайловне Салтыковой, миловидной, прекрасно образованной девушке и хорошей музыкантше, дочери сановника, приятеля В. Л. Пушкина арзамасца М. А. Салтыкова. Вскоре Дельвиг был вынужден уйти со службы в Публичной библиотеке, ибо после поездки к сосланному другу в Михайловское с директором ее А. Н. Лениным у него сложились весьма натянутые отношения, и поступить в министерство внутренних дел на должность чиновника особых поручений. Доход, получаемый от изданий альманаха, не был достаточен для помощи матери и братьям.

События, последовавшие за восстанием 14 декабря 1825 года, сильно отразились на глубоко впечатлительном и душевно тонком человеке, каким был Дельвиг. Арестованы и осуждены были его близкие друзья Кюхельбекер и Пущин, его товарищи по перу Рылеев, А. Бестужев и другие. Дельвиг не отмежевался от них. 19 октября 1826 года на традиционной встрече воспитанников Лицея Дельвиг прочел свои стихи «Снова, други, в братский круг...», где говорил о двух друзьях, которых недосчитались на этой сходке:

Но на время омрачим
Мы веселье наше, братья,
Что мы двух друзей не зрим
И не жмем в свои объятия.

Нет их с нами, но в сей час
В их сердцах пылает пламень.
Верьте. Внятен им наш глас,
Он проникнет твердый камень.

Дельви́г, как верный друг, до самой смерти не порывал связей с Кюхельбекером, томившимся в одиночной камере. В бумагах А. С. Пушкина сохранилось письмо Кюхельбекера к Дельви́гу от 18 ноября 1830 года из Динабургской крепости: «Любезнейший Антон Антонович. Вот тебе первая часть моего «Ижорского». Желал бы я очень знать, как тебе покажется... Напечатай «Ижорского» под псевдографическим именем, напр. Космократова Младшего (буде Пушкин позволит)...» Дельви́г послал Кюхельбекеру через его племянника книги, хлопотал об издании его произведений, старался помочь ему материально. Как издатель Дельви́г шел на большой риск, публикуя (хоть и без подписи) произведения «государственных преступников» В. Кюхельбекера, А. Бестужева, А. Одоевского, которые пересылались ему.

Квартира Дельви́га на Загородном проспекте, вначале в доме Кувшинникова (ныне Загородный проспект, 9, дом перестроен), а затем, с 1829 года, в доме Тычинкина (ныне Загородный проспект, 1, дом сохранился), становится одним из литературных центров. По средам и воскресеньям, по вечерам, к нему собирались писатели, сотрудники альманаха «Северные цветы», близкие друзья, лицейские товарищи, музыканты.

В 1826 году вернулся из ссылки Пушкин. Анна Петровна Керн, жившая в одном доме с Дельви́гом, так описывала их встречу: «...узнавши о приезде Дельви́га,

(Пушкин. — *Авт.*) тотчас приехал, быстро пробежал через двор и бросился в его объятия; они целовали друг у друга руки и, казалось, не могли наглядеться один на другого. Они всегда так встречались и прощались: была обаятельная прелесть в их встречах и расставаниях».

На литературных вечерах Дельвига бывали Пушкин, Плетнев, Одоевский, Яковлев, Илличевский, композитор Глинка, известный польский поэт Адам Мицкевич и многие другие. Песни и романсы здесь «певались непременно каждый вечер». В этом пении участвовал и сам Дельвиг, а особенно отличались М. Л. Яковлев и Д. А. Эристов. Поэт Н. М. Коншин, хороший знакомый Пушкина, часто бывавший в гостях у Дельвига, вспоминал о нем с большой теплотой и любовью и отмечал, что он нежно и преданно любил своих друзей. «Дельвиг почти не умел смеяться,— рассказывал Коншин,— но милая добрая улыбка его никогда не забудется... Болезненная полнота его казалась дородством: он был росту выше чем среднего; лицо имел открытое, лоб высокий, прекрасный, всегда спокойный; голубые глаза его, вечно вооруженные очками, высказывали невообразимую доброту, ум и мысль». А. П. Керн оставила интересные воспоминания об А. А. Дельвиге, написанные с теплым и глубоким чувством. Она рассказывала: «В его поэтической душе была какая-то детская ясность, сообщавшая собеседникам безмятежное чувство счастья, которым проникнут был сам поэт. Этой особенностью Дельвига восхищался Пушкин... Дельвиг любил доставлять другим удовольствия и мастер был устраивать их и изобретать». Керн отмечала также необыкновенную доброту и щедрость Дельвига, его хлебосольство и радушие. «Я не встречал человека,— записал о Дельвиге в своем дневнике А. И. Вульф,— который так всеми был бы любим и столько бы оную любовь заслуживал, как он. Его приветливое добродушие имеет неизъяснимую

прелесть; он так прост и сердечен в своем обращении со всеми, что невозможно его не любить».

Летом 1829 года Дельвиги жили на даче у Крестовского перевоза на берегу Малой Невки (бывшая Колтовская набережная). В конце июня 1829 года Дельвиг с женой, А. Керн, О. Сомов, М. Глинка, его приятель Римский-Корсаков и В. Лангер (лицеист выпуска 1820 года) совершили поездку по Финляндии, на Иматру. Впечатления этой поездки О. Сомов описал в статье «Четыре дня в Финляндии». В конце 1830 года описание этой поездки было издано отдельной книжкой с шестью пейзажами, нарисованными В. П. Лангером с натуры, и с нотами финской песни, записанной с голоса М. И. Глинкой. Эту песню пел ямщик-финн, мотив ее послужил главной темой для Финна в опере «Руслан и Людмила».

Среди литераторов авторитет Дельвига был очень высок. Его глубокие знания, тонкий художественный вкус заставляли считаться с ним не только молодых поэтов, но и известных писателей. Баратынский называл Дельвига «мой Гораций» и посылал ему на просмотр свои произведения прежде, чем отдать их в печать. В 1829 году вышло первое отдельное издание произведений А. А. Дельвига. Известный и весьма ценный Пушкиным журналист и критик И. В. Киреевский в своем «Обзоре русской словесности» с восторгом отозвался об этом сборнике стихотворений Дельвига. Большая издательская работа, критика, рецензирование и служба отнимали у Дельвига очень много времени. Для поэтического творчества свободные часы оставались не всегда. К тому же он был суров к себе и тщательно отделял каждую строфу.

По инициативе А. С. Пушкина с 1 января 1830 года в Петербурге стала выходить «Литературная газета», отражавшая литературно-эстетические взгляды передо-

вых писателей. Дельви́г был ее редактором. Выход «Литературной газеты» нанес серьезный удар реакционной печати. Разгорелась литературно-общественная борьба, главную роль в которой играл А. С. Пушкин. Вместе с Дельви́гом он стремился объединить лучшие силы, собрать под знамена прогрессивной журналистики молодых талантливых людей. Реакционные издатели Булгарин, Греч пускали в ход пасквилы и доносы. Дельви́га как редактора газеты неоднократно вызывали на допрос к шефу жандармов Бенкендорфу.

Надо сказать, что имя Дельви́га царское правительство занесло в «Алфавит» декабристов, хотя он к следствию и не привлекался. После приговора делопроизводитель Следственного комитета А. Д. Боровков, хорошо знавший Дельви́га с детских лет, по поручению царя составил извлечение из декабристских дел — «Свод показаний» членов Тайного общества о внутреннем состоянии государства, а также «Алфавит» декабристов — список всех в той или иной мере замешанных в деле лиц. Затем в 1827—1828 годах дела декабристов хранились запечатанными в секретном архиве (только в 1870—1880-х годах к ним были допущены некоторые историки). «Алфавит» был опубликован в 1925 году. Боровков, как и другие чиновники Следственного комитета, близкий прежде ко многим декабристам, не остался равнодушен к их участи. Сочувствие заставило его впоследствии взяться за перо, чтобы сказать слово правды о многих «замешанных в деле».

Дельви́г давно был на подозрении у правительства как «неблагонадежный». Доносы Булгарина усугубили тяжесть его положения. По воспоминаниям А. И. Дельви́га — двоюродного брата поэта — в ноябре Бенкендорф снова потребовал к себе издателя, который введен был к нему в кабинет в присутствии жандармов. Бенкендорф «самым грубым образом» обратился к

Дельвигу с вопросом: «Что ты опять печатаешь недозволенное?» Обращение на «ты» вместо общепринятого «вы» уже с самого начала не могло не подействовать на Дельвига. Но поэт проявил огромную выдержку и с достоинством защищал «Литературную газету». Бенкендорф же, оборвав его, заявил, «что ему все равно, что бы ни было напечатано, и что он троих друзей: Дельвига, Пушкина и Вяземского уже упрячет если не теперь, то вскоре, в Сибирь». Он добавил, что знает от Булгарина о встречах молодых людей, собирающихся у Дельвига, об их разговорах против правительства. Намерение Дельвига возражать взбесило Бенкендорфа. Не слушая его возражений, Бенкендорф в ярости выгнал Дельвига со словами: «Вон, вон, я упрячу тебя с твоими друзьями в Сибирь».

Отвратительное поведение шефа жандармов потрясло впечатлительного Дельвига. Но все же поэт не только добился от Бенкендорфа извинения за грубость, но и отстоял существование «Литературной газеты» под редакцией литератора О. М. Сомова. По воспоминаниям А. И. Дельвига, извинение Бенкендорфа «нисколько не подействовало на Дельвига к лучшему» и, «всегда хворый», заболев сильнее прежнего, он «впал в апатию» и не хотел никого видеть, кроме самых близких. Депрессию Дельвига отчасти можно объяснить обстоятельствами его семейной жизни. Полное безысходной боли стихотворение Дельвига «За что, за что ты отравила неисцелимо жизнь мою?» (1829 или 1830), по-видимому, обращено к его жене.

11 января он почувствовал себя нехорошо, «однако утром еще пел с аккомпанементом на фортепьяно, и последняя пропетая им песня была его сочинения: „Дедушка, — девицы раз мне говорили...“».

14 января 1831 года, в 8 часов вечера, поэт скончался. В «Литературной газете» от 16 января 1831 года были

помещены «Некролог Дельвига», написанный писателем П. А. Плетневым, и «К гробу барона Дельвига» поэта В. И. Туманского. Отмечая глубокий ум А. А. Дельвига, Плетнев писал о полноте и ясности его «литературных сведений», которые были залогом успехов его на новом — журнальном — поприще. Рецензируя новые книги, Дельвиг успел уже изложить несколько важнейших своих мыслей, «о разных отраслях словесности». Но не менее важным и значительным Плетнев считал, что «от одного присутствия Дельвига одушевлялось целое общество», когда же он «увлекался разговором, то обнимал предмет с самых занимательных сторон и удивлял всех подробностью и разнообразием познаний».

17 января, в субботу, Антон Антонович Дельвиг был погребен в Петербурге на Волковом кладбище. В середине 1930-х годов прах его был перенесен в Некрополь Александро-Невской лавры.

В своем последнем письме к Пушкину Дельвиг сообщал: «„Литературная газета“ выгоды не принесла и притом запрещена за то, что в ней напечатаны были новые стихи Делавиня... подлецы в это время хлопочут из корыстолюбия марать честных и выезжают на своих мерзостях. Булгарин верным подданным является. Ему выпрашивают награды за пасквили, достойные примерного наказания, а я слышу карбонарием...» Поводом для запрещения газеты послужило помещенное в ней четверостишие французского поэта и драматурга Казимира Делавиня об Июльской революции в Париже.

Когда была перевернута последняя страница этой истории, разгоревшейся вокруг «Литературной газеты», Пушкин находился в Москве и ничего об этом не знал. Смерть друга потрясла сердце Пушкина. В страшной скорби и смятении 21 января он писал Плетневу: «...никто на свете не был мне ближе Дельвига. Изо всех связей детства он один оставался на виду — около него

собиралась наша бедная кучка. Без него мы точно осиротели». Через 10 дней Пушкин вновь пишет Плетневу о Дельвиге: «Я знал его в Лицее — был свидетелем первого, незамеченного развития его поэтической души и таланта, которому еще не отдали мы должной справедливости. С ним читал я Державина и Жуковского — с ним толковал обо всем, *что душу волнует, что сердце томит*. Я хорошо знаю, одним словом, его первую молодость; но ты и Баратынский знаете лучше его раннюю зрелость. Вы были свидетелями возмужалости его души. Напишем же втроем жизнь нашего друга, жизнь, богатую не романтическими приключениями, но прекрасными чувствами, светлым чистым разумом и надеждами».

П. А. Плетнев ответил Пушкину: «Написать историю и характеристику поэзии Дельвига — дело столь же прекрасное, сколько и полезное... Ты упоминал об издании Северн. Цветов. Это непременно сделать надобно с посвящением Дельвигу». Евгений Баратынский с болью заметил Плетневу: «Потеря Дельвига для нас незаменима. Ежели мы когда-нибудь и увидимся, ежели еще в одну субботу сядем вместе за твой стол,— боже мой! как мы будем еще одиноки! Милый мой, потеря Дельвига нам показала, что такое невозвратно прошедшее, которое мы угадывали печальным вдохновением, что такое опустелый мир, про который мы говорили, не зная полного значения таких выражений».

21 января 1831 года А. С. Пушкин написал о Дельвиге своей доброй знакомой, дочери фельдмаршала М. И. Кутузова Е. М. Хитрово: «Помимо прекрасного таланта, то была отлично устроенная голова и душа незаурядного закала. Он был лучшим из нас». (Подлинник по-французски).

19 октября 1831 года на очередной сходке воспитанников Лицея (на этот раз у М. Яковлева) Пушкин не

присутствовал. Есть предположение, что Пушкину тяжело было встречаться с лицейскими товарищами после смерти Дельвига. К этому дню Пушкин написал стихотворение «Чем чаще празднует лицей свою святую годовщину...», в котором звучали строфы, полные скорбного предчувствия:

И мнится, очередь за мной,
Зовет меня мой Дельвиг милый,
Товарищ юности живой,
Товарищ юности унылой,
Товарищ песен молодых,
Пиров и чистых помышлений,
Туда, в толпу теней родных,
Навек от нас утекший гений.

Для Пушкина Дельвиг был значительно больше, чем «товарищ юности». Это был товарищ по общему делу, по борьбе за будущее русской литературы.

Е. А. Энгельгардт, весьма тяжело переживавший утрату Дельвига, поэта и человека, неоднократно писал об этом Матюшкину, отмечая, что в последний год жизни Дельвига они очень с ним сблизились.

Отзывы современников о Дельвиге — всегда самые доброжелательные и теплые. Друзья любили Дельвига, отдавая должное и его высокому таланту, и обаянию его редкой души. Узнав о смерти А. А. Дельвига, А. Н. Вульф отметил в своем дневнике лучшие качества Дельвига-человека и Дельвига-поэта, о русских песнях которого он записал: «...в народной поэзии он явился самостоятельным гением, его песни, кажется, слышались нам в самой колыбели; они останутся у нас в памяти». Действительно, русские песни Дельвига пользовались огромным успехом. К ним писали музыку Глинка, Алябьев, Даргомыжский, Варламов, Гречанинов и многие другие выдающиеся русские композиторы. Некоторые произведения Дельвига были переложены на

музыку его лицейским товарищем М. Л. Яковлевым. «Жизнь Дельвига была прекрасная поэма; мы, друзья его, читали и восхищались ей; потомству он оставил свои песни, светлые создания своей благородной души: оне не умрут дотоле, пока не умрет поэзия для сердца человеческого»,— писал поэт Н. М. Коншин. Как известно, особенное влияние русские песни Дельвига оказали на творчество Кольцова, ранние произведения которого несут на себе следы подражания песням и романсам Дельвига.

А. А. Дельвиг прожил недолгую, но вдохновенную творческую жизнь. Имя Антона Антоновича Дельвига, рано погибшего поэта и талантливого журналиста, единомышленника, верного друга и лицейского товарища Пушкина, по праву занимает одно из первых мест в истории русской литературы.

Вильгельм Кюхельбекер

Прекрасна русская пословица: добрый день виден с утра. Да, Вильгельм Кюхельбекер был юношей необыкновенным. Не просто, не обыденно прожил он свою сложную, подчас мученическую жизнь, проявив необыкновенную стойкость души. Резкая индивидуальность его натуры, особенности характера, физических данных способствовали своеобразию и его поэтического творчества.

Вильгельм Кюхельбекер был даже красив, но перенесенные в детстве тяжелые болезни несколько исказили его внешний облик, наложив особую печать на свойства его натуры, придали его фигуре ту карикатурность,

которая так забавляла его однокашников, тем более что восторженная пылкость, вдохновенность и крайняя неуравновешенность в сочетании с величайшей незлобностью и легкой отходчивостью давали повод к насмешкам. Высокий ростом, но излишне худой, Кюхельбекер имел черты лица правильные, отличавшиеся благородством линий и выразительностью выпуклых карих глаз, но рот чуть кривился, к тому же Кюхельбекер одним ухом совсем не слышал и иногда слегка подергивался телом. Казалось, все в Вильгельме Кюхельбекере было противоречиво, все негармонично, все представляло в каком-то гиперболическом, утрированном виде. Но, может быть, этот душевный и физический разлад также способствовал тому, что мы знакомы с такой редкой, неповторимо сложной, неповторимо противоречивой и неповторимо талантливой личностью, какой являлся Вильгельм Кюхельбекер. Яркая индивидуальность — таков юноша Кюхельбекер.

Прекрасный юноша! Окрыленный чистыми мечтами и помыслами, добрыми устремлениями, светлыми идеалами. Еще не ясны пути, еще не созрел в нем борец. Еще кажется окружающим, что, может быть, когда перегорит в нем страсть к переустройству мира, уделом его станет тихая пристань. Вильгельм Кюхельбекер — во многом сродни Ленскому. Недаром иные современники видели в нем прототип пушкинского вдохновенного поэта. И молодой Кюхельбекер мог легко из-за пустой ссоры окончить свой путь на дуэли... И Ленский мог «быть повешен как Рылеев». Юноша Вильгельм Кюхельбекер и юноша Владимир Ленский — дети своего века. Но Кюхельбекер увлечен высокими общественными идеалами, готов к борьбе за них. Лицейский друг и товарищ А. С. Пушкина В. К. Кюхельбекер вошел в историю России как участник восстания на Сенатской площади 14 декабря 1825 года и как поэт.

Печальна и трагична судьба этого одаренного человека, наделенного чувствительным, пылким и добрым сердцем, во многом противоречивого и часто непоследовательного.

Энгельгардт дает Кюхельбекеру в 1816 году тонкую характеристику: «Читал все на свете книги обо всех на свете вещах; имеет много таланта, много прилежания, много доброй воли, много сердца и много чувства, но, к сожалению, во всем этом не хватает вкуса, такта, грации, меры и ясной цели. Он, однако, верная, невинная душа, и упрямство, которое в нем иногда проявляется, есть только донкихотство чести и добродетели с значительной примесью тщеславия. При этом он в большинстве случаев видит всё в черном свете, бесится на самого себя, совершенно погружается в меланхолию, угрызения совести и подозрения и не находит тогда ни в чем утешения, разве только в каком-нибудь гигантском проекте. В детстве он страдал пляской св. Витта*. Его отец умер от чахотки, которая угрожает и ему».

Своеобразие внешности Кюхельбекера, его повышенная нервная возбудимость, вспыльчивость, крайняя рассеянность и многие другие качества содействовали тому, что в Лицее соученики хотя и любили Вильгельма за добродушие и многие достоинства, но с детской жестокостью и непониманием делали его в то же время мишенью своих насмешек, эпиграмм, карикатур.

По воспоминаниям М. Корфа, Кюхельбекер, «с эксцентричным умом, с пылкими страстями, с необузданной вспыльчивостью», всегда готовый «на самые курьезные проделки», являлся «предметом постоянных и неотступных насмешек целого Лицея» за свои странности, неловкости и «часто уморительную оригинальность».

* По-видимому, хореей (малой) — одним из многочисленных проявлений ревматического поражения нервной системы.

Лицейское понимание «сумасшедшего Вилиньки» осталось у многих уже повзрослевших лицейских его товарищей. Иван Пущин в зрелые годы не мог отделаться от вынесенной из Лицея насмешливой снисходительности к Кюхельбекеру. Но А. С. Пушкин, великий знаток человеческой души, видел в Кюхельбекере прежде всего поэта-гражданина, человека светлой и чистой души и называл его теплым, сердечным словом «брат»: в 1817 году в стихотворении «Кюхельбекеру» — «лицейской жизни милый брат», в 1825 году в стихотворении «19 октября» — «мой брат родной по музе, по судьбам»...

В. К. Кюхельбекер родился в Петербурге 10 июня 1797 года. Отец его Карл фон Кюхельбекер происходил из Саксонии, учился в Лейпциге одновременно с Радищевым и Гёте и был хорошо знаком с последним. В 1770-х годах он приехал в Россию. При Павле I был в Петербурге управляющим Каменного острова, а затем Павловска (близ Царского Села). После отставки жил в своем имении Авинорм в Эстляндии (ныне Авинурме, Эстонская ССР). Мать Кюхельбекера Юстина Яковлевна, урожденная фон Ломен, после смерти мужа жила с детьми на небольшую пенсию и крайне бедствовала. Кстати, Е. А. Энгельгардт, сам выходец из Прибалтики, являлся свойственником семьи Ломенов, отец же его был соседом по имению Ю. Я. Кюхельбекер и помогал ей в делах. Находясь в заточении, Кюхельбекер писал о себе племяннику Н. Г. Глинке: «По отцу и матери я немец, но не по языку: до шести лет я не знал ни слова по-немецки; природный мой язык — русский; первыми наставниками в русской словесности были — моя кормилица Марина, да няньки мои — Кириловна и Татьяна».

Семья Кюхельбекеров жила в Петербурге на Владимирской улице, но точных сведений о местонахождении

дома не сохранилось. Впоследствии В. К. Кюхельбекер так вспоминал об этом периоде своей жизни: «Самая отдаленная картина в галерее моего младенчества, картина, которая и поныне еще не вовсе изгладилась из души моей,— двор нашего дома в Владимирской улице, лошади с телегой и нянька моя Татьяна, взявшая меня на руки и поднесшая к окну, чтобы заставить смотреть на этих лошадей. Смутные воспоминания... о нашей детской комнате, о первой ребячьей ссоре с Мишею*, о Кириловне, о сытном хлебе, посыпанном сахаром... все эти воспоминания... относятся к времени, предшествовавшему нашей первой поездке в Авинорм...»

В Авинорме прошли детские годы Вильгельма Кюхельбекера. «Луга Эстонии и мирной и счастливой», поля, леса, холмы, речка Авинора навсегда запечатлелись в его памяти. Воспоминания о родном Авинорме впоследствии нашли яркое отражение в ряде произведений поэта, и прежде всего в стихотворениях, обращенных к брату Михаилу Карловичу («К брату», 1819, «Брату», 1833). «Адо (эстонская повесть)», написанная Кюхельбекером в 1824 году, была навеяна преданиями и старинными народными песнями Эстонии, услышанными в детстве. Даже в поэме на библейский сюжет «Давид», созданной в заточении в 1826—1829 годах, воспоминания вновь уносят поэта на берега Авиноры в пору счастливых дней детства.

В 1808 году Вильгельма-Людвига Кюхельбекера отдают в частный пансион при уездном училище в лифляндском городе Верро (ныне город Выру, Эстонская ССР). По рекомендации Баркляя де Толли, родственника матери, Кюхельбекер четырнадцати лет поступил в Царскосельский лицей и сразу же зарекомендовал себя как отличный ученик. Педагоги увидели и оценили

* Старший брат Михаил.

его прекрасные способности, большое прилежание. Беспреданно занимаясь чтением и сочинительством, он «не радел» о том, что его мало волновало. Отмечали педагоги его добродушие и искренность в сочетании «с некоторой осторожностью», склонность интересоваться предметами важными, героическими и чрезвычайными, но заметили, что бывает он гневен, вспыльчив и даже легкомыслен, а в обращении странен. Во всех словах и поступках, особенно сочинениях его, были приметны «напряжение и высокопарность». Раздраженность нервов его требовала, чтобы он не слишком усердно занимался. А. П. Куницын в 1812 году говорил о чувствительности к выговорам, отменном послушании Кюхельбекера, скромности и простоте его поведения, добром характере, о его опрометчивости и неосторожности. Де Будри же заметил, что Кюхельбекер «примерного прилежания и успехов, но тщеславен».

Вильгельм Кюхельбекер занимал в Лицее комнату № 38, окно которой выходило на северную сторону. Семен Есаков и Михаил Яковлев были его соседями. Напротив комнаты Кюхельбекера находилась комната Федора Матюшкина.

Кюхельбекер стал одним из активнейших членов литературного кружка. Стиль его стихотворных и прозаических произведений всегда отличался своеобразием. В стихосложении он, казалось бы, подражал поэтам прошлого, но вместе с тем оставался самостоятельным. Выразительный, но несколько выпяченный пафос его стихов, столь отличавшийся от произведений его товарищей, смешил их. Муза Кюхельбекера не находила себе поклонников в Лицее. От его первых опытов на многих его юных друзей словно веяло отжившим и надуманным, к тому же Вильгельм Кюхельбекер писал слишком утомительно-длинные элегии и поэмы, и поэтому часто его творения подвергались насмешкам. Но безусловно

и то, что это было только внешнее восприятие, многие высоко ценили и понимали поэзию Кюхельбекера, в частности, об этом писал и М. Корф, отнюдь не являвшийся приверженцем поэта: «Он принадлежал к числу самых плодовитых наших стихотворцев, и хотя в стихах его было всегда странное направление и отчасти странный даже язык, но при всем том как поэт он стоял едва ли не выше Дельвига и должен был занять место непосредственно за Пушкиным».

Много читая, Кюхельбекер делал выписки из произведений любимых и близких ему по духу писателей-философов. Он завел своеобразный словарь, в составлении которого участвовали, по-видимому, многие товарищи Кюхельбекера, и в первую очередь Александр Пушкин. В черновом наброске «19 октября» 1825 года Пушкин писал:

Златые дни! уроки и забавы,
И черный стол*, и бунты вечеров,
И наш словарь, и плески мирной славы,
И критики лицейских мудрецов!

Вот выписки из «Словаря» Кюхельбекера, сделанные им самим из книги «Правила философии, политики и нравственности» известного политического деятеля и писателя, ученика Ж.-Ж. Руссо Ф.-Р. Вейсса: «Знать происхождение. Тот, кто шествует по следам великих людей, может их почитать своими предками. Список имен будет их родословною»; «Рабство. Несчастный народ, находившийся под ярмом деспотизма, должен понимать, если хочет расторгнуть узы свои, что тирания похожа на петлю, которая суживается сопротивлением. Нет середины: или терпи, как держат тебя на веревке, или борись, но с твердым намерением

* «Черный стол» для наказанных находился в столовой Лицея отдельно от общего стола.

разорвать петлю или удавиться. Редко, чтобы умеренные усилия не были пагубны»; «Война прекрасная. Как благородною была бы война, предпринятая противу деспотических правительств для того, чтобы освободить их рабов».

Ю. Н. Тынянов отмечал, что выяснены еще далеко не все пути проникновения в Лицей революционизирующих мнений и убеждений, что нельзя объяснить «подготовленность» Пущина и Вольховского одним «направлением преподавания» в Лицее. Безусловно, директорство Малиновского, преподавание Куницына, литературные вкусы де Будри, участвовавшего в Женевском восстании начала 80-х годов XVIII века и впоследствии находившегося в постоянной переписке со своим родным братом французским революционером Ж.-П. Маратом, и лекции других преподавателей Лицея оказали огромное влияние на развитие свободолобивых настроений воспитанников Лицея. Но пути проникновения в Лицей передовой идеологии были различны. Так, например, книги вольнодумцев Руссо и Вейсса, впоследствии настольные книги декабристов, попадали туда через Кюхельбекера.

Уже с лицейских лет Кюхельбекер тесно связан с семьей Глинок. Старшая сестра его Юстина Карловна, остававшаяся всегда покровительницей и помощницей брата, была замужем за Г. А. Глинкой, литератором и профессором русского языка и словесности в Дерптском университете. Карамзин приводил его в пример как первого дворянина-профессора. С 1811 года Г. А. Глинка был гувернером великих князей, затем преподавал русский язык великой княгине и поэтому часто виделся с Кюхельбекером в Царском Селе. После смерти первого директора Лицея В. Ф. Малиновского Г. А. Глинку одно время считали кандидатом в директора Лицея. Он был тесно связан со своим братом В. А. Глинкой, членом Союза благоденствия, и кузеном

поэтом Ф. Н. Глинкой, членом Союза спасения. Мать, сестра, их друзья Брейткопфы, Г. А. Глинка, затем Ф. Н. Глинка снабжали Кюхельбекера книгами. Г. А. Глинка шлет Кюхельбекеру в Лицей сочинения Руссо, а в 1815 году — книги Вейсса. Так Вейсс и Руссо становятся в Лицее настольными книгами Кюхельбекера и некоторых его товарищей.

Кюхельбекер жадно тянулся к знаниям. В Лицее он самостоятельно изучал греческий и английский языки, а также восточную литературу. Он любил музыку, хотел учиться игре на скрипке, но у матери не было на это средств. Кюхельбекер хорошо рисовал. С детства все прекрасное волновало и привлекало его. Перед поэтическим гением Пушкина Кюхельбекер благоговел, он называл его «сыном огненного Феба», «любимцем и избранником небес». Кюхельбекер душевно тянулся к Дельвигу, который считал, что приобщением к поэтическому творчеству он во многом обязан Кюхельбекеру, своему другу, «вожатому» своему в страну поэзии. Он был дружен с лицейским поэтом Илличевским и перед выпуском записал свое стихотворение «В альбом Илличевскому», в котором благодарил товарища за то, что он был первым, кто указал Кюхельбекеру «путь к музам», то есть к поэзии. Дружен он был и с Владимиром Вольховским. Несмотря на насмешки со стороны товарищей, которые нередко вызывали скоропроходящий гнев Кюхельбекера, он многих любил и по-доброму относился к ним.

Пушкина и Кюхельбекера сблизил повседневная жизнь в течение шести лет, общий класс, литературные интересы. Пушкин ценил Кюхельбекера особенно как тонкого литературного критика. За большую начитанность и пылкую восторженность лицейского Кюхельбекера Пушкин назвал его впоследствии «живым лексиконом» и «вдохновенным комментарием».

Вместе с Пушиным, Вольховским, Дельвигом Кюхельбекер стал членом Священной артели. По-видимому, Кюхельбекер и его друзья продолжали бывать в этом кружке Бурцова и после окончания Лицея. Много лет спустя, в 1835 году, находясь в заточении в Свеаборгской крепости, Кюхельбекер вспоминал то время, когда у Бурцова собирался кружок молодых людей. Он называет их имена, которые затем тщательно зачеркивает, но Ю. Н. Тынянов, у которого находилась некогда эта рукопись Кюхельбекера, разобрал эти строки и прочитал имена Бурцова, братьев Калошиных, Вольховского, Пушина, его брата Михаила, Дельвига, Кюхельбекера и Василия Семенова*.

Единственным известным письменным памятником кружка является «Памятка» («Постоянство») — письмо, посланное от имени всех членов «артели» уехавшему на Кавказ Н. Н. Муравьеву. Оно ярко иллюстрирует духовную связь членов кружка с декабристами и раскрывает ее принципиальные основы. Интересно, что в лицейском стихотворении Пушкина «Кюхельбекеру» («Разлука»), написанном перед окончанием Лицея, использована лексика, близкая словарю «артели», звучат те же клятвы в верности свободе, дружбе, любви к отечеству, клятвы верности «святому братству»:

Прости! Где б ни был я: в огне ли смертной батвы,
При мирных ли брегах родимого ручья,
Святому братству верен я.

* Видимо, Кюхельбекер имел здесь в виду Алексея Васильевича Семенова, затем члена Союза благоденствия, а не Василия Семенова, лицеиста выпуска 1820 года, о связях которого с декабристами ничего не известно. Впоследствии Семенов был цензором. Кстати, им было подписано цензурное дозволение «Повестей, изданных Александром Пушкиным» (1834 г.) и второго издания «Прощальной песни» Дельвига (1835 г.).

«Святым братством» называли свою Священную артель ее члены. Пушкин, по всей вероятности, бывал в этой «артели» и был знаком с ее деятельностью; но являлся ли он ее членом, неизвестно. В стихотворении «Царское Село», написанном через год после окончания Лицея, Кюхельбекер «святое братство» называет «тройственным союзом» Пушкина, Дельвига и Кюхельбекера — «союз молодых певцов и чистый и священный».

При выпуске из Лицея 9 июня 1817 года Кюхельбекер получил 3-ю серебряную медаль, чин титулярного советника и отличный аттестат. Вступив на службу в министерство иностранных дел, он одновременно стал преподавать русскую словесность в младших классах Благородного пансиона при Педагогическом институте в Петербурге. В этом пансионе учились в то время младший брат Пушкина Лев и будущий большой друг Пушкина П. В. Нащокин; учениками Кюхельбекера стали впоследствии видный дипломат, замечательный поэт Ф. И. Тютчев и будущий знаменитый композитор М. И. Глинка. Один из воспитанников Благородного пансиона, ученик В. К. Кюхельбекера Н. А. Маркевич оставил воспоминания о нем, называя своего учителя русской словесности «благороднейшим, добрейшим, чистейшим». Рассказывая о его педагогической деятельности, он отмечал, что Кюхельбекер постоянно проповедовал на кафедре русского языка «мысль о свободе и конституции». В этот период Кюхельбекер жил на Фонтанке в Благородном пансионе при Педагогическом институте (дом не сохранился — ныне участок дома № 164).

В 1817—1820 годах Кюхельбекер часто встречался с Пушкиным. Они были связаны не только лицейской дружбой, но также и литературными интересами, которые сближали их все более и более. На вечерах у Кюхельбекера, когда тот квартировал уже где-то на Коню-

шенной, бывало, как вспоминал Н. А. Маркевич, очень интересно. А. Дельвиг, Е. Баратынский, А. Пушкин съезжались к Кюхельбекеру по вечерам, и «в прелестных стихах и умных критиках недостатка не было», а чай с московскими сухарями «успокаивал поэтов». Бывали здесь Ф. Глинка, П. Чаадаев, И. Пущин, П. Нащокин, брат Кюхельбекера моряк Михаил Карлович и многие другие интересные люди и товарищи В. Кюхельбекера по Лицею. В этот период своей жизни Кюхельбекер развивает бурную общественную деятельность. Он тесно связан с Ф. Н. Глинкой, который является председателем Вольного общества любителей русской словесности и членом Коренной думы Союза благоденствия. В 1820 году Кюхельбекер вступил в члены околосекретарской масонской ложи «Избранного Михаила», в которой, кстати, состоял профессор Лицея Н. Ф. Кошанский, и одновременно стал секретарем и членом комитета Вольного общества учреждений училищ по методу взаимного обучения. В то же время Кюхельбекер много писал, печатался в различных журналах.

В мае 1820 года за свободолобивые стихи Пушкин был выслан на юг. Ссылка друга-поэта произвела сильное впечатление на пылкого Кюхельбекера. Взволнованно Кюхельбекер обратился в своем программном стихотворении «Поэты» к Антону Дельвигу, к Евгению Баратынскому и к Александру Пушкину, «юному Корифею, певцу любви, певцу Руслана»:

Так! не умрет и наш союз,
Свободный, радостный и гордый,
И в счастья и в несчастья твердый,
Союз любимцев вечных муз!

О други! песнь простого чувства
Дойдет до будущих племен —
Весь век наш будет посвящен
Труду и радостям искусства...

Смелое произведение Кюхельбекера привлекло к нему внимание правительства, и за поэтом был установлен тайный надзор. Еще в 1819 году публицист В. Н. Каразин отметил в своем дневнике, что «какой-то мальчишка Пушкин, питомец лицейский» написал «презельную оду» (то есть весьма ядовитую), где досталось фамилии Романовых вообще, а сам царь был назван «кочующим деспотом». Отмечая также «обычай Лицея злословить государя» и называть его дураком, Каразин заключал, что воспитанники Лицея есть «первые рекруты поганой армии вольнодумцев». Этот же Каразин 2 апреля 1820 года послал донос министру внутренних дел В. П. Кочубею: «В самом Лицее Царскосельском государь воспитывает себе и отечеству недоброжелателей... Это доказывают почти все вышедшие оттуда. Говорят, что один из них — Пушкин — по высочайшему повелению секретно наказан. Но из воспитанников более или менее есть почти всякий Пушкин, и все они связаны каким-то подозрительным союзом, похожим на масонство, некоторые же и в действительные ложи поступили». 4 мая 1820 года Каразин вновь пишет донос Кочубею, в котором указывает на связь высылки Пушкина и появления в печати произведения Кюхельбекера «Поэты», «по сему случаю написанного».

На юге Пушкин стал членом кишиневской масонской ложи «Овидий», отчасти связанной с Союзом благоденствия. Разлученные расстоянием, Кюхельбекер и Пушкин не теряют дружеских теплых отношений, их интерес друг к другу возрастает. Переписываясь с друзьями, Пушкин все время спрашивает о Кюхельбекере. Но с 1820 года, со времени ссылки Пушкина на юг, они уже более никогда не виделись, кроме случайной минутной встречи на станции Залазы в 1827 году, когда Пушкин, увидев Кюхельбекера среди арестантов, бросился навстречу другу, чтобы обнять его.

В сентябре 1820 года Кюхельбекер по рекомендации Дельвига едет за границу в качестве секретаря и постоянного собеседника обер-камергера А. Л. Нарышкина, которому был необходим высокообразованный человек, умевший к тому же вести переписку на трех языках. Но, несмотря на радость путешествия и интересные встречи, уже вскоре Кюхельбекер пишет матери, что его мучит тоска по родине и что ему бы хотелось прямым путем обратно в Петербург. «Итальянское небо — это все же не отечество», — заключает он.

За границей Кюхельбекер познакомился со многими выдающимися иностранными писателями, в том числе и с И.-В. Гёте, который хорошо знал отца Кюхельбекера. Гёте подарил В. Кюхельбекеру свое последнее произведение — «Маскарадное шествие» с дарственной надписью по-немецки: «Господину фон Кюхельбекеру на добрую память. Гёте. Веймар, 23 ноября 1820 г.». Кюхельбекер попросил у Гёте разрешения писать ему письма, в которых он мог бы объяснить «свойства русского языка и поэзии». Нет сомнений, что Кюхельбекер, разговаривая с Гёте о русской поэзии, называл в первую очередь Пушкина, товарища и друга, гением которого он всегда гордился.

В стихотворении «Прощание», написанном перед отъездом за границу, Кюхельбекер объясняет, что интересовало его в жизни Европы:

Тяжелая гроза страстей,
Вооруженная свобода,
Борьба народов и царей!

Но за Кюхельбекером, очевидно, следили из Петербурга. Так, Бенкендорф в своей записке Александру I сообщил, что Кюхельбекер, «молодой человек с пылкой головой, воспитанный в Лицее» и находящийся теперь за границей, выразил желание содействовать Н. И. Тургеневу (члену Союза благоденствия) и А. П. Куницыну,

сблизившимся между собою еще в бытность свою в Геттингене, в издании предполагаемого ими журнала.

В марте 1821 года Кюхельбекер с Нарышкиным приехали в Париж. Там поэт познакомился с выдающимися литераторами и передовыми деятелями Франции. Они рекомендовали его во влиятельное литературно-научное общество в Париже «Атеней», весьма прогрессивного направления в тот период. Здесь Кюхельбекер выступил с лекциями. Нарышкин, узнав об этом, «взбесился» и выгнал своего секретаря. В конце 1821 года, находясь в Тифлисе, Кюхельбекер писал своей сестре Ю. К. Глишке, которая впоследствии привлекалась царским правительством по делу 14 декабря: «Лекции мои в Париже имели цель самую благонамеренную. Может быть, я и был неосторожен; может быть, найдут в них несколько слов необдуманных,— но я никак не предвидел того, что ожидало меня в С.-Петербурге».

Первая лекция Кюхельбекера в Париже, как доносил агент царского правительства, начиналась словами о России: «Несмотря на деспотизм и все утеснения грубого правительства, гений народа развивается; все усилия подавить его останутся тщетны». Смело и ярко выступил Кюхельбекер. Он осуждал крепостное право, самодержавие, политику царского правительства и призывал к преобразованию России. «Под эгидой чести и гостеприимства французской нации,— говорил Кюхельбекер,— я могу без боязни провозглашать эти истины, равно и живо чувствуемые всеми, кто в разных странах Европы предпочитает свободу — рабству, просвещение — мраку невежества, законы и гарантии — произволу и анархии... История русского языка, быть может, раскроет перед вами характер народа, говорящего на нем. Свободный, сильный, богатый, он возник раньше, чем установилось крепостное рабство и деспотизм, и впоследствии представлял собою постоянное проти-

воядие пагубному действию угнетения и феодализма». Кюхельбекер был одним из первых, кто знакомил французов с общественно-политической мыслью передовой русской интеллигенции. Царское правительство с негодованием отнеслось к лекциям Кюхельбекера. Русский посланник в Париже не только запретил ему читать лекции, но и выслал его из столицы.

В Россию Кюхельбекер возвращается вместе с поэтом В. И. Туманским, знавшим Пушкина в одесский период его жизни. Туманский известен как выдающийся поэт-элегик. Менее известны его связи с рядом видных декабристов — Бестужевым, Пестелем, Рылеевым. Так, о политических контактах Туманского с Рылеевым говорит еще до конца не расшифрованное письмо его к Рылееву. По приезде в Париж Кюхельбекер вскоре встретился с Туманским, с которым, по всей вероятности, был знаком и раньше. Они сблизились, объединенные общими интересами и взглядами. Из Парижа они ехали вместе через Варшаву. Там Кюхельбекер виделся со своим лицейским товарищем С. С. Есаковым. Вместе с Туманским он вернулся в Петербург. Туманский сразу же уехал в Одессу, где, безусловно, рассказывал Пушкину о путешествиях Кюхельбекера и о его парижской жизни.

В известном своем художественном произведении «Кюхля» Ю. Тынянов рассказывает, как Кюхельбекер встретился с лицейским товарищем Сильверием Броглио в Париже, уже после поражения восстания в Пьемонте, и тот звал его ехать в Грецию, чтобы бороться за ее свободу. По всей вероятности, это художественный вымысел, но Тынянов мог обосновать его некоторыми данными биографии Кюхельбекера, ибо располагал многими документами из его архива. Во всяком случае, А. И. Тургенев, хлопотавший за Кюхельбекера после его возвращения из-за границы, писал 30 августа 1821 года,

что царь «полагал его (Кюхельбекера. — *Авт.*) в Греции». Конечно, суждение царя о желании Кюхельбекера ехать в Грецию было основано на доносах правительственных агентов. Действительно, во время путешествия Кюхельбекера за границу в 1821 году началась война Греции за независимость, что произвело громадное впечатление на Кюхельбекера. Он пишет ряд стихотворений («К Ахатесу», «Пророчество» и др.), в которых призывает на борьбу за свободу Греции. В 1824 году Кюхельбекер напишет третью часть своей «байронической» мистерии «Ижорский», в которой герой погибает в Греции, подобно Байрону. Одним из действующих лиц мистерии является Каподистрия, президент восставшей Греции. Таким образом, Кюхельбекер, так же как и Пушкин, горячо откликнулся на события в Греции, деятельным участником которых стал их товарищ по Лицею Сильверий Броглио.

Вернувшись в Россию, Кюхельбекер не мог найти работы. После выступления с «крамольными» лекциями в Париже ни одно государственное учреждение не принимало его на службу. Но друзья Кюхельбекера помогли ему, и 19 сентября 1821 года он был определен на Кавказ в армию А. П. Ермолова. Один из агентов царского правительства составил любопытное донесение, обнаруженное в бумагах Александра I: «Говорят, что титулярный советник Вильгельм Кюхельбекер отправляется на службу в Грузию и что генерал Ермолов принимает его. Это одна из тех пламенных голов, которым дано дурное направление известным Обществом. Воспитанный в Царскосельском лицее, с дарованиями, с желанием усовершенствоваться, рано попался он, вместе с А. Пушкиным и бароном Дельвигом, в руки Н. Тургенева и Глинки, находясь с последним в дальнем родстве. Ими введен в Общество и принят в масоны, но более служил орудием к распространению слухов, мелких сочинений и

пр. Будучи слишком неопытен, вспыльчив и горяч, слепо и с жаром исполнял он их волю... Опасаясь теперь последствий, по совету их, избирает путь в Грузию, дабы с А. Пушкиным прослыть в числе гениев, преследуемых за мнения. Как, по выражению их, недостает у него соли, которой так изобилует А. Пушкин в стихах, то и предполагали его для политических наук...» В Грузии за Кюхельбекером был установлен секретный надзор.

На Кавказе Кюхельбекер близко сошелся с А. С. Грибоедовым, с которым был знаком еще в Петербурге. Дружба эта имела огромное влияние на Кюхельбекера и на его творчество. У Кюхельбекера и Грибоедова обнаружилось полное единство взглядов: тот же патриотизм, то же сознание мелочности лирической поэзии, не соответствующей великим задачам, наконец, интерес к драме. Грибоедов узнает подробности заграничного путешествия своего друга и становится доверенным всех его замыслов. Кюхельбекер же оказывается свидетелем самого творческого процесса рождения «Горя от ума». Многие факты жизни Кюхельбекера явились ценным материалом для создания образа Чацкого, вернувшегося из чужих краев. Любопытно, что в 21-м явлении третьего действия «Горя от ума» в разговоре Хлестовой с княгиней перечисляются все учебные заведения, в которых учился и преподавал Кюхельбекер: Лицей, Педагогический институт, пансион и даже Общество взаимных ланкастерских обучений (кстати, управлявшееся членами Союза благоденствия), где Кюхельбекер состоял секретарем. Замечено немалое сходство в судьбах и характерах Кюхельбекера и Чацкого.

В этот период, как, впрочем, и всегда, Кюхельбекер много и плодотворно работает. Он обращается с посланиями к Ермолову, Пушкину, Грибоедову и ко многим своим друзьям. Но в ставке Ермолова Кюхельбекер

находился недолго. 29 апреля 1822 года он подает прошение об увольнении и получает отставку. Причиной тому явилась дуэль Кюхельбекера с Н. Н. Похвисневым, племянником Ермолова, вызванная неизвестной причиной.

Тяжелое время наступило в жизни Кюхельбекера. Все попытки друзей устроить как-либо его судьбу ни к чему не приводили. Без службы и без копейки денег Кюхельбекер принужден был около года прожить в Смоленской губернии, в имении Закуп Духовщинского уезда, у своей сестры Юстины Карловны Глинки. (Здесь он бывал летом. Сюда заехал он впоследствии, в дни своего бегства из Петербурга, в декабре 1825 года.) Здесь гостила Авдотья Тимофеевна Пушкина, молодая девушка, в которую Кюхельбекер влюбился и думал на ней жениться. Ей он посвятил ряд своих произведений: «Поощада певца», «К А. Т. Пушкиной», «Первое марта» и другие. В Смоленске Кюхельбекер встречался с П. Г. Каховским.

В это очень трудное для него время он получил дружеское, подбадривающее письмо от лицейского товарища В. Д. Вольховского. Тот писал ему, что молодой человек с умом, достоинствами и образованием Кюхельбекера «своими трудами всегда может себя обезопасить» и что любимый герой Вольховского — Франклин, сын типографщика, сам был простым работником, и потому, заключал Вольховский, «будь уверен в искренности моей насчет мнения, что никакое занятие не унижает человека...» Кюхельбекер отвечал другу, что вечно будет помнить его «нежное участие и гордиться им».

В 1823 году Кюхельбекер перебирается в Москву. 27 августа этого же года Вяземский писал о нем Жуковскому: «Вообще талант его, кажется, развернулся. Он собирается издавать журнал; но и тут беда: имя его, вероятно, под запрещением у цензуры... Надобно по-

мочь ему, и, если начнет издавать, то возьмемся поднять его журнал. План его журнала хорош и европейский; материалов у него своих довольно; он имеет познания». В 1824 году Кюхельбекер вместе с писателем и публицистом В. Ф. Одоевским начинает издавать журнал «Мнемозина», помещая там стихи и прозу. Лицейские товарищи Кюхельбекера стали содействовать изданию «Мнемозины»: Пушкин прислал три стихотворения, Матюшкин дал «Описание Северо-Восточной Сибири» (отрывок из письма к Е. А. Энгельгардту), Яковлев — музыку к романсу Пушкина «Слеза». Каждый старался чем-то помочь Кюхельбекеру. Вышли четыре части «Мнемозины» — последняя летом 1825 года.

Весной 1825 года Кюхельбекер жил в Петербурге в казармах Морского экипажа у брата Михаила (ныне проспект Римского-Корсакова, 22, здание сохранилось), летом — на Невском проспекте, в доме Косяковского, у Греча (дом 15, сохранился), осенью — до 14 декабря 1825 года — на Исаакиевской площади, в доме Булатова (ныне Исаакиевская площадь, 7, дом надстроен) в одной квартире с князем В. Ф. Одоевским.

Зоркий глаз Пушкина пристально и дружески наблюдал за его развивающимся талантом, за его жизнью. В стихотворении «19 октября» 1825 года Пушкин, с нетерпением ожидавший в селе Михайловском приезда Кюхельбекера, обратился к нему со словами:

Мой брат родной по музе, по судьбам...

Я жду тебя, мой запоздалый друг —
Приди; огнем волшебного рассказа
Сердечные преданья оживи;
Поговорим о бурных днях Кавказа,
О Шиллере, о славе, о любви.

Кюхельбекер как поэт и общественный деятель в этот период находился под сильным влиянием револю-

ционных событий на Западе. Он изучал творчество известных прогрессивных писателей и поэтов своего времени, со многими из них познакомился лично. Кюхельбекер был также связан с московской литературной группой, с «архивными юношами», как назвал их Пушкин, ибо многие из них служили в середине 20-х годов в Московском архиве министерства иностранных дел. Среди них были поэт Д. В. Веневитинов, литераторы С. А. Соболевский и братья И. В. и П. В. Киреевские. Эта группа основала «Общество любомудрия» (1823—1825?), к которому примыкали члены московского литературного кружка поэта С. Е. Раича (Амфитеатрова), члена Союза благоденствия. Участвовал в нем и Ф. И. Тютчев.

Е. А. Баратынский, хорошо знавший и тонко чувствовавший поэзию Кюхельбекера, признававший высокое дарование его, пророчески писал: «...он человек занимательный по многим отношениям и рано или поздно вроде Руссо очень будет замечен между нашими писателями. Он с большими дарованиями,— и характер его очень сходен с характером «женевского чудака»: та же чувствительность и недоверчивость; то же беспокойное самолюбие, влекущее к неумеренным мнениям, дабы отличиться особенным образом мыслей; и порою та же восторженная любовь к правде, к добру, к прекрасному, которой он все готов принести на жертву. Человек вместе достойный уважения и сожаления, рожденный для любви к славе (может быть и для славы) и для несчастья». Грибоедов называл Кюхельбекера «неугомонным рыцарем».

Любопытную характеристику дал Кюхельбекер самому себе вскоре после приезда из Парижа, сделав запись в альбом Павла Лукьяновича Яковлева, брата лицеиста, автора известного дружеского шаржа на Кюхельбекера, где поэт изображен после возвращения

из Парижа. П. Л. Яковлев, литератор и талантливый рисовальщик, был близок кругу друзей Пушкина. 5 мая 1820 года он вместе с Дельвигом провожал до Царского Села Пушкина, отправлявшегося на юг, в изгнание. Он находился вместе с Вольховским в составе русской миссии в Бухаре в 1820 году. П. Л. Яковлев был дружен с Кюхельбекером, о чем говорит и эта шутовская, но в то же время и откровенная запись поэта в его альбоме: «Кюхельбекер — странная задача для самого себя — глуп и умен, легковверен и подозрителен; во многих отношениях слишком молод, в других — слишком стар; ленив и прилежен. Главный порок его — самолюбие: он чрезвычайно любит говорить, думать и писать о самом себе; вот почему все его пьесы довольно однообразны. Он искренне любит друзей своих, но огорчает их на каждом шагу. Он во многом переменился и переменится, но в некоторых вещах останется одним и тем же. Его желание, чтобы друзья о нем сказали: он — чудак, но мы охотно бываем с ним; мы осуждаем его за многое, но не перестаем быть к нему привязанными».

Незадолго до восстания декабристов по рекомендации К. Ф. Рыльева Кюхельбекер был принят в члены Северного общества. В набросках А. С. Пушкина сохранились строки «Кюхельбекеру», по-видимому, навеянные тогда чувством тревоги за пылкого друга:

Да сохранит тебя твой добрый гений
Под бурями и в тишине.

14 декабря 1825 года Кюхельбекер принял активное участие в восстании на Сенатской площади. Он пытался убить великого князя Михаила, а также собрать преданных восстанию солдат и поставить их в строй. Делал он это неумело, но проявил смелость и отчаянную решимость. После разгрома восстания Кюхельбекер бежал из Петербурга. В Варшаве он стал разыскивать

С. С. Есакова, служившего в гвардии, но в то время, когда расспрашивал о месте его нахождения, был опознан жандармами и доставлен в Следственную комиссию. Многие современники считали, что Кюхельбекер «случайно ввязался» в Тайное общество накануне восстания и на площади 14 декабря просто «сумасбродствовал». Такое мнение опровергается всем содержанием следственного дела. Кюхельбекера привела на Сенатскую площадь не случайная запальчивость и экспансивность. Он был к этому идейно подготовлен еще с лицейских лет: связь Кюхельбекера со Священной артелью, вольнолюбивые мотивы в его произведениях, парижские лекции, общение со свобододолюбивой молодежью... Кюхельбекер, как член Северного общества, активно участвовавший в восстании, приговором Верховного уголовного суда был введен в первый разряд преступников и приговорен к смертной казни с отсечением головы, что было по «высочайшей конфирмации» заменено каторжными работами. Каторга же была заменена одиночным заключением в крепости сроком на двадцать лет, при пересмотре срок был сокращен до пятнадцати.

Начались долгие скитания Кюхельбекера из одной крепости в другую. Он был узником Шлиссельбургской, Динабургской, Ревельской и Свеаборгской крепостей. Когда Кюхельбекера 15 октября 1827 года переводили из Шлиссельбургской крепости в Динабургскую, произошла мимолетная встреча с Пушкиным. Пушкин ехал в Петербург и остановился на станции Залазы (между Боровичами и Петербургом). В своих дневниках он вспоминал об этой встрече. Когда к станции подъехали четыре тройки с фельдъегерем, среди прибывших арестантов Пушкин вдруг увидел «высокого, бледного, худого молодого человека с черною бородою, в фризовой шинели». Не сразу узнал его Пушкин, а когда они «кинулись друг другу в объятия», жандармы растащили

их. Фельдъегерь схватил Пушкина за руку «с угрозами и ругательством», но он его не слышал, Кюхельбекеру же «сделалось дурно», и жандармы, дав ему воды, «посадили в тележку и ускакали».

В различных крепостях, в сырых каменных мешках одиночных камер, провел Кюхельбекер десять лет. Здоровье его, без того слабое, подорвалось окончательно. Ноющая боль в груди и надрывный кашель изматывали его, зрение слабело. Но духовно Кюхельбекер сломлен не был. Творчество, вдохновение, поддержка друзей помогали ему переносить тяжесть тюремного одиночества.

19 июля 1831 года, находясь в Царском Селе на даче, А. С. Пушкин писал М. Л. Яковлеву: «У Дельвига находились готовые к печати две трагедии нашего Кюхли и его же *Ижорский*... Плетнев и я, мы бы постарались что-нибудь из этого сделать». Первая сцена романтической мистерии «Ижорский» была напечатана в «Сыне отечества» в 1827 году, три его сцены — в альманахе «Подснежник» за 1828 год, а две части изданы в 1835 году по ходатайству и при участии Пушкина, но без обозначения имени автора.

Когда Кюхельбекер находился в заключении в Динабургской крепости, там в школе прапорщиков учился А. Рыпнинский, польский поэт-фольклорист, впоследствии активный участник польского восстания 1830—1831 годов. Через много лет Рыпнинский вспоминал, как часто со своими товарищами он убегал из школы прапорщиков, чтобы навестить Кюхельбекера, то в лазарет, то опять в тюрьму. Он называет Кюхельбекера не Вильгельмом, а Василием Карловичем, кстати, так звали его многие друзья и декабристы. Рыпнинский высоко оценил и полюбил Кюхельбекера. Он преклонялся перед ним, видя негибаемую силу духа политического заключенного, многогранную образованность, глубокую любовь к родине. В своих воспоминаниях Рыпнинский

писал, что когда «тиран», то есть Николай I, проезжал с семьей в Германию через Динабург, то Кюхельбекеру брили лоб, приковывали больного к тачке, давали кирку в руки, и, одетый в арестантское платье, он вместе с другими должен был выполнять тяжелую работу. «Как ясный месяц блестит среди бесчисленного множества тусклых звезд,— писал Рыпнинский о Кюхельбекере,— так и его благородное, бледное, исхудалое лицо с выразительными чертами выделялось сиянием духовной красоты среди огромной толпы преступников, одетых, как и он, в серый «мундир» отверженных.

О, да, воистину, кто знал его ближе, тот любил, ценил, восхищался и благоговел перед ним, а кто с ним провел хоть несколько вечерних часов, не мог не обнаружить в нем редкого ума, кристально чистой души и глубокой образованности».

Будучи узником, а затем на поселении, Кюхельбекер вел «Дневник узника» и «Дневник поселенца». 21 июля 1832 года он записал: «„Зоровавель“ мой в руках Пушкина. Хотелось бы мне, чтобы его напечатали, не для себя, не для славы — я о ней теперь мало думаю, но для того, чтобы на деньги, которые выручат, доставить брату* книги и журналы, которые он желает». Дневник Кюхельбекера свидетельствует и о напряженной работе ума, и о его неистощимой творческой деятельности. В 1833 году появилась запись: «21 ноября. Кончил сегодня вторую главу своего «Сироты» и переписал последнюю половину оной: итак я был довольно прилежен, но зато и устал». 22 ноября Кюхельбекер сделал посвящение «Сироты» Пушкину. 27 июля 1834 года Кюхельбекер заносит в дневник: «Провел день очень разнообразно и довольно деятельно: прохаживался, читал, занимался Греческим, чего давно уже не было, даже сочи-

* Михаилу Карловичу, декабристу.

нял, ибо написал небольшую лирическую пиэсу...» 1 октября того же года: «Я счастливо начал этот месяц, хотя здоровье мое все еще не поправилось, но сочиняю, а это для меня большое счастье. Сегодня написал и первую сцену своего „Ляпунова“». 12 мая 1835 года: «Большую радость бог послал мне: Мой «Ижорский» мне прислан напечатанный...» Кюхельбекер много занимался переводами Шекспира. А. С. Пушкин принимал живое и непосредственное участие в издании его произведений. И, несмотря на жестокость царской цензуры, на ненависть царя к декабристу Кюхельбекеру, его произведения анонимно проникали в печать благодаря его лицейским товарищам, и прежде всего А. С. Пушкину, который хлопотал об изданиях его произведений, посылал ему книги. Естественно, что тема верной дружбы проходит через все творчество Кюхельбекера.

12 февраля 1836 года Кюхельбекер сообщил Пушкину радостную весть о том, что срок его заключения окончился и он перешел на положение ссыльного поселенца, живет в Баргузине, где встретился со своим родным братом декабристом М. К. Кюхельбекером, бывшим морским офицером. В том же году Кюхельбекер шлет Пушкину свое стихотворение, посвященное знаменательной дате — годовщине Лицея. Стихотворение Кюхельбекера «19 октября» — это задушевное послание А. С. Пушкину:

Поминки нашей юности — и я
Их праздновать хочу, — воспомянъя,
В лучах дрожащих тихого мерцанья,
Воскресните! — Предстаньте мне, друзья;
Пусть созерцает вас душа моя,
Всех вас, Лицея нашего семья!
Я с вами был когда-то счастлив, молод, —
Вы с сердца светите туман и холод!

Чьи резче всех рисуются черты
Под взорами моими? Как перуны
Сибирских гроз, его золотые струны
Рокочут... Пушкин! Пушкин! это ты!
Твой образ — свет мне в море темноты...

Из Сибири Кюхельбекер писал Пушкину с чувством глубокой признательности: «А вот же Пушкин оказался другом гораздо более дельным, чем все. Верь, Александр Сергеевич, что умею ценить и чувствовать все благородство твоего поведения; не хвалю тебя и даже не благодарю, потому что должен был ожидать от тебя всего прекрасного; но клянусь, от всей души радуюсь, что так случилось».

В 1830-х годах Кюхельбекер, вспоминая лицейскую жизнь, писал своей племяннице Александре Григорьевне Глинке: «Были ли вы уже в Царском Селе? Если нет, так посетите же когда-нибудь моих пенатов, т. е. прежних... Мне бы смерть как хотелось, чтоб вы посетили лицей, а потом мне написали, как его нашли. В наше время бывали в лицее и балы, и представь, твой старший дядя тут же подплясывал, иногда не в такт, что весьма бесило любезного друга его Пушкина...»

Поистине, ни несчастья, ни каторжная тюрьма, ни лишения, ни годы не сломили духа Кюхельбекера. 18 октября 1836 года Кюхельбекер, сообщая Пушкину о своей предстоящей женитьбе и о том, что его будущая жена «в *своем роде* очень хороша» (она была полубурятского происхождения), писал:

«И, друг, хотя мой волос побелел,
А сердце бьется молодо и смело,
Во мне душа переживает тело; —
Еще мне божий мир не надоел.
Что ждет меня? Обманы — наш удел.
— Но в эту грудь вонзалось много стрел,
Терпел я много, обливался кровью...
Что? Если в осень дней столкнусь с любовью?»

Размысли, друг, этот последний вопрос и не смейся, потому что человек, который десять лет сидел в четырех стенах и способен еще любить горячо и молодо, ей-богу! достоин некоторого уважения».

15 января 1837 года он женился на дочери почтмейстера двадцатилетней Дросиде Ивановне Артеновой*. Женитьба не принесла ему счастья. Нужда, тяготы семейной жизни, суровый климат разрушили здоровье Кюхельбекера, надорванное многолетним заключением. Жена его, «добрая и внимательная», как писал Кюхельбекер, «не всегда его понимала, дарила проблесками отрады, но чужда была поэзии...» Страдания Кюхельбекера усугублялись нуждой, постоянными вымогательствами тестя. Кюхельбекер продолжал бороться, старался превозмочь жизненные невзгоды, стремился печататься, но на все его произведения был наложен запрет. Кюхельбекер давал уроки детям местных жителей, трудился по дому, на огороде, хотя это было ему не по силам. Положение семьи Кюхельбекера усугубляли непрерывные засухи в Баргузине, из-за которых три года подряд были неурожаи. Страшным ударом для Кюхельбекера была весть о гибели Пушкина. Потрясенный, он создал проникновенное стихотворение «Тени Пушкина»:

Смолк шорох благозвучных крыл
Твоих волшебных песнопений...

• • • • •
Гордись! Никто тебе не равен,^{*}
Никто из сверстников-певцов:
Не смеркнешь ты во мгле веков...

* Член комитета Литературного фонда Д. Ф. Кобеко впоследствии познакомился с престарелой вдовой В. К. Кюхельбекера. Он отмечал, что «старческие черты ее выражали доброту и кротость, и верилось, что она успокаивала несчастного Вильгельма Карловича последние десять лет его жизни». Д. И. Кюхельбекер умерла в 1886 году.

И в стихотворении «19 октября 1837 года» основные строки Кюхельбекер посвятил Пушкину:

Последний пал родимый мне поэт...
И вот опять Лицея день священный;
Но уж и Пушкина меж вами нет!

Не принесет он новых песней вам...

Он ныне с нашим Дельвигом пирует;
Он ныне с Грибоедовым моим:
По ним, по ним душа моя тоскует;
Я жадно руки простираю к ним!

Стихотворение это было вписано Кюхельбекером в дневник и 20 октября того же года послано племяннице Наталье Григорьевне Глинке вместе с сопроводительным письмом: «С кем же, как не с тобою, поговорить мне про день, который по привычке многих лет стал для меня днем сожалений, воспоминаний и умиления (*gescuillement* *), хотя и не совсем религиозного, но тем не менее теплого и благотворного для сердца? Вчера была наша Лицейская годовщина. Я праздновал ее совершенно один: делиться было не с кем. Однако мне удалось придать этому дню собственно для себя некоторый отлив торжественности... я принялся сочинять, если только можно назвать сочинением стихи, в которых вылились чувства, давно уже просившиеся на простор... Мне бы было очень больно, если бы мне в этот день не удалось ничего написать: много, может быть, между пишущою молодежью людей с большим талантом, чем я; но по крайней мере в этот день я преемник лиры Пушкина, и я хотел оправдать в своих глазах покойного поэта, хотел доказать хоть не другому кому, так самому себе, что он не совсем же даром сказал о Вильгельме: Мой брат родной по музе, по судьбам».

* Сосредоточения (*франц.*).

В январе 1839 года Кюхельбекер пишет одно из самых трагических стихотворений «Они моих страданий не поймут...», в котором говорит, что лучше смерть, чем увязнуть «в ничтожных, мелких муках», «погибать от кумушек, от сватий, от лепета соседей и друзей», и жаждет «хоть миг покоя» от повседневных засасывающих забот. И вот поэт воспрянул: «Божественный объемлет душу пламень, толпятся образы...». И вновь жестокая действительность охлаждает вспышку вдохновения. Но несломленный поэт восклицает:

Нет! не страшусь убийственных объятий
Огромного несчастья: рок души!
Ты выжмешь жизнь, не выдавишь души...

В письмах к родным Кюхельбекер по-прежнему живо писал о своем творчестве, о задачах поэзии, посылал свои комментарии на присланные ему книги. Сестре Юлии Карловне Кюхельбекер сообщал, что подал прошение о переводе его в крепость Акша, где климат лучше, где, как ему кажется, больше будет возможностей заниматься «своим ремеслом» — литературой. В середине января 1840 года Кюхельбекер с семьей перебрался в крепость Акша Нерчинского округа. Вначале на новом месте ему благоприятствовали некоторые обстоятельства. Он стал давать уроки, это взбодрило его. Некоторую отраду принесли встречи с жившими неподалеку, в Селенгинске, декабристами братьями Бестужевыми и с другими старыми знакомыми. Здесь Кюхельбекер особенно активно продолжает работать над своими произведениями и, как прежде, ведет дневник. 26 мая 1840 года он записал: «Сегодня день рождения покойного Пушкина. Сколько тех, которых я любил, теперь покойны!» 19 октября 1841 года Кюхельбекер отметил: «Сегодня 30 лет со дня открытия лицея. Теперь всем моим товарищам (оставшимся в живых) за сорок лет».

В Акшу Кюхельбекера, по словам его брата Михаила Карловича, зазвал А. И. Разгильдяев, майор, сотенный командир крепости Акша. Действительно, уроки, которые давал он детям Разгильдяева и в других семействах, помогли Кюхельбекеру выбраться из острой нужды и даже расплатиться с долгами.

Но в январе 1842 года в дневнике Кюхельбекера появляются безысходные, трагические слова: «Ни один год моей жизни не начинался так тяжело, как нынешний, а заметить должно, что это пишу я, просидевший десять лет в каземате. Как я дневник свой пишу для тебя, мой сын *, не хочу обвинять никого, кроме себя. Только скажу одно: научись из моего примера, не женись никогда на девушке, как бы ты ее ни любил, которая не в состоянии будет понимать тебя». Тяжелые душевные переживания Кюхельбекера были связаны еще и с тем, что он испытывал нечто большее, чем нежную привязанность, к своей ученице, молоденькой Анне Андреевне Разгильдяевой. Для Кюхельбекера вспыхнувшее в нем чувство явилось жестоким страданием. Мрачные мысли одолевали его. Он начал постоянно думать о смерти, о чем писал брату Михаилу.

16 сентября 1842 года появилась еще одна горькая запись в дневнике: «Если человек был когда несчастлив, так это я: нет вокруг меня ни одного сердца, к которому

* Михаил, родился 29 июля 1840 года. После смерти отца был взят вместе со своей сестрой Юстиной на воспитание теткой Юстиной Карловной. Именовался Васильевым. В 1856 году получил право носить фамилию отца. Учился в гимназии в Петербурге, затем в Петербургском университете на юридическом факультете. В 1863 году служил прапорщиком в царскосельском стрелковом батальоне, а в 1876 — был директором правления общества для улучшения помещений рабочего и нуждающегося населения в Петербурге. Умер 22 декабря 1876 года. По всей вероятности, внук В. К. Кюхельбекера Виктор Михайлович Кюхельбекер, лицензиат выпуска 1897 года, был воспитателем в Александровском лицее.

я мог бы прижаться с доверенностью». Кюхельбекер стал быстро слабеть. Слепота и чахотка одолевали его. Он неоднократно просил перевода в Иркутск или его округ, где жили многие декабристы и где была возможность получать постоянную медицинскую помощь. Царское правительство отвечало отказом. Но он вновь просит перевода, теперь в город Курган. За Кюхельбекера хлопотал влиятельный родственник В. А. Глинка, служивший главным управляющим казенных заводов. По докладу шефа жандармов А. Ф. Орлова Николай I в июне 1844 года разрешил перевести Кюхельбекера в Смоленскую слободу под Курганом. Кюхельбекер выехал с семьей из Акши. По дороге он провел в Баргузине у своего брата Михаила около месяца. Был в Иркутске, в Ялуторовске. Встретился почти со всеми ссыльными декабристами.

В Ялуторовске состоялась встреча с другом юности лицейским товарищем И. И. Пушиным. Об этом Пушкин писал Энгельгардту: «Три дня прогостил у меня оригинал Вильгельм. Проехал на житье в Курган с своей Дросидой Ивановной, двумя крикливыми детьми и с ящиком литературных произведений. Обнял я его с прежним лицейским чувством. Это свидание напомнило мне живо старину: он тот же оригинал, только с проседью в голове. Зачитал меня стихами донельзя...»

В октябре 1844 года во время переезда на новое поселение, при переправе через Байкал, Кюхельбекер с семьей попал в сильную бурю. Спасая жену и детей, он сильно простыл, и состояние его здоровья ухудшилось еще более.

Царское правительство, опасаясь влияния Кюхельбекера на общественную жизнь в Кургане, запретило ему обосноваться в нем. Смоленская слобода, где разрешено было поселиться поэту, находилась в двух километрах от города вниз по течению Тобола. Здесь Кюхельбекер

деятельно участвовал в постройке небольшого деревянного дома для своей семьи. Он занялся также возделыванием огорода, находившегося возле дома.

Здоровье Кюхельбекера не улучшалось. Постоянной медицинской помощи не было. Единственной отградой для Кюхельбекера остались задушевные беседы с товарищами-декабристами Н. В. Басаргиным, А. Ф. Бриггеном, Д. А. Щепиным-Ростовским, Ф. А. Башмаковым, И. С. Повало-Швейковским, воспитание сына и дочери, любимая поэзия да еще игра на скрипке. Силы его угасали. Полицейский надзор, острая нужда угнетали душевно и физически. Кюхельбекер делал многократные попытки добиться разрешения печатать свои стихи и переводы, хотя бы без указания имени автора, чтобы получить средства к существованию, но разрешения на печатание от царского правительства так и не смог добиться.

В кругу близких ему людей отметил Кюхельбекер свой день рождения. Ему исполнилось 48 лет. 3 декабря 1845 года на имя тобольского губернатора Кюхельбекер писал прошение дозволить ему отлучиться в Тобольск для лечения. После длительной бумажной волокиты, через год после подачи прошения, Кюхельбекеру разрешено было выехать вместе с семьей в Тобольск. По дороге он заехал в Ялуторовск к Пушину. Это было последнее свидание с лицейским товарищем. Предчувствуя близкий конец, Кюхельбекер продиктовал Пушину свое завещание и попросил позаботиться о его детях.

Кюхельбекер приехал в Тобольск в тяжелом состоянии. Об этом 26 марта 1846 года декабрист М. А. Фонвизин писал из Тобольска декабристу И. Д. Якушкину: «Когда я в первый раз увидел приехавшего сюда Вильгельма Карловича, то с горестным чувством подумал, что он совсем безнадежен. Однако теперь ему гораздо лучше — лихорадка его оставила и В(ольф) надеется

возвратить зрение одному глазу». Дни поэта были сочтены. Но невероятная творческая сила до последней минуты не покидала Кюхельбекера. Слепой и слабый, он диктовал письма, стихи, прозу. Декабристы Ф. Б. Вольф, П. Н. Свистунов, Е. П. Оболенский, И. А. Анненков ухаживали за умирающим. Писатель П. П. Ершов, служивший в то время в Тобольске, ежедневно посещал его, читал ему, стараясь как-то облегчить дни страданий.

За два месяца до смерти Кюхельбекер продиктовал письмо к поэту В. А. Жуковскому. В письме он сообщал, что шесть лет назад имел счастье получить от Жуковского письмо и что писал к нему трижды, но ответа не получил, так как, по-видимому, письма не дошли, и вот Кюхельбекер решился написать к нему вновь в надежде, что эти строки наконец дойдут до Жуковского. Он писал, что слеп и едва ли будет в состоянии в конце письма подписать свое имя. «Без лишних жалоб, коротко и ясно» обрисовал он свое тяжелое положение, моральное и физическое, когда «из сильного и бодрого мужчины» он стал «хилым, изнуренным лихорадкой стариком, слепцом, которого насилу ноги носят». С горечью и душевной тоской он заключал: «Мои дни сочтены: ужели пушу по миру мою добрую жену и милых детей? Говорю с поэтом, и сверх того полуумирающий приобретает право говорить без больших церемоний: *я чувствую, знаю, я убежден совершенно, точно так же, как убежден в своем существовании*, что Россия не десятками может противопоставить Европейцам писателей, равных мне по воображению, по творческой силе, по учености и разнообразию сочинений. Простите мне, добрейший мой наставник и первый руководитель на поприще Поэзии, эту мою гордую выходку! Но, право, сердце кровью заливаюсь, если подумаешь, что все, все мною сделанное, вместе со мною погибнет, как звук пустой, как ничтожный

отголосок! Спасите, мой друг и старший брат по Поэзии, теперь покуда хоть третью часть Ижорского: откройте мне средство доставить вам ее, вместе с выправленным экземпляром первых двух отделений».

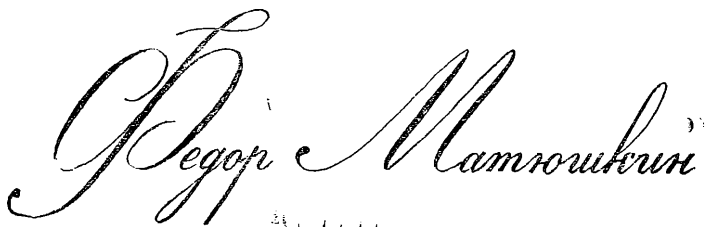
11 августа 1846 года Кюхельбекер скончался и был похоронен в Тобольске на Завальном кладбище. Могила его сохранилась до нашего времени.

Смерть оборвала деятельность большого поэта и борца за социальную справедливость. И если в Кюхельбекере борец был надломлен, то поэта в нем победить не смогли никакие силы. Вдохновенный поэт-романтик, он был и остался певцом героев, движимых любовью к Отечеству. Такой яркой и необыкновенной личностью рисуется нам и сам Кюхельбекер — гражданин и поэт, «брат родной по музе, по судьбам» великого Пушкина. Любовь к Пушкину, светлые воспоминания о лицейских годах, проведенных в Царском Селе, о товарищах по Лицею Кюхельбекер сохранял до конца своей жизни. Как священные реликвии он хранил у себя последнее письмо Пушкина, застужку от его манишки, померанцевый листок с гроба Корсакова, который сестра прислала ему в Сибирь из Флоренции.

Еще в 1845 году Кюхельбекер послал Жуковскому список своих произведений, предназначенных им для собрания его сочинений. Этот список дает представление о грандиозности творческого наследия Кюхельбекера. Если же иметь в виду, что основные из этих произведений были созданы человеком, сидевшим в крепости, находившимся в ссылке, тяжело больным, то его творчество поистине подвиг. Один перечень разделов говорит о многогранности и широчайшей эрудиции Кюхельбекера: театральные пьесы (трагедии, историческая драма, комедия, фарс, пастораль); переводы трагедий Шекспира; проза (романы, повести, рассказ); поэзия (поэмы, лирические стихотворения — около 200); критика, эсте-

тика, филология (критические статьи, извлечения из дневника на пять или шесть томов, письма к Дельвигу из-за границы; замечания о книгах, размышления о философии, более всего Шеллинга и Спинозы, о поэзии и эстетике, филологии, грамматике русского, греческого и английского языков; об истории и этнографии).

Поистине огромное литературное наследство оставил после себя Кюхельбекер. После Октябрьской революции оно стало достоянием народа. Царское правительство не смогло вырвать из памяти потомков благородный образ поэта-декабриста, лицейского друга и товарища А. С. Пушкина.

Федор Матюшкин — один из самых замечательных выпускников Лицея. Ближайший друг Пушкина по Лицею и после окончания его, он всегда хранил в своем сердце имя друга и бессмертного поэта.

Два романтически настроенных соученика с детства мечтали о дальних странах. Один — поэт — видел их в своем воображении и поэтически описал в своих произведениях; другой — мореплаватель — объездил весь свет. Как благословение прозвучали обращенные к нему слова Пушкина:

Счастливым путь!.. С лицейского порога
Ты на корабль перешагнул шутя,
И с той поры в морях твоя дорога,
О, волн и бурь любимое дитя!

Ты сохранил в блуждающей судьбе
Прекрасных лет первоначальны нравы:
Лицейский шум, лицейские забавы
Средь бурных волн мечталися тебе;
Ты постирал из-за моря нам руку,
Ты нас одних в младой душе носил
И повторял: «На долгую разлуку
Нас тайный рок, быть может, осудил!»

Матюшкин единственный из первенцев Лицея стал мореплавателем. Его имя вошло в историю отечественного флота.

Федор Матюшкин происходил из старинного русского дворянского рода. Родился он 10 июля 1799 года в Германии в городе Штутгарте, где отец его состоял надворным советником при русском посольстве. Отец Матюшкина умер рано. Мать — Анна Богдановна, оставшись без средств к существованию, вернулась в Россию и поселилась в Москве, получив место классной дамы в Екатерининском институте. Свое первоначальное образование Матюшкин получил в Московском университетском пансионе. После успешно сданного экзамена двенадцатилетний Федор Матюшкин был переведен в новое учебное заведение — Царскосельский лицей, где впервые встретился с юным Пушкиным.

Добродушный, с мягким характером, но твердой волей, Матюшкин сразу вызвал симпатию и товарищей, и педагогов. Его прекрасные дарования, «пылкое понятие» и живое воображение, любовь к чтению, внимательность, прилежание отмечали все наставники. Куницын считал, что Матюшкин занимается уроками «с размышлением», и это была большая похвала. Мальчиком он уже любил порядок и был аккуратен. При всей живости своего характера, он оставался скромным в поведении. Был добр, искренен, чистосердечен, чувствителен, иногда вспыльчив и гневен, но «без грубости» и только

«на минуту», всегда стараясь истребить в себе эти недостатки.

С первых же дней все заметили в Матюшкине ничем не объяснимую страстную любовь к морю. По-видимому, в том был повинен и Александр Пушкин, который увлекал Федора Матюшкина, своим поэтическим воображением рисуя невиданные страны. Мечты о романтических морских путешествиях разжигали желание Матюшкина стать моряком. И это решение горячо поддерживалось Пушкиным.

Освободительная эпопея 1812 года всколыхнула патристические чувства подростков и способствовала появлению у многих из них желания стать военными. Матюшкин мечтал о флотской службе. Невысокий, крепкого сложения, Федор Матюшкин, с добрым, открытым лицом и в то же время внутренне собранный, целеустремленный, с твердым намерением быть только моряком, особенно полюбился второму директору Лицея Е. А. Энгельгардту. У юноши были широкие сильные ладони с короткими ловкими пальцами, которые Энгельгардт шутливо называл «цилиндриками». Чуткий педагог, Энгельгардт понимал, что Матюшкин в Лицее «как сирота». Мать его, живя в Москве, не имела средств и возможности навещать сына. Когда к воспитанникам приезжали родные, слышались радостные возгласы, сыпались поцелуи, Энгельгардт уводил Матюшкина к себе. Живой и добрый нрав юноши снискал ему любовь всех домочадцев директора. Лишенный возможности видаться с родными, Федор, или, как ласково прозвали его соученики, «Федернелъка», особенно чувствовал братскую связь товарищей и еще ближе, сердечнее сходилась с ними. Дружба с Вольховским, Пушковым, Кюхельбекером и особенно с Пушкиным приобрела для него большое значение. Все они занимали в Лицее комнаты почти рядом. Комната Матюшкина—№ 2—была

напротив комнаты Кюхельбекера, с одной стороны от нее находилась комната Вольховского, с другой — Пущина, наискосок — Яковлева.

В характеристике 1816 года Е. А. Энгельгардт писал о Матюшкине: «Тихая, добрая душа, которая делает именно то, что должна, дает именно то, что имеет, кажется именно тем, что есть, и остается тем, чем была. Товарищи называют его из-за флегмы голландцем: у него есть склонность к морской службе».

Из Лицея Матюшкин был выпущен на гражданскую службу коллежским секретарем. Энгельгардт приложил все усилия, чтобы помочь ему в осуществлении мечты стать мореплавателем. Матюшкин покинул стены Лицея последним, после Пущина, отъезд которого задержала болезнь. Лицейский зал опустел. Гулко отдавались в нем шаги Федора Матюшкина, который с волнением и трепетным чувством ждал решения своей судьбы.

Энгельгардт при содействии министерства народного просвещения добился определения Матюшкина на шлюп «Камчатка», которым командовал известный мореплаватель В. М. Головин. «Камчатка» направлялась в кругосветное плавание, а это было тогда редким предприятием. Так исполнилось заветное желание Матюшкина. Обрадованный за друга, Вильгельм Кюхельбекер обратился к нему с посланием в стихах. В журнале «Сын отечества», где стихотворение было опубликовано, оно имело примечание: «Воспитаннику императорского Царскосельского Лицея, отправляющемуся ныне в путешествие кругом света с знаменитым мореплавателем нашим *Васильем Михайловичем Головиным* (Головинным.— Авт.) на корабле *Камчатке*. Прим(ечание) редактора». Стихотворение «К Матюшкину» Кюхельбекер считал впоследствии одним из лучших своих юношеских произведений:

Скоро, Матюшкин, с тобой разлучит нас шумное море:
Челн окрыленный помчит счастье твое по волнам!

Но не забудешь друзей! нашей мольбою храним,
Ты не нарушишь обетов святых, о Матюшкин! в отчизну
Прежнюю к братьям любовь с прежней душой
принесешь!

Егор Антонович не ограничил себя только заботами по устройству Матюшкина в плавание. Он решил выхлопотать отпуск своему питомцу для свидания с матерью, которую Матюшкин не видел шесть лет. Энгельгардт не был лично знаком с Головниным, но обратился к нему 26 июля 1817 года с письмом, в котором писал, что бывший его воспитанник Матюшкин «достиг теперь цели всех своих желаний» и скоро отправляется в море. Энгельгардт выражал уверенность, что, узнав его добродушие, откровенность и необыкновенные дарования, Головнин полюбит его и удостоит «отеческого назидания и руководства».

В тот же день в дневнике Матюшкин записал, что наконец исполнилось его желание, сбылись его мечты, коими его воображение питалось несколько лет. Дневник этот, по словам самого Федора Матюшкина, он «сбирался вести по совету и плану Пушкина» и вел во время кругосветного плавания. Ученый и писатель Ю. В. Давыдов на основе хранящихся в рукописном отделе Пушкинского дома записок Матюшкина — «Журнал кругосветного плавания на шлюпе «Камчатка» под команду Головнина» — и многих архивных документов, писем, дневников и других материалов написал книгу о Матюшкине «В морях и странствиях». Л. А. Шур, советский исследователь неопубликованных записок русских путешественников Ф. Ф. Матюшкина, Ф. П. Литке и Ф. И. Врангеля, впервые в 1971 году опубликовал «Журнал кругосветного плавания...» Ф. Ф. Матюшкина в книге «К берегам Нового Света».

С первых дней плавания оказалось, что Федор Матюшкин был подвержен «морской болезни». Но огромная сила воли, страстное стремление к заветной цели помогли ему бороться с болезнью и преодолевать ее. Он остро ощущал незнание морского дела, но упорно учился, выполнял самые трудные задания. Смелость, выносливость и исполнительность Матюшкина снискали ему доверие и симпатию капитана В. М. Головнина.

Известно, что плывшие на «Камчатке» старший мичман Ф. Литке и второй мичман Ф. Врангель сдружились здесь на долгие годы. Но и волонтер Ф. Матюшкин, поступивший в должность гардемарина, приобрел в этом плавании истинного друга — Ф. Лутковского, тоже гардемарина, впоследствии высланного из Петербурга в связи с событиями 14 декабря 1825 года.

В своем дневнике, а также в письмах к Энгельгардту Матюшкин описывал земли, которые встречал на своем пути. Он видел не только прекрасные померанцевые рощи, но и рабов, истощенных и забитых, трудившихся на полях плантаторов. В Бразилии он увидел рабство во всей его ужасающей наготе. «Ряды, в коих продаются негры,— писал Матюшкин,— состоят из одного строения, разделенного на многие амбары, в коих негры и негритянки почти совершенно нагие содержатся, и в каждом амбаре находится для присмотра один европеец, который поступает с ними зверски». Это зрелище вызывало в Матюшкине безрадостные мысли о далекой Родине, где также продавали, меняли и дарили «крещеную собственность», людей, своих же соотечественников. «Мало изгнать из своей земли рабство,— заключал Матюшкин,— чтобы доставить подданным счастье, безопасность, богатство, но и надобно изгнать его из колоний — для блага человечества...»

По окончании кругосветного плавания на шлюпе «Камчатка» В. М. Головнин представил Матюшкина

вместе с прочими офицерами к награде. Однако морское ведомство отклонило это представление, ссылаясь на то, что Матюшкин не является морским офицером. В. М. Головнин за два года плавания хорошо узнал Матюшкина, видел не только его трудолюбие и усердие, но и незаурядные способности. За одно лишь плавание он овладел всеми тонкостями морской службы и стал не только равноценным, но даже лучшим из многих офицеров «Камчатки». Понимая несправедливость отказа морского ведомства, Головнин 6 ноября 1819 года послал Е. А. Энгельгардту письмо: «В надежде, что морское ведомство отдаст справедливость господину Матюшкину, о коем я представлял вместе с прочими офицерами, служившими под моим начальством, я не хотел беспокоить вас моею просьбою, но как морские офицеры все получили награды, а сн нет, то я решился обратиться к вашему превосходительству... Я не думаю, чтоб государь перевел его во флот первым мичманом, потому что министр так представляет, чтоб отдать ему старшинство со дня, когда мною г. Матюшкин определен в должность мичмана (июля 29-го 1819 г.), но как перевод его в морскую службу не есть награда, то кажется справедливость требует, чтоб дать ему орден св. Анны 3-й степени наравне с прочими офицерами, с коими он исправлял одинаковую должность и ничем не хуже их; я почти уверен, что правительство уважит ваше в пользу его ходатайство...» Получив письмо от Головнина, Энгельгардт тотчас обратился с ходатайством в министерство народного просвещения. По-видимому, хлопоты Е. А. Энгельгардта и В. М. Головнина возымели свое действие, и Федор Матюшкин вскоре получил орден св. Анны 3-й степени.

По окончании кругосветного плавания Матюшкин увидел мать, лицейских товарищей и, конечно, Пушкина. Но радость свидания с друзьями и матерью была непро-

должительной. Матюшкин стал готовиться к новой экспедиции — исследованию северных берегов Ледовитого океана, — которой должен был руководить Фердинанд Врангель. Вместо корабля их ждали нарты с упряжкой собак, вместо морских просторов — тайга, тундра, вместо прибоя — вой вьюги и метель. Матюшкин и Врангель выехали в Иркутск. В Томске Матюшкин останавливался у своего товарища А. Д. Илличевского.

Генерал-губернатором Сибири был тогда Михаил Михайлович Сперанский, крупный государственный деятель, подавший в 1808 году «Первоначальное начертание *особенного* лица» — проект создания нового учебного заведения, где учились бы высокоодаренные представители всех сословий. Первоначальный проект отличался от окончательного устава Лицея, но многие основные положения его были сохранены. И вот теперь Матюшкину предстояла встреча со Сперанским, к которому у него было письмо от Е. А. Энгельгардта, давнего знакомого Сперанского. Любопытно, что М. А. Корф, написавший в 1861 году книгу «Жизнь графа Сперанского», рассказывает в ней о встречах Матюшкина с этим знаменитым человеком. Корф объясняет, что сведения эти он почерпнул из записок Матюшкина, отрывки из которых были в его руках. О своих встречах со Сперанским Матюшкин писал и Е. А. Энгельгардту. М. М. Сперанский проникся уважением и даже любовью к Матюшкину, последний же отзывался о нем с большой теплотой.

В Иркутске Матюшкин близко познакомился с будущим декабристом Г. С. Батеньковым, сосланным в этот период в Сибирь по подозрению в связях с тайными обществами. Сперанский высоко оценил способности Батенькова, и тот стал его первым помощником. Матюшкин навсегда сохранил к Батенькову самые глубокие дружеские чувства.

Перед отъездом к берегам Ледовитого океана Матюшкин тепло, со слезами на глазах простился со Сперанским, который, поцеловав его в лоб и положив ему руки на плечи, благословил в дальнюю и трудную дорогу к северным морям. Это была тяжелая и трудная экспедиция. В ней Матюшкин снова показал себя энергичным и смелым человеком. Несмотря на тяжелые переходы и труднейшие условия, в которых находился, он писал Е. А. Энгельгардту о своем путешествии, писал также и товарищам.

В архиве Пушкинского дома хранятся письма Матюшкина, одно из них начато в июне 1823 года. Оно, по видимому, являлось ответом на письмо В. Д. Вольховского. Известно, что Вольховский в это время был послан с экспедицией в Бухару. Эта экспедиция закончилась значительно раньше, чем северная. Матюшкин писал: «Ты желал иметь понятие... о нашей ученой собачьей экспедиции — с удовольствием исполняю твою просьбу... Мы не будем более ни мерзнуть, ни голодать, ни мучиться, чрез несколько дней я совсем оставляю берега ледовитого моря, на коем я убил три года своей жизни... Велика разница между вашей учено-военной верблюжьей экспедицией и нашей — вы имели много, много таких удовольствий... о коих мы не могли думать... Не стану тебе описывать, что мы описали и как мы описывали — первое ты можешь видеть из приложенной при сем карты... а второе, вероятно, очень сходно с вашим — у нас собаки, у вас — верблюды, у нас море — у вас степь. С каждым днем мы подвигались в страны ужасные и ужаснейшие, необитаемые, бесплодные, в царство зимы, а вы с каждым шагом приближались к плодоносной, благорастворенной (? — Авт.) Бухарии...»

В одном из писем Матюшкин описывал гибель устюжского промышленника северопроходца Никиты

Шалаурова, в другом — полярную пургу, заставшую экспедицию: «Мы лежали молча вокруг потухшего огня — юрта гнулась от сильных порывов и не защищала нас от пронзительного ветра и выюги. Наконец, один решился выйти посмотреть собак — проходит час, он не возвращается... ветер скрепчал еще более, но это были последние его порывы... и на темном небе засверкали бесчисленные звезды — товарища нашли у самой палатки, он не мог найти юрты... и выюга не позволила ему раскрыть глаза. Собак и нарты вырыли из-под снега, развели огонь, воспили чаю — и улеглись спать».

В то время, когда Матюшкин находился у берегов Ледовитого океана, Пушкин писал в одном из черновых набросков:

Завидую тебе, питомец моря смелый,
Под сенью парусов и в бурях поседелый!
Спокойной пристани давно ли ты достиг —
Давно ли тишины вкусил отрадный миг —
И вновь тебя зовут заманчивые волны.
Дай руку — в нас сердца единой страстью полны.

Северная экспедиция под командованием Врангеля окончилась в 1824 году. Материалы исследований были переданы в морское ведомство. Врангелем была написана работа под заглавием «Путешествие по Северным берегам Сибири и по Ледовитому морю в 1820, 1821, 1822, 1823 и 1824 гг. Экспедицией, состоящей под начальством флота лейтенанта Фердинанда фон Врангеля». Впервые материалы этого путешествия были опубликованы на немецком языке и изданы в Берлине в 1829 году. Перевод на немецкий сделал Е. А. Энгельгардт, который использовал также отчеты Ф. Ф. Матюшкина. На русском языке эта книга появилась лишь в 1841 году в двух томах; в прибавлении, изданном Академией наук, были помещены рисунки Ф. Ф. Матюшкина, дополненные академиком Парротом.

В своей книге Врангель отдает должное Матюшкину и с большой похвалой отзываясь о нем. Именем Матюшкина был назван мыс в Северном Ледовитом океане. Возможно, что эта экспедиция, проведенная в тяжелых условиях, не была бы так успешна, если бы не предприимчивость, энергия и практическая сноровка Ф. Ф. Матюшкина, который шел впереди экспедиции, закупая провиант, устраивая привалы, обеспечивая всем необходимым, словом, делал все, чтобы задачи экспедиции могли быть выполнены. Не раз смотрел он смерти в глаза, проваливался под лед, испытывал всю тяжесть положения человека, впервые попавшего в необжитые места. В то же время он занимался и научными исследованиями, вел дневник, делал зарисовки. Мужество, сила воли, свойственные его натуре, помогли Матюшкину преодолеть все трудности жизни среди суровой природы и стихии. Здесь, впрочем, как и всегда, он вел записи. Один из таких своих «сибирских» журналов Матюшкин дал затем на прочтение Кюхельбекеру, который со вниманием ознакомился с ним и сделал свои пометки на страницах рукописи.

После экспедиции и отпуска, проведенного в Москве, когда Матюшкин встречался с Кюхельбекером, Яковлевым, Бакуниным, он вернулся к месту своей службы в Петербург и Кронштадт. В Кронштадте он осознал ужасающее положение на русском флоте. В среде флотского начальства процветали злоупотребления, казнокрадство, лихоимство, подсиживание и т. п. За малейшую провинность матросов ожидали линьки и карцер. Морской министр де Траверсе был ловкий иностранец. Царь не любил флот и, не понимая его значения, относился к нему с пренебрежительным равнодушием. Сердце Матюшкина переполнялось негодованием, рождалась мысль о необходимости кардинальных реформ во флоте.

В Петербурге, на Екатерингофском проспекте, в казармах гвардейского Морского экипажа, поселился лицейский друг Матюшкина, который понимал и разделял многие его убеждения. Это был Вильгельм Кюхельбекер, живший здесь у брата Михаила. К нему на квартиру не раз приезжал из Кронштадта Матюшкин. Здесь он встречал флотских офицеров, декабристов М. К. Кюхельбекера, братьев А. П. и П. П. Беляевых, А. П. Арбузова и других. Матюшкин был близок со многими из них. В марте 1824 года произошло знакомство Ф. Матюшкина и К. Рылеева. 3 июня 1825 года Рылеев, Кюхельбекер и Одоевский посетили Кронштадт, где встретились с Матюшкиным. Это было то последнее радостное свидание с Матюшкиным, о котором В. Кюхельбекер вспоминал в своем дневнике семнадцать лет спустя.

Но недолго Матюшкин находился среди друзей. 25 августа 1825 года он отправляется в кругосветное плавание на шлюпе «Кроткий», опять под начальством Ф. П. Врангеля. В октябре, когда Матюшкин был в океане, находившийся в изгнании Пушкин вспоминал далекого мореплавателя («19 октября» 1825 года):

Сидишь ли ты в кругу своих друзей,
Чужих небес любовник беспокойный?
Иль снова ты проходишь тропик знойный
И вечный лед полуночных морей?
Счастливым путь!..

Врангель был гуманным, но монархически настроенным человеком. Он с возмущением писал Литке, что Матюшкин «вообразил себе, что его сообщники в Петербурге овладели теперь всем правлением». Врангель недолюбливал прогрессивно настроенного Матюшкина. Думается, что письмо Врангеля к Литке проливает свет на вопрос об отношении Матюшкина к событиям 14 декабря.

Возвращение на родину стало горестным для Матюшкина. Его товарищи и знакомые были осуждены, как «государственные преступники», среди них друзья юности Пушкин и Кюхельбекер. В Петербурге он встретился с Пушкиным и Дельвигом, с Яковлевым.

Но истинно пророческими были слова Пушкина: «В морях твоя дорога...» Матюшкину предстояло вновь отправиться к чужим берегам. Продолжалась освободительная борьба Греции против турецкого владычества. Политические расчеты царского правительства, стремящегося иметь влияние на Балканах и в районе Средиземного моря, заставили его в 1827 году выслать в Наваринскую бухту на помощь Греции русский флот. Матюшкин был назначен вахтенным начальником на корабль «Эммануил», который участвовал в блокаде Дарданелл и Константинополя. Затем в чине флаг-офицера командовал бригам «Ахиллес», крейсировавшим в Средиземном море. Многолетняя борьба Греции, наконец, завершилась признанием ее независимости.

В 1834 году Матюшкин находился в Петербурге. 19 октября день Лицея отмечался у Яковлева. После долгой разлуки Матюшкин вновь увидел Пушкина и лицейских товарищей. Эта встреча как бы возродила дни юности. Среди лицейских, среди братьев-товарищей он вновь обрел «семью друзей». Радость Матюшкина усиливалась присутствием Пушкина.

Поздней осенью 1836 года Матюшкин, служивший на Черноморском флоте, приехал в Петербург и в последний раз виделся с поэтом. Весть о его гибели он получил, находясь в Севастополе. В письме Матюшкина к М. Яковлеву слышен крик отчаяния: «Пушкин убит! Яковлев! Как ты это допустил? У какого подлеца поднялась на него рука? Яковлев! Яковлев! Как мог ты это допустить?..» Матюшкин любил Пушкина как великого

поэта и друга. Ему часто приходила мысль, что и море полюбил он отчасти благодаря Пушкину, также мечтавшему о морской стихии. Матюшкин всю жизнь свято и бережно хранил воспоминания о Пушкине.

Около пятнадцати лет прослужил Матюшкин на Черноморском флоте, а затем был переведен на Балтику. С 1852 года началась его береговая служба в морском ведомстве. Он занимался редактированием морского устава, энергично вел административную работу.

Во время Крымской войны 1853—1856 годов основные военные действия развернулись на Черном море, у стен Севастополя. Но английский флот двинулся и к балтийским берегам России, к Кронштадту, Петербургу, Свеаборгу, а в одном из французских портов грузились на корабли воинские части — десант, следовавший в том же направлении. Так что в апреле 1855 года огромный союзный флот уже был в восточной Балтике. Противники были уверены в победе, — они знали, в каком плачевном состоянии находился русский военный флот. Положение было отчаянным: ни корабли, ни крепости не были готовы отразить атаки неприятеля. Руководить оборонными работами стал срочно выехавший из Петербурга в Свеаборг контр-адмирал и бригадный командир Ф. Ф. Матюшкин. Он убедился, как трудно в короткий срок превратить недостроенную крепость, остававшуюся более сорока лет без всякого внимания, в мощную цитадель на подступах к столице. «Оборона в русском матросе и солдате, и Свеаборг англичанам не взять, — так решил контр-адмирал Матюшкин. — В трубах зданий и подвалах будет порох, где нельзя будет держаться — взорвем или взорвемся». Очевидцем свеаборгских событий стал известный впоследствии поэт А. А. Фет.

Энергия, военный талант Матюшкина ярко проявились в организации оборонительных работ. Крепость

была подготовлена к встрече с британским флотом. Англичане бомбардировали город и крепость летом 1855 года в течение сорока пяти часов двадцатью двумя тысячами снарядов, но крепость не сдалась. Англичане побоялись израсходовать все боеприпасы и прекратили военные действия на Балтике. Свеаборг же, расположенный на плоском острове, на европейских литографиях стали изображать крепостью, окруженной неприступными скалами.

Друзья Матюшкина Корнилов, Истомин, Нахимов героически погибли, обороняя Севастополь. Одна за другой появились их могилы рядом с могилой старшего их друга адмирала М. П. Лазарева. Ненависть и гнев испытывал Матюшкин к главному виновнику севастопольской катастрофы — Николаю I, который, как с возмущением писал Матюшкин в Сибирь к Пушкину, «разыгрывал 25 лет роль полицмейстера Европы».

Ф. Ф. Матюшкин семьи не имел. Жил он весьма скромно, заботясь об окружающих, находя радость в том, чтобы одаривать близких. Его семья — это лицейские товарищи, которых он никогда не оставлял в беде. Он переписывался почти со всеми, кто еще был жив, принимал участие в их горе и радостях. Душевную теплоту Матюшкина особенно чувствовал Пушкин. 9 сентября 1852 года Пушкин обратился к Матюшкину как к родному и близкому человеку, прося его купить для дочери Аннушки фортепьяно. Денег на покупку в этот момент у Пушкина не было, и он обещал их выслать в будущем году. Матюшкин привлек М. Корфа и М. Яковлева к выбору фортепьяно. Как подарок оно было выслано в Ялуторовск.

11 февраля 1853 года растроганный Пушкин писал Матюшкину из Ялуторовска: «Спасибо вам, от души спасибо! Разделите между собой мой признательный крик, как я нераздельно принимаю ваше старое лицей-

ское воспоминание. Фортепиано в Сибири будет известно под именем лицейского; и теперь всем слушающим и понимающим высказываю то, что отрадно срывается с языка.— Аннушка вместе с музыкой будет на нем учиться знать и любить старый Лицей! — Теперь она лучше прочтет нашу лицейскую песнь, которую знает наизусть!.. Вчера, по инструкции, я вынул фортепиано из ящика... Все сохранно дошло — очень нарядный инструмент, о звуке будет речь после. Не может быть, чтобы не было отличное фортепиано, когда выбирал его Яковлев, наш давнишний певец...»

Через две недели Пущин как бы продолжает письмо: «В 12 часов, когда Аннушка возвратилась из училища... я взял ключ и отворил замок. Подняли крышку, и все ахнули от восхищения при виде работы отчетливой и новой для нас — сибиряков... Пошли аккорды — я сел, задумался в самых отрадных думках. Все вы явились около меня, всех вас я целовал, обнимал. Без сомнения, вы должны были и там ощутить эту торжественную минуту, глубоко чувствуемую без оханий и аханий! Аннушка пошла собирать всех — явились Муравьевы-Апостолы. Тот же восторг и речи о вас!.. Вот как вы меня балуете, добрые мои друзья! За что все это делается? Вы, верно, лучше меня это знаете, потому что так делаете... Ваше фортепиано — первое в нашем городке... Одним словом, ура Лицею старого чекана!.. Осушили бокалы за вас, добрые друзья, и за нашего старого директора. Желали вам всего отрадного; эти желания были так задушевные, что они должны непременно совершиться. Теперь Аннушка уроки берет дома — и субботы мои оживились для молодежи, которая с нами. Портрет твой над фортепиано... Обнимаю тебя, добрый друг, а ты обними за меня всех наших ветеранов...»

В другом письме Пущин сообщал Матюшкину: «Старый Лицей над фортепианами красуется, а твой портрет

с Энгельгардтом и Вольховским на другой стенке, близ письменного моего стола. Ноты твои Аннушка скоро будет разыгрывать, а тетрадка из лицейского архива переписана. Подлинник нашей древности возвращаю. От души тебе спасибо за все, добрый друг...»

В 1867 году Матюшкин был произведен в адмиралы. Чин этот он заслужил по праву, как мореплаватель, ученый и исследователь, находившийся всю жизнь в морях и странствиях, в походах и сражениях. Будучи председателем в Морском ученом комитете, Ф. Ф. Матюшкин плодотворно занимался историографией русского флота.

В конце 1860-х годов образовался комитет для создания памятника А. С. Пушкину. Матюшкин стал первым его членом. Он подал мысль комитету поставить памятник поэту там, где он родился,— в Москве. Незадолго до своей смерти Матюшкин передал все свои материалы, относившиеся к истории Лицея пушкинского времени, известному пушкиноведе Я. К. Гроту.

В течение восемнадцати лет Матюшкин снимал одну и ту же комнату в Петербурге в гостинице Демута («Демутов трактир» — ныне набережная реки Мойки, 40, дом перестроен), при нем был отставной матрос Андрей Романов. Летом Федор Федорович жил близ станции Бологое, где приобрел небольшой участок и построил дачу на берегу озера. Но время проводил в соседней усадьбе своего однокашника и младшего товарища по Лицею князя Д. А. Эристова, о семье которого он заботился после смерти друга. В этом имении состоялась свадьба И. И. Пущина с Н. Д. Фонвизиной.

Ф. Ф. Матюшкин умер в Петербурге, в гостинице Демута, 16 сентября 1872 года в возрасте 73 лет и был похоронен на Смоленском кладбище. В 1950 году останки его перенесены в Некрополь Александро-Невской лавры.

Михаил Яковлев

Михаил Яковлев был близким товарищем Пушкина по Лицею, да и после окончания Лицея они сохранили дружеские отношения. Человек всесторонне талантливый, одаренный, Яковлев не мог не привлечь Пушкина. Михаил Лукьянович свято и бережно хранил память о товарище и поэте.

М. Л. Яковлев родился 19 сентября 1798 года. Отец его был статским советником; вся семья жила в Москве. Первоначальное образование Яковлев получил в Московском университетском пансионе. Затем его привозят в Петербург для поступления в Лицей. Весьма одаренный многими талантами, Михаил Яковлев сразу же обратил на себя внимание и наставников и однокашников. Педагоги отмечали его «доброе сердце», простодушие и живость характера, а более всего его особенный дар — музыкальность. «Груб, пылок, но признателен, усерден, опрятен и весьма прилежен», — отзывался о Яковлеве гувернер Чириков.

Комната, которую занимал Михаил Яковлев в Лицее, была рядом с комнатой Кюхельбекера. Другого его соседа, Константина Гурьева, исключили из Лицея через два года за дурное поведение. Так из принятых в Лицей в 1811 году тридцати мальчиков осталось двадцать девять. Рядом с Пушкиным и его товарищами, после перехода в 1815 году двадцати девяти воспитанников с младшего курса на старший, в стенах Лицея в течение двух с половиной лет жили воспитанники второго, младшего курса (двадцать один человек), переведенные в Лицей из Царскосельского лицейского благородного

пансиона. Среди них были многие, с кем лицеисты первого выпуска сохраняли впоследствии дружеские отношения: Д. А. Эристов, ближайший друг Матюшкина, П. В. Яхонтов, которому Дельвиг написал в 1817 году стихотворение «В альбаум»; И. Д. Позняк, сестрой которого были увлечены Дельвиг, Илличевский, Кюхельбекер; Н. Н. Молчанов, впоследствии привлеченный по делу 14 декабря 1825 года; и, наконец, В. П. Лангер, создавший известные акварели и литографии, изображающие виды Царского Села и Лицей. С Лангером были весьма дружны А. Дельвиг и М. Яковлев.

Михаил Яковлев очень быстро привык к Лицею. Это был общительный, веселый, чрезвычайно подвижный и остро наблюдательный мальчик, обладавший необыкновенным даром комически перевоплощаться, создавать живые карикатуры на окружающих. Он не раз демонстрировал перед воспитанниками свои артистические способности, забавлял их. То он распустит фалды сюртука и изображает «индийского петуха», то царскосельских попов и дьячков, а то и преподавателей и самого директора. От него доставалось и товарищам, в том числе Пушкину и Кюхельбекеру. Он изображал царскосельских дам и девиц, посещавших Лицей родственников и даже прелестную юную Наташу Кочубей. От товарищей Яковлев получил прозвище «Паяс», «Комедиант». В Лицее он имел в своем «репертуаре» 200 номеров. И впоследствии подписывался под протоколами лицейских годовщин «Паяс 200 №№». Долгое время эта подпись оставалась загадкой. Но К. Я. Грот, подготавливая издание бумаг первого курса, собранных его отцом академиком Я. К. Гротом, обнаружил среди них синий листок, на котором рукой Ф. Матюшкина на четырех страницах в два столбца были записаны (под номерами) все лица, фигуры и типы, которые представлял Яковлев в Лицее. Их оказалось ровно двести.

В лицейских «национальных песнях» о Яковлеве говорилось:

Вот *Музыкант*
Комедиант
Пастора представляет...

или

Мишук — паяс первостепенный,
Гераков — Глинка-музыкант
И скоморох-комедиант.

Помимо дара острой наблюдательности и умения изображать, передразнивать окружающих Яковлев хорошо рисовал, был весьма музыкален и обладал прекрасным голосом. Лицей не давал музыкального образования, но министр просвещения Разумовский разрешил родителям приглашать учителей за собственный счет для обучения детей «игре на фортепьянах» и других инструментах, но с условием, чтобы это не было в ущерб их основным занятиям. По-видимому, Яковлев брал частные уроки игры на скрипке. Обладая прекрасным слухом, Яковлев играл также на гитаре, фортепьяно и сочинял музыку на стихи Пушкина и Дельвига. Еще в Лицее он положил на музыку стихотворение Пушкина «Слеза». Романс исполнялся не только воспитанниками Лицея, но и в царскосельских домах.

С 1816 года с воспитанниками в Лицее начал заниматься пением получивший известность в Европе и в России композитор и музыкант Теппер де Фергюсон, друг Е. А. Энгельгардта. Литературно-музыкальные вечера в доме Энгельгардта и Теппера способствовали развитию музыкальных и литературных вкусов воспитанников Лицея. Теппер занимался с воспитанниками бесплатно. Это подтверждают архивные документы.

В литературных занятиях Яковлев также принимал активное участие и был в числе издателей лицейских журналов «Для удовольствия и пользы», «Неопытное

перо», «Юные пловцы». Первыми его опытами были басни. Товарищи любили Яковлева, с Пушкиным он был в приятельских отношениях. В стихотворении 1814 года «Пирующие студенты» Пушкин обратился к Яковлеву со словами:

А ты, который с детских лет
Одним весельем дышишь,
Забавный, право, ты поэт,
Хоть плохо басни пишешь,
С тобой тасуюсь без чинов,
Люблю тебя душою...

Е. А. Энгельгардт писал о Яковлеве: «Талантлив во всем, особенно же в риторике, мимике и музыке. Ему очень нравится подражать другим как во внешности, так и в научных занятиях. Здесь он заходит так далеко, что не может скрыть своего стремления к подражанию даже от тех, кому он подражает или кого передразнивает. Теперь его поведение в общем хорошо, прежде оно было небезупречным; его сердце отзывчиво. Так как он уделяет людям много внимания, то надо предполагать, что он не очень хорошо приспособится к свету. У него есть склонность к сатире, но несравненно меньшая, чем у Пушкина. В науках он предался своего рода литературному патриотизму. Этот протест против чужого легко принимает у него значение чего-то важного. Филология его интересует в целом не так, как это можно было бы ожидать при его риторических стремлениях».

По окончании Лицея Яковлев получил чин коллежского секретаря. Прощаясь с Е. А. Энгельгардтом, в его альбом он лаконично записал: «Коллегии Секретарь Яковлев». Он поступил на службу в министерство юстиции в Москве. Затем был переведен в Петербург в департамент министерства юстиции, а затем определен во II отделение Собственной его императорского величества канцелярии по составлению законов под началь-

ством М. М. Сперанского. Впоследствии Яковлев был в должности сенатора и имел чин тайного советника.

Живя в Петербурге, Яковлев почти ежедневно бывал у Дельвига. Его общительный нрав, незаурядные композиторские способности и прекрасный голос делали его желанным гостем у многих. Как музыкант Яковлев был знаком с композитором М. И. Глинкой, которого ввел в дом Дельвига. По этому поводу Глинка вспоминал в своих записках: «Летом того же 1828 года Михаил Лукьянович Яковлев, композитор известных русских романсов и хорошо певший баритоном, познакомил меня с бароном Дельвигом, известным нашим поэтом. Я нередко навещал его... Барон Дельвиг переделал для моей музыки песню: «Ах, ты ночь ли, ноченька», и тогда же я написал музыку на его слова: «Дедушка,— девицы раз мне говорили». Эту песню весьма ловко певал М. Л. Яковлев». И. И. Пущин в своем письме к Вольховскому 8 апреля 1824 года, вспоминая лицейскую жизнь, писал и о «волшебном пении Яковлева». В репертуаре русских певцов до сих пор живут романсы и песни, сочиненные Яковлевым на слова Пушкина, Дельвига, Жуковского, Державина.

Вскоре после окончания Лицея Яковлев стал хранителем лицейских обычаев и преданий. Он берег весь архив своего выпуска, протоколы лицейских сходок, проходивших в его квартире. Его стали называть «лицейским старостой», а квартиру его, где собирались на празднование 19 октября, «лицейским подворьем». В 1820-х годах в течение трех лет М. Л. Яковлев жил в том же доме, что и его однокурсник Д. Н. Маслов, на общей квартире с товарищами по Лицею В. Д. Вольховским и Ф. Х. Стевенем в доме 204. Это был доходный дом купчихи Васильевой с флигелем на Офицерскую улицу. Дом находился в 4-м квартале 2-й Адмиралтейской части у Екатерининского канала. Ныне это дом 91 по

каналу Грибоедова. Он надстроен до четырех этажей, а его флигель (улица Декабристов, 20) перестроен. В августе 1825 года, когда Вольховский уехал в экспедицию, его комнату некоторое время после выхода в отставку занимал И. В. Малиновский. В 1831 году Яковлев жил на казенной квартире на Литейном проспекте, а с начала 1833 года — в здании типографии ведомства, где он служил, на Екатерининском канале. Дом находился на месте выставочного корпуса Русского музея (ныне канал Грибоедова, 2, угол Инженерной улицы). На этой квартире Яковлева бывали его лицейские друзья. Е. А. Энгельгардт 22 января 1831 года писал Ф. Ф. Матюшкину: «Яковлев сделался совершенно деловым человеком; пишет законы; уже не паясничает, а занимается итальянскою музыкою и восхищает всех своим талантом и голосом».

В 1833 году на праздновании лицейской годовщины (в тот год Пушкин на сходке не присутствовал, «застряв» в Болдине из-за холеры) Илличевский прочел свое стихотворение:

Опять мы на лицейский праздник
Соединились в круг родной,
Спасибо, Яковлев-проказник,
Ты староста у нас лихой!

Если в Лицее Яковлев с Пушкиным были в приятельских отношениях, то со временем они сошлись ближе. Пушкин встречался с ним не только у Дельвига, но заходил к Яковлеву домой. «История Пугачевского бунта», первая историческая работа Пушкина, печаталась в типографии, которой заведовал Яковлев. Для печатания этой работы своего лицейского товарища Яковлев сам подбирал бумагу, шрифт и тщательно проверял корректуру, помогал Пушкину и советами, к которым тот прислушивался. Предисловие к «Истории Пугачевского

бунта», собственноручно написанное Пушкиным, было переписано набело рукою Михаила Лукьяновича.

Необходимо отметить, что Пушкин, говоря «Лицей», представлял его себе только Лицеем своего выпуска, словно на этом обрывалась дальнейшая история этого учебного заведения. «Лицейская семья» для Пушкина — это его соученики. Пушкин как бы отличал Лицей своего времени от Лицея последующих выпусков, считая, что только лицеистам первого курса были свойственны те особые традиции, которыми так дорожил он сам и его близкие друзья. Когда должно было отмечаться двадцатипятилетие Лицея, многие были согласны на объединенное празднование трех выпусков. За это особенно ратовал М. Корф. Пушкин же категорически возражал и написал по этому поводу М. Яковлеву, занимавшему в Лицее комнату № 39, записку, поставив вместо подписи, по старому обычаю, номер своей лицейской «кельи»: «Я согласен с мнением 39 №. Нечего для двадцатипятилетнего юбилея изменять старинные обычаи Лицея. Это было бы худое предзнаменование. Сказано, что и последний лицеист *один* будет праздновать 19 октября. Об этом не худо напомнить. № 14». Под «последним лицеистом» Пушкин подразумевал того, кто переживет всех своих товарищей.

Годовщина 1836 года была последней годовщиной, праздновавшейся вместе с Пушкиным. Протокол сходки почти весь написал Пушкин; потом его закончил Яковлев. В этот день Пушкин был весьма напряжен и взволнован. Он начал читать свое посвящение лицейской годовщине «Была пора...», но слезы мешали ему говорить.

В ноябре 1836 года у Яковлева встретились Пушкин, Матюшкин и князь Эристов. Поэт был очень расстроен. После обеда, во время дружеской беседы, Пушкин вы-

нул известный анонимный «диплом» и, показав этот пасквиль, сказал: «Посмотрите, какую мерзость я получил». Рассматривая бумагу, Яковлев, как директор типографии прекрасно разбиравшийся в ее сортах, нашел, что бумага «иностранныго происхождения», что на нее установлена высокая пошлина, а пользуются ею только иностранные посольства. Это заключение дало направление Пушкину в поисках анонима. Гибель Пушкина до глубины души потрясла Яковлева. Об этом можно судить хотя бы по его письму к В. Д. Вольховскому. После смерти Пушкина «лицейское подворье» Яковлева опустело. Но старостой и хранителем лицейских традиций он остался.

Когда не стало Пушкина, то уже в первую встречу без него не было и «прежнего радушия». Лицейские годовщины, потеряв своего вдохновителя, стали только узкосемейными встречами, неинтересными, незаметными, незначительными. «Солнце русской поэзии» — Пушкин все освещал своим гением — и Лицей, и своих товарищей, и лицейские годовщины... Он был душою «лицейского братства», «лицейского союза», «лицейской республики», он был как бы олицетворением лучших заветов и клятв; он один держал «ключ» от лицейских сходок, он был их вдохновителем, их певцом.

Но затерянный в сибирской глуши В. К. Кюхельбекер вплоть до самой смерти продолжал воспевать «лицейское братство». И. И. Пущин помнил и чтит этот день «по старым заветам прежнего Лицея». Старик И. В. Малиновский, живший в далекой украинской провинции, к 50-летию основания Лицея потребовал от оставшихся в живых товарищей отчета в своей деятельности «для общей пользы», отчета о претворении в жизнь юношеских клятв «лицейского союза».

Даже словно прозревший Е. А. Энгельгардт, некогда ратовавший за объединение лицейстов всех выпусков

в одно неделимое братство, уже через два года после гибели Пушкина с горечью писал своему бывшему воспитаннику поэту М. Д. Деларю о том, что ко дню 19 октября Пушкин, бывало, «кликнет клич товарищам и возбудит в ином остывающем сердце память и чувство прежнего времени». И Энгельгардт вдруг всем сердцем ощутил, что Пушкина нет, а «клич товарища был бы полезен», дабы воскресить угасающую сердечность встреч. Лицейские годовщины постепенно превращались в чуть ли не светскую обязанность, в заурядную традицию, которой впоследствии стали тяготиться «ветераны». Это явствует из письма М. Корфа к М. Яковлеву о праздновании лицейской годовщины 1841 года, где он замечает, что «для ветеранов лучше совсем бы ничего не было...» Энгельгардт остро чувствовал, как некоторых бывших лицейцев разъедает «великосветский расчетливый насущный холод». Ему только и осталось радости — жить воспоминаниями о прежнем Лицее.

М. Л. Яковлев бережно хранил лицейские журналы, а также автограф стихотворения Пушкина «Роняет лес багряный свой убор...», написанного поэтом к лицейской годовщине 1825 года.

Среди произведений А. С. Пушкина, посвященных лицейским годовщинам, «19 октября» 1825 года является самым крупным и значительным, но в стихотворение не вошли некоторые черновые варианты. Так, после слов «минутное забвенье горьких мук» в рукописной редакции следовали строфы, затем замененные Пушкиным и оставшиеся только в рукописи. Эти строки столь же интересны, как и драгоценны. Пушкин писал своим товарищам, собравшимся в знаменательный день «там, далече», в Петербурге, «на пир любви, на сладостное вече», на этот особенный лицейский праздник. И он словно видел Лицей в те дни, когда «тридцать мест ожидали» юных лицейцев «в сени святого крова» — и в столовой,

и в классе, где они всегда сидели соответственно своим отметкам: в столовой — в порядке, определявшемся поведением, а в классе — по успехам, и поэтому у каждого преподавателя иначе. Последняя строка Пушкина «и загремит веселый наш пеан» * относится к стихам Илличевского. Этот его «пеан» исполнялся на каждой лицейской годовщине и был веселой, радостной застольной песнью, в то время как гимн Дельвига «Шесть лет», также обычно исполнявшийся на годовщинах, был песнью грустной, прощальной... Поэт, томившийся в изгнании, обращался к своим далеким и близким, мертвым и живым друзьям, которых когда-то объединил в единую семью день 19 октября:

Товарищи! сегодня праздник наш,
Заветный срок! сегодня там, далече,
На пир любви, на сладостное вече
Стеклися вы при звоне мирных чаш.—
Вы собрались, мгновенно молодея,
Усталый дух в минувшем обновить,
Поговорить на языке Лицея...

На пир любви душой стремлюся я...
Вот вижу вас, вот милых обнимаю.
Я праздника порядок учреждаю...

Чтоб тридцать мест нас ожидали снова!
Садитесь, как вы садились там,
Когда места в сени святого крова
Отличие предписывало нам.

Но многие не явятся меж нами...

Они твердят томительный урок,
Или роман украдкой пожирают,
Или стихи влюбленные слагают,
И позабыт полуденный звонок.

* В Древней Греции — гимн в честь бога или по случаю войны.

Они придут! — за прайдные приборы
Усядутся; напенят свой стакан,
В нестройный хор сольются разговоры,
И загремит веселый наш пеан.

В 1841 году лицейскую годовщину праздновали совместно несколько курсов в следующее после 19 октября воскресенье на Васильевском острове, на углу 3-й линии и Большого проспекта, в доме Юнкера (ныне дом 6), вблизи местожительства Е. А. Энгельгардта. Предварительно извещая М. Л. Яковлева об этом «годовичном лицейском обеде», на который Энгельгардт созывал всех бывших своих воспитанников к 4 часам, Корф писал, что поскольку обед все-таки состоится, то «невозможно и неприлично туда не явиться». И Корф подписал письмо номером своей кельи — № 8.

В письме от 2 ноября 1841 года Е. А. Энгельгардт сообщал И. И. Пущину, что на празднование лицейской годовщины собрались тремя днями позже, так как день 19 октября отмечали в самом Лицее. 22 октября на скромную дружескую трапезу пришли тридцать один человек из числа бывших воспитанников Лицея, и среди них первого курса — Корф, Маслов, Комовский, Яковлев и Бакунин. Из ветеранов-наставников присутствовали кроме Энгельгардта Кайданов, Георгиевский, Шульгин, Чириков и «многогоречивый» доктор Пешель. О дне 19 октября Е. А. Энгельгардт писал поэту М. Д. Деларю с гордостью как о дне, который празднуется и в Бразилии, и в Нерчинске, и в Париже, и в Малороссии, и в Лондоне, и в Одессе — везде, где только есть «лицейские».

В 1842 году 19 октября праздновали 25-летие первого выпуска Лицея. Обед был вновь перенесен на ближайшее воскресенье после 19 октября. И Корф опять извещал Яковлева об этом праздновании, которое состоится в тех же комнатах, где и в прошлом году, и в то же

время, отмечая, что это будет не пикник и не складчина, а просто праздник, который Энгельгардт дает на собственный счет. В заключение Корф писал: «...ожидание свидеться 19 октября в Царском Селе не сбылось, и из 1-го курса всего нас было там только двое. Твой от души № 8».

Яковлев был женат на вдове генерал-майора Надежде Ивановне Игнатъевой, у которой от первого брака было три сына и две дочери. По-видимому, он вообще очень любил детей. Это проскальзывает и в одном из его писем к лицейскому товарищу, у которого была маленькая дочь. Будучи внимателен к детям своей жены, Михаил Лукьянович часто бывал со своей падчерицей, пятнадцатилетней Марией, у П. А. Плетнева, дочь которого, вероятно, ее ровесница, очень полюбила эту девушку, и они стали задушевными подругами.

В 1843 году Яковлев жил на Невском проспекте у Аничкова моста, в доме купца Лопатина (ныне Невский проспект, 68/40). В этом доме тогда жили многие известные литераторы: будущий издатель «Современника» И. И. Панаев, редактор «Отечественных записок» А. А. Краевский, переводчик Н. Ф. Тютчев, критик В. Г. Белинский. Здесь же на квартире Яковлева, по-видимому, праздновали 33-ю годовщину Лицея, так как сохранились сведения о том, что Корнилов, Стевен и Маслов 15 октября заходили к Яковлеву договариваться о празднике. Михаил Лукьянович всегда оставался чутким и преданным товарищем. Это отметил и М. Корф, отозвавшись о нем как об очень хорошем товарище, «надежном в приятельных своих отношениях».

Яковлев заложил основу пушкинских коллекций в Александровском лицее. Директор Александровского лицея Н. И. Миллер 16 февраля 1855 года обратился с письмом к М. Л. Яковлеву: «Милостивый государь.

Михаил Лукьянович! Императорскому Александровскому Лицею, именовавшемуся прежде Царскосельским, выпал на долю жребий сделаться местом воспитания гениального Пушкина. Вам, милостивый государь, как товарищу нашего поэта, были известны чувства, которые Пушкин до конца сохранил к Лицею — месту, где впервые посетило его вдохновение... Имей неоднократно случай убедиться в добром расположении Вашего превосходительства к Лицею и зная, что Вы как друг и воспитанник Пушкина владеете в числе некоторых манускриптов его рукописью «19 октября 1825 года» стихотворения покойного к месту его воспитания, я позволил себе обратиться к Вам, милостивый государь, с покорнейшей просьбой. Не соизволите ли найти возможным передать эту рукопись на хранение в библиотеку Лицея...» В ответ М. Л. Яковлев сообщил, что эта рукопись Пушкина предназначалась Публичной библиотеке — об этом знает директор ее, барон Корф, который также был соучеником поэта, и поэтому он должен прежде с ним посоветоваться. Яковлев переговорил с Корфом и с его согласия передал автограф Пушкина Александровскому Лицею. Этот автограф и положил начало собранию пушкинских материалов.

Михаил Лукьянович Яковлев умер 4 января 1868 года. После его смерти все хранившиеся у него лицейские материалы перешли к Ф. Ф. Матюшкину и от последнего, как уже говорилось, к пушкинисту академику Я. К. Гроту. Все материалы, относящиеся к великому поэту, бережно сохранялись. В настоящее время они являются государственной собственностью и находятся в Институте русской литературы Академии наук СССР.

М. Л. Яковлев оставил по себе память как композитор, талантливый певец, первый хранитель пушкинских реликвий и добрый товарищ великого поэта. Литератур-

ное наследие М. Л. Яковлева почти неизвестно: несколько басен лицейского периода, несколько стихотворений. Есть предположение, что Яковлев печатался, но анонимно. В 1828 году вышла из печати книга «Опыт русской анфологии, или избранные эпиграммы, мадригалы, эпитафии, надписи, апологи и некоторые другие мелкие стихотворения. Собрано Михаилом Яковлевым». Некоторые исследователи вслед за Д. Ф. Кобеко считали автором сборника М. Л. Яковлева, но авторство принадлежит Михаилу Алексеевичу Яковлеву — одному из издателей журнала «Невский зритель». Вместе с князем Д. А. Эристовым Михаил Лукьянович составил «Словарь исторический о святых», изданный анонимно в Петербурге в 1836 году. Пушкин писал Яковлеву 19 ноября того же года по поводу этого словаря: «Не забудь записку о святых доставить мне, грешному».

Кстати, А. С. Пушкин сочувственно отозвался об этой работе Яковлева в своей статье «Словарь о святых...», напечатанной без подписи в «Современнике» в 1836 году. Пушкин отметил, что «Словарь» не принадлежит к числу опрометчивых и скороспелых произведений, «наводняющих наши книжные лавки», что «слог издателя должен будет служить образцом для всех ученых словарей», ибо он «прост, полон и краток», да к тому же книга эта «имеет и общую занимательность». Говоря о том, что издатель «Словаря» оказал важную услугу истории, Пушкин заметил, что и «библиофилы будут благодарны за типографскую изящность издания», так как «Словарь» — удобного формата, напечатан на лучшей бумаге и являет собою «отличное произведение типографии». Таким образом, Пушкин отметил работу Яковлева и как автора и как издателя — директора типографии, в которой работа эта печаталась.

По убеждению академика Я. К. Грота, стихотворение неизвестного автора «21 Генваря 1823», хранив

шееся у дочери А. А. Дельвига, написано М. Л. Яковлевым (Грот сличил почерк автографа стихотворения с почерком Яковлева):

Где-то добрый Дельвиг мой,
Где-то мой собрат и сверстник,
С чашей — Вакха сын прямой,
С лирой — тихих Муз наперсник,
Где-то добрый Дельвиг мой?

* * *

Ходит ли у милых окон,
Тайный огонь в душе тая:
Не мелькнет ли светлый локон,
Не блеснет ли взор *ея*?

.

* * *

Одинок ли в скромной келье,
Духом бодр и сердцем юн,
Славит землю и веселье
Всемогущим гласом струн?

.

* * *

Где-то мой собрат и сверстник,
Где-то добрый Дельвиг мой?
С чашей — Вакха сын прямой,
С лирой — тихих Муз наперсник,
Где-то добрый Дельвиг мой?

Писатель Н. А. Гастфрейнд, лицеист выпуска 1875 года, так же как историк Д. Ф. Кобеко, собрал материалы о М. Л. Яковлеве и составил перечень его музыкальных произведений, являвшихся некогда собственностью издателей М. Бернарда и П. Юргенсона. Список произведений Яковлева опубликовал и советский музыковед С. Апродов, издавший в 1961 году сборник нот *. Он указал при этом, что ноты романсов «Жа-

* Список романсов и песен М. Л. Яковлева представлен также в книге Г. К. Иванова «Русская поэзия в отечественной музыке». М., 1969.

лоба» и «Прекрасный день» обнаружить не удалось. Составитель высказал здесь вполне вероятное мнение о том, что слова романсов Яковлева «Ты ль дитя мое, дитятко», «Ах, не все тучам небо покрывать», «Прости», «Кого-то нет, кого-то жаль», «Ах, как нынешняя зима», «Песнь лениности» принадлежат самому композитору.

Известно восемь романсов М. Л. Яковлева на слова неизвестных авторов; три романса на слова А. С. Пушкина: «Слеза» («Вчера за чашей пуншевой»), «Зимний вечер» («Буря мглою небо кроет»), «Признание» («Я вас люблю, хотя...»); семь романсов на слова А. А. Дельвига: «Элегия» («Когда, душа, просилась ты»), «Роза» («Роза ль ты, розочка»), «Наяву и в сладком сне», «Сиротинушка, девушка», «Куплеты к Диону» («Сядем, любезный Дион») с посвящением композитору М. И. Глинке, «Пела, пела пташечка», «Жалоба» («Воспламенить вас труд напрасный»); один романс на слова Г. Р. Державина «Русские девушки» («Зрел ли ты, певец»); две редакции романса на слова Жуковского «Не узнавай, куда я путь склонила» («Голос с того света»).

По-видимому, многие пленительные произведения Михаила Лукьяновича Яковлева известны теперь без имени их автора и зовутся просто «старинный романс»...

Умиравший Пушкин, по воспоминаниям секунданта его Данзаса, «глубоко вздохнув, сказал: „Как жаль, что нет здесь ни Пушина, ни Малиновского, мне бы легче было умирать“» (И. Пущин в своих «Записках о Пушкине» из скромности не договаривает второй части фразы). Почему, умирая, Пушкин вспомнил своего

лицейского товарища Ивана Малиновского, хотя в биографии поэта он, казалось, не играл особенной роли? Что связывало Пушкина и Малиновского? Только ли воспоминания юности?

В Лицее Пушкин был дружен с Иваном Малиновским, но тогда их дружба выражалась более в совместных шалостях. В «Пирующих студентах» поэт обращается к нему, «приятелю задушевному», в его словах звучат искрометный, задиристый смех и радость общения с таким весельчаком, как Иван Малиновский:

А ты, повеса из повес,
На шалости рожденный,
Удалый хват, головорез,
Приятель задушевный,
Бутылки, рюмки разобьем
За здравие Платова *,
В казачью шапку пунш нальем —
И пить давайте снова!..

После окончания Лицея Пушкин почти не встречался с Малиновским, но вспоминал его, как это видно из черновика стихотворения «19 октября» 1825 года; имя Ивана Малиновского звучит там после имени Ивана Пущина, как бы объединяя их. Пушкин сожалеет, что в день посещения Пущиныным опального поэта в селе Михайловском не было вместе с ними и Ивана Малиновского:

Что ж я тебя не встретил тут же с ним,
Ты, наш казак и пылкий и незлобный,
Зачем и ты моей сени надгробной
Не озарил присутствием своим?
Мы вспомнили б, как Вакху приносили
Безмолвную мы жертву в первый раз,
Как мы впервой все трое полюбили,
Наперсники, товарищи проказ...

* Граф М. И. Платов, прославившийся во время Отечественной войны 1812 года, был атаманом Донского казачьего войска.

Горячий нравом, неудержимо пылкий, в то же время добрый и правдивый, Малиновский несомненно привлекал к себе Пушкина, Пущина и других товарищей.

Иван Малиновский был старшим сыном первого директора Лицея Василия Федоровича Малиновского. Он родился в 1796 году. Правда, в лицейских документах значился 1798 год. Примерно летом 1811 года В. Ф. Малиновский писал своему брату Павлу о том, что Ивану для поступления в Лицей пришлось с разрешения министра просвещения графа А. К. Разумовского уменьшить годы до тринадцати лет, так как в Лицей принимали мальчиков лишь с одиннадцати до четырнадцати лет.

Иван Малиновский получил первоначальное образование в С.-Петербургской губернской гимназии. В Лицее проявил себя хорошим учеником. Обладая изрядными способностями, он был весьма прилежен, старателен в учении, отличался склонностью к размышлению. Его доброта, чистосердечие, чувствительность, открытый характер и редкое добродушие сразу были замечены педагогами. Живой нравом, он любил свободу и веселость. Он старался укрощать свою пылкость, часто увлекавшую его к ошибкам, в которых он признавался с раскаянием. Вспыльчивый, задиристый, он был очень горяч. Прозвище «Казак» соответствовало его воинственному характеру. В «национальных песнях» воспитанники отмечали и его драчливость:

Сосед казак
Задав кулак
Другим еще грозитя.

9 февраля 1812 года семью Ивана Малиновского постигло тяжелое горе. Умерла его мать Софья Андреевна. За первым тяжелым ударом через два года последовал второй: 23 марта 1814 года скоропостижно умер

отец, директор Лицея В. Ф. Малиновский. И вот тогда-то и проявились чувства дружбы и братства товарищей по Лицею, особенно со стороны Пушкина. Из семейных воспоминаний дочери Ивана Васильевича Малиновского Софьи Ивановны Штакеншнейдер известно, что «уже на кладбище (при погребении присутствовали пять воспитанников Лицея.— *Авт.*), когда опускали гроб в могилу для вечного упокоения, то Пушкин первый подошел к своему другу Ивану Малиновскому, чтобы его утешить в его горе, и здесь, перед незасыпанной еще могилой отца, они как бы поклялись в вечной дружбе». Малиновский и его жена были погребены в Петербурге на Георгиевском кладбище (Большая Охта). В 1962 году на надгробном памятнике была укреплена мемориальная доска.

Семья Малиновских жила в Царском Селе, в Певческом переулке, в небольшом двухэтажном доме, принадлежавшем Лицею (ныне Лицейский переулок, 1/4). В пристройке дома помещались баня и кухня для воспитанников. Позднее, перед тем как здесь поселился в 1816 году второй директор Лицея Е. А. Энгельгардт, пристройка была доведена до второго этажа, а для бани было построено отдельное здание в центре двора. После смерти Малиновского его осиротевших детей взял к себе дед Андрей Афанасьевич Самборский, живший вместе со своей старшей дочерью А. А. Самборской. В 1815 году дед умер.

Самборский — личность в русской истории во многих отношениях выдающаяся. По замечанию писателя Н. Гастфрейнда, «многим землякам и знакомым из всех состояний и сословий открывал он поприще». Так, например, как свидетельствует М. Корф, он помог выдвижению М. М. Сперанского, которому оказывал всяческую поддержку. Он был близким другом своего зятя, выдающегося просветителя-демократа, философа и пи-

сателя, организатора Лицея, основателя лицейской системы воспитания В. Ф. Малиновского. Об их близости говорят откровенные письма первого директора Лицея к своему тестю. А. А. Самборский явился основателем в 1797 году первой земледельческой школы в России («Практическая школа земледелия и сельского хозяйства»), располагавшейся между Царским Селом и Павловском в Белозерке (ныне город Пушкин, район близ Отдельного парка). В его доме здесь же в Белозерке (ныне район дома 40 по улице Маяковского, дом не сохранился) в 1898 году Малиновский писал вторую часть (первая была написана в Англии, в Ричмонде) одной из самых замечательных своих работ — философского трактата «Рассуждения о мире и войне». Работа была опубликована в 1803 году в Петербурге за подписью «В. М.». В 1802 году Малиновский подал канцлеру России В. П. Кочубею «Записку об освобождении рабов», направленную против крепостного права. Василий Федорович был одним из образованнейших людей своего времени, он в совершенстве владел многими восточными и европейскими языками. А. А. Самборский оказывал своему зятю не только материальную (Малиновский всегда очень нуждался), но и моральную поддержку.

В Петербурге А. А. Самборский имел собственный дом на Дворцовой набережной (ныне набережная Кутузова, 4). Дом был перестроен во второй половине XIX века (ныне здесь помещается Дом писателя имени В. В. Маяковского, улица Воинова, 18). В доме Самборского в 1796 году родился С. М. Муравьев-Апостол, впоследствии декабрист. Его отец и мать прожили здесь несколько месяцев. В этом доме часто бывал и В. Ф. Малиновский. Фасад здания обращен к переулку, называвшемуся Самборским (или позднее Самбурским, ныне переулок Кричевского, 2).

Необходимо сказать и о братьях В. Ф. Малиновского. Алексей Федорович Малиновский был на три года старше Василия Федоровича. Имя этого выдающегося архивиста, в течение двадцати семи лет возглавлявшего Московский архив министерства иностранных дел и прослужившего здесь в общей сложности 62 года, по праву занимает почетное место в истории русской культуры. Он, как и его брат Василий Федорович и как их отец Федор Авксентьевич Малиновский, был человеком передовых убеждений. Федор Авксентьевич, дед Ивана Малиновского, во время следствия по делу Новикова, был заподозрен в принадлежности к кружку Новикова и к масонству. В начале царствования Александра I Алексей Федорович выступил со своим проектом отмены крепостного права. Сенатор А. Ф. Малиновский умер в 1840 году, до последних дней находясь на посту директора архива.

Другой дядя Ивана Малиновского, Павел Федорович, отличался добрым и благородным характером, был надежным другом, любящим родственником. Он заботился о детях В. Ф. Малиновского после его смерти. Дача в Белозерке по его имени впоследствии называлась еще и Малиновкой, ибо он стал ее владельцем, выкупив из казны. П. Ф. Малиновский занимал должность директора Государственного Ассигнационного банка в Петербурге. После смерти графа Н. П. Шереметева оставил службу и занялся воспитанием его несовершеннолетнего сына. В гостях у П. Ф. Малиновского в Белозерке бывали будущий декабрист А. Е. Розен и многие друзья Ивана Васильевича Малиновского. П. Ф. Малиновский умер в Белозерке в 1832 году, но название усадьбы — «Дача Малиновского» — сохраняется в Царском Селе долго.

История семьи Малиновских связана с освободительным движением конца XVIII — начала XIX века.

В литературе нет никаких указаний на то, что Иван Малиновский принимал участие в лицейских рукописных журналах. Но, по-видимому, литературная деятельность товарищей все же захватила и его. В своем дневнике, хранящемся в архиве Пушкинского дома, на первом листке Иван Малиновский поместил эпиграф: «Кто щастье знал, тот жил сто лет». На этом же листе карандашом помечено: «Из Лицея 1817 г.». Дневник начинается так: «Статья первая. Вздумалось мне писать журнал и это еще в первый раз в моей жизни...» Рассуждая о слоге, он пишет, что «надо иметь искусство описательной поэзии, словом, надо уметь всякую безделицу сделать занимательною», а говоря о «совершенстве», он отмечает, что музыка пробуждает в нем сильные чувства. В дневнике Малиновский записывает свое стихотворение о необходимости предисловий к различным сочинениям. Прощаясь с Лицеем, Иван Малиновский написал 8 июня 1817 года в альбом Е. А. Энгельгардту стихотворение, в котором благодарил директора за доброту, которой он окружал его, за те «сладостные часы», когда он был чужд и скуки и печали, находя в семье директора «в беседах дружбы» радость и покой, и желает директору, чтобы его жизнь «печали не мutilи» и тот оставался счастлив «всякий час», как был счастлив сам Иван Малиновский, находясь около Е. А. Энгельгардта.

Получив аттестат об окончании Лицея, Иван Малиновский поступил в лейб-гвардии Финляндский полк. В походах гвардейского корпуса Иван Малиновский дружески сошелся с будущим декабристом А. Е. Розеном, который в своих воспоминаниях писал, что стоял он на одной квартире со штабс-капитаном И. В. Малиновским, прекрасно воспитанным молодым человеком, отличавшимся «необыкновенною светскою любезностью», который к тому же оказался «душою и сердцем славный

товарищ». Иван Малиновский познакомил Розена со своим семейством. Через много лет Розен вспоминал, как средняя сестра Малиновского Анна «своим лицом, наружностью, голосом, одеждою, скромным обхождением вызвала в нем чувство безотчетное», и что «с первого дня знакомства тайный голос нашептывал» ему, что только она должна быть его женою, что только с нею он будет счастлив...

26 марта 1825 года Иван Малиновский в чине полковника вышел в отставку по домашним обстоятельствам. Он переехал в Харьковскую губернию, в село Каменку, Изюмского уезда, унаследованное от деда А. А. Самборского. Имение было запущено и обременено долгами. Не успел Малиновский осесть в деревне, как удары судьбы один тяжелее другого обрушились на него.

События 14 декабря 1825 года сильно отразились на Иване Малиновском. Был арестован его зять А. Е. Розен, участник восстания на Сенатской площади. Младший брат Малиновского Андрей находился под арестом, как причастный к восстанию декабристов. Он окончил Лицей с Большой золотой медалью в 1823 году. Это был офицер гвардии, которого, по воспоминаниям современников, «в 1825 году все знали по примерной твердости, по богатству знаний и по всем задаткам на пользу Отечества». После ареста А. В. Малиновский был сослан в действующую армию на Кавказ и, несмотря на то, что вскоре тяжело заболел, до самой смерти находился под бдительным надзором полиции.

Вместе с А. В. Малиновским по делу 14 декабря 1825 года был привлечен и его сокурсник по Лицею С. Жеребцов.

Друзья Ивана Малиновского Иван Пущин, Вильгельм Кюхельбекер также были арестованы как активные участники восстания. Арестован был и Владимир

Вольховский. Иван Малиновский срочно выехал в Петербург и принял живое участие в судьбе сестры и своих товарищей. Веселость его померкла. Тягостное душевное состояние не покидало его. Живя на квартире товарища по Лицею Федора Стевена, 14 ноября 1826 года он направил В. Вольховскому, высланному на Кавказ, письмо, из которого видно, что Иван Малиновский, горячо приняв к сердцу все события и горе своей сестры — жены А. Е. Розена, хотел ехать с ней или проводить ее в Сибирь к мужу. Он также писал Вольховскому и о лицейских товарищах, которые были захвачены событиями 14 декабря 1825 года. О Пущине Малиновский общал: «...Jeannot хотя недалеко в Шлис. (сельбурге. — Авт.), но его лишены видеть, а утешены через старика Коменд. (анта. — Авт.) известиями о его здоровье».

Иван Малиновский тяжело переживает известия об участи родных и близких ему людей, товарищей по Лицею. В этот период он мечется по Петербургу, стремясь помочь попавшим в беду. Все, что было в силах И. В. Малиновского, он предпринял. Надо было помогать сестрам, братьям и зятю. Как на старшем в семье, на нем лежала забота об их благополучии. Малиновский оседает в деревне и принимается приводить в порядок имение, обновляет школу и больницу, всячески помогает крестьянам. И в то же время он не забывает друзей, сосланных на каторгу и на Кавказ в действующую армию. Узнав из письма Вольховского, что декабрист Михаил Пущин (брат Ивана Пущина), разжалованный в солдаты и сосланный на Кавказ, получил чин офицера, Иван Малиновский отвечал Вольховскому, что у него «перо прыгало от радости», когда он писал поздравление сестрам Пущина.

В 1830-х годах в течение нескольких лет И. В. Малиновский избирается предводителем дворянства Изюмского уезда Харьковской губернии. Он показал себя

здесь деятельным, гуманным человеком и заслужил прозвание «защитника вдов и сирот». Не раз вступал он в жаркий спор с помещиками, стараясь облегчить участь крестьян. Е. А. Энгельгардт сообщал Ф. Ф. Матюшкину о Малиновском: «У меня на днях был мужичок тамошний и говорил про Ивана Васильевича: ну душа радуется, как он там при рекрутшине стоял за бедных и грызся с богачами и с чиновниками...»

М. А. Корф, с которым Малиновский долгие годы состоял в дружеской переписке, отмечал, что он все тот же «энтузиаст... думающий более о других, чем о себе, и стремящийся везде к лучшему».

В 1834 году Иван Малиновский женился на сестре своего лицейского товарища И. И. Пушина Марии Ивановне. В 1837 году декабрист А. Е. Розен после каторжных работ был отправлен на Кавказ. По дороге он с семьей заехал в Каменку. В своих записках Розен вспоминал, какое это было радостное свидание, с какой любовью и хлопотами принял его И. В. Малиновский, а добрая и умная жена его Мария Ивановна согрела гостей своим сердечным теплом. В 1855 году А. Е. Розен переехал в село Викнино, близ Изюма*, в имение жены, и таким образом оказался соседом своего старого друга. Он также занялся общественной деятельностью, был мировым посредником Изюмского уезда. Здесь он прожил до конца дней. Его могила в селе Викнино сохранилась.

Девять лет Малиновский энергично исправлял должность предводителя дворянства Изюмского уезда. Его хотели избрать на четвертое трехлетие, но уставший И. В. Малиновский отказался. Живя в деревне, Малиновский переписывался с И. И. Пушиным, сообщая ему

* В городе Изюме ныне организован краеведческий музей — ул. Свердлова, 12.

все новости, касавшиеся семьи и бывших воспитанников Лицея. Когда Николай I посетил Харьков, И. В. Малиновский просил его облегчить участь декабристов, и тот обещал отпустить их на поселение. Об этом Малиновский сообщил Пушкину, радуясь за него и его товарищей. Пушкин из Петровского Завода ответил сестре и другу 30 октября 1837 года, что напрасно они увлечены и дают волю своему воображению,— будто Пушкин уже на поселении и может писать письма собственноручно.

Два года спустя, находясь уже на поселении, Пушкин благодарил Малиновского за внимание и заботу: «Спасибо тебе, друг Иван, за отчет обо всех, с кем ты дорогой повидался, и за сердечный отзыв о всей нашей семье. Во всем узнаю тебя и радуюсь, что мы после стольких лет разлуки друг друга понимаем, как будто не расставались. Это меня утешает за нас обоих».

Смерть А. С. Пушкина потрясла Малиновского. Это отражено в переписке Пушкина и Малиновского.

Когда умерла жена Малиновского — сестра Пушкина — связь друзей не оборвалась. Дружба крепла с годами. И. В. Малиновский сообщал другу, какие меры он предпринимает для облегчения участи крестьян. Небезынтересен ответ И. И. Пушкина на одно из таких писем И. В. Малиновского в ноябре 1844 года: «...вполне уверен, что ты находишь свою пользу в пользе крестьян. Верно, им у тебя хорошо во всех отношениях... Продолжай действовать для их блага, но все-таки согласись, что такой помещик, как ты, только счастливое исключение...»

После смерти жены в 1845 году Иван Малиновский женится на племяннице В. Д. Вольховского Екатерине Федосеевне. И. И. Пушкин пишет ей 19 октября: «Вы должны быть уверены, что я искренне желаю вам полного счастья,— вы остаетесь в семье, где все вас знают

и любят; переход к новому быту для вас будет гораздо легче... Тони * в нескольких словах хорошо познакомил меня с вами; надеюсь, что и меня вы сколько-нибудь знаете, следовательно, вы позволите мне без обыкновенных рекомендаций просить вас не считать меня чужим. Именно в тот день, когда воспоминание соединяет меня с покойным вашим дядей и с будущим вашим мужем, пришлось мне отвечать на добрые ваши строки; 19 октября без сомнения и вам известно, хотя, по преданию, оно давно меня связало с близкими вам людьми, и эта связь не страдает ни от каких разлук...»

В 1844 году И. В. Малиновский написал брошюру «О жизни генерал-майора Вольховского», которая была напечатана в Харькове. Эту брошюру он раздал всем, кто знал и любил Вольховского, а также послал в Сибирь к Ивану Пущину. Через год в своем письме к Е. А. Энгельгардту И. И. Пущин сообщил: «Вольховского биографию мне послал Малиновский давно. Спасибо ему, что он напечатал, но напрасно тут столько много казенного формуляра».

И. В. Малиновский до конца своих дней сохранял верность товарищам, находясь с ними в постоянной переписке. Будучи в преклонных годах, И. В. Малиновский решил потребовать от оставшихся в живых лицестов первого курса отчет о том, как они выполнили клятву «лицейского союза», «лицейского братства», как сдержали обещания, данные друг другу при вступлении в жизнь, — трудиться не ради карьеры и чинов, а «для пользы общей», для народа. И. В. Малиновский обратился с письмом к самому высокопоставленному среди товарищей по Лицею — к министру иностранных дел А. М. Горчакову и потребовал прежде всего ответа от

* Племянник И. И. Пущина, сын И. В. Малиновского, Антон (Антоний, 1838—1904), лицеист выпуска 1856 года.

него, отчитавшись одновременно перед ним. В этом трогательном письме выразились лучшие светлые черты И. В. Малиновского — человека нескгибаемого, честного, принципиального, умевшего и в старости остаться юным душой.

4 июня 1861 года из села Каменки он писал Горчакову: «Теперь надо проверить нам себя, дать добросовестный отчет за 50 лет! Как состязались мы? — среди житейских бед! Было ль в нас: „*К правде пылкое стремление...*“» О себе же Малиновский говорил, что хотя его формуляр и остался пуст, хотя он и не сделал карьеры, но всем видевшим его на Украине «в состязании 33 года», то есть на поприще общественной деятельности, он может прямо смотреть в глаза. И Малиновский предлагал всем оставшимся в живых первокурсникам написать и отлитографировать исповедь, в которой каждый бы изложил, как он претворял в жизнь лицейские клятвы, как оправдал девиз лицейской медали: «Для общей пользы». В заключение он писал:

«Храните, о друзья, храните
Ту ж дружбу с тою же душой.

Это двестишестидесятилетие на 50-летний юбилей мой тост и спич, ибо в порочном сердце дружба не живет...» Двестишестидесятилетие же это Малиновский привел из близкого сердцу всех бывших воспитанников Лицея «Прощальной песни» А. Дельвига. Эти слова приводил и Е. А. Энгельгардт в своем письме к Ф. Матюшкину весной 1841 года, в котором вспоминал времена, когда жили вместе и обещали друг другу исполнить этот завет Дельвига.

Светлый, искренний, добрый, отзывчивый к чужим бедам и горю, верный до конца дружбе, данному слову, юношеской клятве, Иван Васильевич Малиновский прожил свою жизнь как честный труженик и вечный борец за справедливость, содействуя по мере своих возмож-

ностей облегчению участи крестьян своего уезда. Иван Васильевич, редкий по душевной теплоте человек, всегда ставил личные интересы на второй план.

«Прости, мой друг, должен кончить: еду надавить все пружины к преодолению неправды, хотя в чужом деле; эта страсть с офицерства росла во мне с годами. Уже поднял два дела туда — к вам. Сейчас поручил составить список нуждающимся крестьянам», — пишет Иван Васильевич Малиновский товарищу юности С. Д. Комовскому. И кажется, что хлопочет человек, полный сил, а ведь ему уже 76-й год...

Ни расстояние, ни время не смогли зачеркнуть в памяти И. В. Малиновского тех душевных, дружеских порывов, что сближали его с товарищами, с Пушкиным. И становится понятным, почему именно Малиновского так хотел видеть рядом с собой умирающий Пушкин. Ему были бесконечно дороги его первые друзья, верные, готовые принести любую жертву ради друга. Пушкин верил им, любил их. Он чувствовал, знал, что Малиновский всегда его верный и искренний друг.

За три месяца до смерти И. В. Малиновский продиктовал ответ С. Д. Комовскому на его вопрос о номерах спален, которые занимали поименно воспитанники первого курса. В Лицее Малиновский имел комнату № 7. Соседями его были Павел Юдин и Модест Корф, напротив находилась спальня Николая Корсакова. Теперь же в живых остались только три лицейских товарища Малиновского — Комовский, Корф и Горчаков.

Иван Васильевич Малиновский скончался 10 февраля 1873 года от воспаления легких. До последней минуты находился он в полном сознании. И. В. Малиновский был похоронен на кладбище в Каменке недалеко от В. Д. Вольховского.

И. В. Малиновский был близок со многими декабристами, он сочувствовал их делу и разделял их идеи.

По утверждению известного советского литературоведа М. К. Азадовского, Малиновский принадлежал к лицам, «прикосновенным» к декабристскому движению. Ими по преимуществу являлись ранние деятели Союза благоденствия, не ставшие членами новой тайной организации и затем отошедшие от дальнейшего участия в революционном движении. Подробный и пространный дневник И. В. Малиновского входит в перечень декабристских мемуаров. Интересна и судьба этого дневника.

Сын И. В. Малиновского Антон Иванович (племянник И. И. Пущина) сообщил историку Лицея Я. К. Гроту, что отец для него собственноручно переписал свой дневник. Впоследствии Грот считал дневник утерянным. Ныне дневник этот находится в Рукописном отделе Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина в Москве. Бережно хранимые И. В. Малиновским и оставшиеся после него семейные реликвии — письма, записки, лицейские журналы — были переданы его потомками в Пушкинский дом Академии наук. Внук И. В. Малиновского Петр Павлович Малиновский также передал в начале 1960-х годов во Всесоюзный музей А. С. Пушкина некоторые вещи и документы.

Владимир Волховский

...Лицей. 1812 год. Смуглый мальчик с иссиня-черными волосами. Большие темные выразительные глаза смотрят чуть грустно. Он невысок ростом и очень худ, но в этом хрупком теле — железная воля, сильный характер. Еще не скоро шесть часов, когда звонок прервет

крепкий утренний сон воспитанников, но мальчик уже давно не спит. Тихо, стараясь не разбудить товарищей, он обтирается холодной водой, приводит в должный порядок кровать, превращенную им в ложе спартамца: матраца нет (еще с вечера он втиснут под кровать), простыня на голых досках, вместо подушек — толстые тома словарей.

Но вот все водворено на место, кровать застлана. Он осторожно открывает дверь. Четыре масляные лампы тускло освещают длинный коридор. В дальнем углу дремлет дежурный дядька. Все спят. Из-за перегородок, не доходящих до потолка, разделяющих комнаты-спальни, доносится сонное дыхание товарищей. Осторожно ступая по половицам, спускается он в третий этаж. В передней берет подсвечник, зажигает свечу от затопленной печи, проходит, отражаясь во всех зеркалах, в нарядный рекреационный зал с четырьмя колоннами. В одной из проходных комнат, где стоят конторки воспитанников, он останавливается около своей, садится на стул верхом, чтобы приучить себя к правильной кавалерийской посадке, принимается учить заданные уроки. Прохаживаясь по комнате, он кладет толстенные словари на плечи и на голову, чтобы выработать правильную осанку и походку. Готовясь к военной службе, он испытывает и закаляет свою волю, приучает себя к разнообразным лишениям. Во время обеда он обязательно откажется от мяса или от того, чего ему больше всего хочется. А когда для воспитанников наступит долгожданный отдых от занятий, он, чтобы искоренить природный недостаток речи, в подражание древнему философу Демосфену возьмет камни в рот и будет декламировать стихи в одном из укромных уголков царскосельского парка...

Владимир Дмитриевич Вольховский родился в 1798 году в Полтавской губернии. Средства семьи бы-

ли весьма ограничены, а в ней росло шестеро детей. Отец его, бывший гусар, занялся комиссионерством. Первоначальное образование Владимир Вольховский получил в Московском университетском благородном пансионе. В 1811 году без всякой протекции, как отличнейший ученик, был переведен во вновь открывающееся учебное заведение — Царскосельский лицей. В Лицее Вольховскому отвели комнату № 11, окно ее выходило на Большой (Екатерининский) дворец. С первых дней пребывания в Лицее он показал себя с самой наилучшей стороны.

Доктор философии, профессор российской и латинской словесности Н. Ф. Кошанский, составляя за первые шесть месяцев характеристику Вольховскому, отметил: «Владимир Вольховский один из тех редких питомцев, кои соединяют все потребные способности в лучшей степени: особенно он отличается примерным вниманием и примерным прилежанием, разум его не столько остр, сколько пронизателен. В нем приметны черты не столько гения, сколько природного дара смысла. Успехи его чрезвычайны». Адъюнкт-профессор А. П. Куницын в 1812 году, характеризуя Вольховского, замечал, что он «весьма понятен и действует силой рассудка, а потому он весьма способен к наукам отвлеченным». Профессор французской словесности де Будри (Давид Марат) и профессор немецкой словесности Ф. М. Гауеншильд также дают ему прекрасные характеристики.

Из отзыва надзирателя по учебной и нравственной части М. С. Пилецкого (за период с 19 марта по ноябрь 1812 года) видно, что четырнадцатилетний Вольховский, обладая превосходными дарованиями, глубокой пронизательностью и силою рассудка, имеет знания весьма основательные и прочные, но «скромность его столь велика, что достоинства его закрыты ею» и обнаружива-

ются «без всякого тщеславия и тогда только, когда должно и когда его спрашивают...» М. С. Пилецкий написал свои отзывы о воспитанниках Лицея по так называемой «Табеле, составленной из поданных ведомостей гг. профессоров, адъюнкт-профессоров и учителей: 1) об успехах, 2) прилежании, 3) о дарованиях воспитанников Императорского Царскосельского Лицея, какие оказали они с 19 марта по ноября* 1812 года», подписанной первым директором Лицея В. Ф. Малиновским.

Гувернер и учитель рисования С. Г. Чириков, часто и близко общавшийся с первыми питомцами Лицея, отмечал, что Владимир Вольховский благоразумен, кроток, весьма терпелив, благороден в поступках, вежлив, опрятен, «рачителен к своей обязанности во всех отношениях и крайне любит учение». Здесь хотелось бы подчеркнуть одну любопытную деталь. Преподаватели Лицея, и тот же Чириков, в своих характеристиках воспитанников обычно писали об усердных, старательных своих учениках, о том, что они «рачительны к пользе своей», и, только характеризуя Вольховского, отмечали, что он «рачителен к своей обязанности». Лицейские педагоги все без исключения ни о ком из воспитанников не писали с таким глубоким уважением, как о Владими́ре Вольховском.

Да, Владимир Вольховский прекрасно учился и был «благонравного» поведения. Однако не это создало ему славу человека необыкновенного. Его отношение к жизни, к товарищам было явлением необычным в лицейской жизни. Алексей Илличевский, лицейский товарищ Вольховского, в письме к своему другу Фуссу в 1815 году отзывался о Владими́ре Вольховском с чувством глубокого уважения и даже гордости как о лучшем ученике

* Пропуск в подлиннике.

и прекрасном товарище, как о человеке «великих достоинств и великой надежды».

Владимир Вольховский с детства упорно шел к поставленной им цели. Он хотел стать военным и быть высокообразованным человеком. Для этого он закалял свою волю и постоянно углублял свои знания. Его первенство в классе было неоспоримым; воля не имела себе равных; знания были прочны и глубоки; характер скромный и выдержан; доброта, честность, принципиальность — беспредельны; поиск справедливости стал целью его жизни. Вначале товарищи с недоумением, затем с удивлением, а вскоре и с глубоким уважением наблюдали за Владимиром Вольховским, за его борьбой с собственными слабостями, недостатками, из которой он всегда выходил победителем. Казалось, для него не было невозможного. Необычайное трудолюбие, воля, ум и блестящие способности сразу же сделали его первым учеником Лицея. За спартанский образ жизни Вольховский получил прозвище «Суворчик» или «Суворочка». Второе почетное прозвище — Sapientia. Это слово латинское и означает Мудрость. Прозвище было дано Владимиру Вольховскому, как впоследствии писал И. В. Малиновский, за то, «что нередко двумя, тремя словами он останавливал тех из запальчивых своих однокашников, на которых иногда ни страх, ни убеждения не действовали».

Когда на пост директора Лицея в начале 1816 года вступил Егор Антонович Энгельгардт, он для себя лично составил скорые, по первому впечатлению, записи, озаглавив их «Нечто о воспитанниках старшего отделения лицея», датированные 22 марта 1816 года. О Вольховском Энгельгардт тогда писал: «Из всех учеников этого надо оберегать меньше всего, так как перед его душой стоит прекрасный идеал (правда, еще только в неясных очертаниях), к достижению которого он стремится

твердо и настойчиво... Во взаимоотношениях с товарищами он очень уступчив и прямодушен, за что его также очень ценят учителя».

Товарищи уважали и любили Вольховского, доброго сердцем и всегда готового прийти на помощь. Он добровольно занимался с отстающими и был не чужд литературному кружку. В 1812 году, когда воспитанники стали выпускать рукописный журнал «Для удовольствия и пользы», среди «издателей» был и Вольховский. В «национальных песнях», сочиняемых коллективно, имя Вольховского встречается не раз. Так, в одном из куплетов о Вольховском пелось:

*Суворов наш
Ура! Марш, марш!
Кричит, верхом на стуле.*

Перед выпуском товарищи отдали ему должное в «национальной песне»: «Покровительством Минервы пусть Вольховский будет первый...» Кюхельбекер, вспоминая о лицейских годах, замечал, что особенно он был дружен с Вольховским, «почти одного его и слушал». В Лицее с товарищами у Вольховского всегда сохранялись ровные отношения. Но ближе всех ему были Пущин, Кюхельбекер, Дельвиг и Пушкин. Еще учась в Лицее, Вольховский вступил на путь борьбы с насилием, злом и рабством, войдя вместе с Пушиным, Кюхельбекером и Дельвигом в Священную артель, явившуюся колыбелью первого тайного декабристского общества. Начало Священной артели, существовавшей в 1814—1817 годах, положило юношеское общество мечтателей-республиканцев «Чока» (1810—1812 годы), в котором самому старшему было восемнадцать лет. Из состава этого кружка, «президентом» которого являлся Н. Н. Муравьев, образовалась Священная артель—кружок А. Н. Муравьева и И. Г. Бурцова. Позже к этому

небольшому кружку присоединилась группа воспитанников Лицея.

В Петербурге святым местом для «артельщиков» стал дом генеральши Христовской на Грязной улице, где с 1815 года жили члены Священной артели. Здание стояло на месте теперешнего дома 11 по улице Марата (почти напротив дома А. Н. Радищева).

9 июня 1817 года при выпуске из Лицея девятнадцатилетнему Вольховскому были вручены первая золотая медаль (Большая) и отличный аттестат. В чине прапорщика он был направлен в гвардию. Покидая Лицей, Вольховский написал в альбом Е. А. Энгельгардту: «Егор Антонович! Пробегая листки эти, вспомните и об Вольховском. Поверьте ему, что он всей душою предан Вам и семейству Вашему, что он чувствует, сколько Вам обязан, и потому сердечно любит и почитает Вас и всегда будет почитать и любить. (18 $\frac{8}{VI}$ 17)».

13 июня 1817 года при поступлении на службу в Генеральный штаб гвардии Вольховский успешно выдержал экзамен. Он был утвержден офицером и назначен состоять при Гвардейском корпусе по квартирмейстерской части. Сослуживцем его отныне становится И. Г. Бурцов, с которым Вольховский близко сходитя и вместе квартирует.

Владимир Вольховский жил артелью с Иваном Бурцовым, Алексеем и Никитой Муравьевыми, Петром Калошиным, жившими, как уже говорилось, с 1815 года в доме Христовской. Эта квартира была первой, где поселился Вольховский после окончания Лицея (по 1819 или 1820 год). Здесь висел некий «вечевой колокол», в который мог звонить каждый член Священной артели, собирая товарищей для беседы или решения дел. Н. Н. Муравьев вспоминал: «Для порядка в обществе нашем были приняты правила с общего согласия; я был

избран в казначеи и артельщики. Мы обедали большею частью дома, жили порядливо, умеренно и были довольны. Занимаясь поутру службою или образованием своим, мы проводили вечера вместе в беседе». Н. Муравьев называет Священную артель «святым братством», а П. Калошин — «артелью святой».

В 1817 году М. Бурцов, Н. Муравьев и П. Калошин стали членами первой декабристской организации — Союза спасения. Бурцов полюбил и оценил Вольховского, считая, «что по убеждениям, вынесенным из Лицея», Вольховский, как и его друг Пущин, «готов для дела». В 1818 году Вольховский вступает в члены тайного общества Союз спасения, а затем в Союз благоденствия.

Служба в Генеральном штабе по квартирмейстерской части считалась наиболее ответственной. В то время, до учреждения Корпуса военных топографов, топографические съемки, геодезические измерения, картографические работы входили в круг обязанностей офицеров квартирмейстерской части.

Еще в 1801 году генерал-квартирмейстер граф П. К. фон Сухтелен стал привлекать в эту часть наиболее образованных и способных офицеров, чтобы создать из них хороших съемщиков и картографов. Эти офицеры должны были обладать хорошими математическими познаниями. Именно в этой среде образовалось так называемое Общество любителей военных наук, издававшее «Военный журнал». Вольховский напечатал там несколько переводных статей по военным вопросам.

За отличную службу в 1818 году Вольховский был произведен в подпоручики, а через год он получил чин поручика. Биографы Вольховского пишут, что в 1820 году с Вольховским случилась какая-то «история», в которой он лично виноват не был, «но потерпел

из-за товарищей». Какая это «история» — неизвестно, но только вследствие этого Вольховский хотел оставить службу в Генеральном штабе и уехать в армию на юг. Е. А. Энгельгардт 1 апреля 1820 года писал ему, советуя никуда не уезжать, так как здесь он при своих, при друзьях, а там — «в чужих людях»; здесь он знает, с кем имеет дело, а там еще узнавать должен. 24 июня 1820 года Вольховский был командирован в Бухарию (Бухарский эмират) в составе императорской миссии под начальством А. Ф. Негри. Это была небезопасная экспедиция, с переходами по пустынным степям. Закаливший себя с детства Вольховский легче всех переносил тяжелый путь.

В 1821 и 1822 годах Вольховский находился в походах с гвардией в Витебской и Минской губерниях. Декабрист А. Е. Розен в своих записках тепло и с глубоким уважением писал о Вольховском, с которым он встретился в этих походах. В 1821 году он увиделся с Вольховским в первый раз в Минске, потом в Вильне в кругу молодежи, где заметил, что Вольховский, «всегда кроткий и смиренный», умел «отклонять пустословие умным взглядом», останавливал словом непристойные выходки, защищая жертву злословия, или уходил, когда карты и вино заменяли разговор. Не имея никакой помощи из родительского дома, он жил «чрезвычайно умеренно» в артели с Бурцовым, Семеновым, Искритским и Калошиным. Своим жалованьем и наградами он делился с отцом. Биограф Вольховского И. В. Малиновский, отмечая аскетически выдержанный характер своего друга, подчеркивал, что он «никогда не играл в карты и во всю жизнь не употреблял ни водки, ни вина».

Среди сослуживцев он отличался трудолюбием, блестящим образованием и великолепным знанием военных наук. Его талант, сильный характер, редкие душев-

ные качества, которые так пленяли еще его лицейских друзей, не могли быть не замечены в военной среде. Казалось, все предвещало удачу в избранном деле. В мае 1825 года Вольховский по назначении его капитаном вдруг подал в отставку, объясняя ее тем, что на гражданской службе меньше расходов, а следовательно, он сможет больше помогать ослепшему отцу. Но это было, по-видимому, лишь прикрытие. Ведь Пушкин и Рылеев тоже оставили военную службу, чтобы иметь больше времени для дел в Тайном обществе. Но место, обещанное Вольховскому президентом Академии художеств, директором Публичной библиотеки А. Н. Олениным, было отдано другому, и ему пришлось вновь вернуться на военную службу.

17 августа 1825 года Вольховский командируетя с экспедицией «для обозрения пространства» между Каспийским и Аральским морями. Начальником ее был полковник Главного штаба Ф. Ф. Берг. Экспедиции приходилось преодолевать пески безводной пустыни. А в это время в селе Михайловском А. С. Пушкин вспоминал лицейские годы и далекого друга, всегда пленявшего своей «спартанскою душой». По лицейским правилам, лучший ученик Лицея должен был сидеть в классе первым. Пушкин же учился неровно, а Данзас и Броглио в занятиях не отличались. Это и звучит в пушкинских строках, посвященных Вольховскому:

Спартанскою душой пленяя нас,
Воспитанный суровою Минервой,
Пушкой опять Вольховский сядет первый,
Последним я, иль Брольо, иль Данзас.

Экспедиция находилась в крепости Сарайчик, в 25 верстах от Каспийского моря, когда 8 декабря курьер привез известие о смерти Александра I и о восшествии на престол Константина. Члены экспедиции,

присягнув новому императору, отправились дальше, несмотря на сильные морозы, метели и бураны. Работа экспедиции длилась около трех месяцев. Когда участники ее возвратились в Сарайчик, капитана Вольховского ждал фельдъегерь с приказом об аресте и доставке его в столицу в Следственную комиссию.

На следствии Вольховский не отрицал, что является членом общества Союз благоденствия, но показал, что в 1821 году, по возвращении из Бухарии, узнал, что Союз распался и более ни о каком тайном обществе не слышал. Вольховский отрицал свое дальнейшее участие в обществе, здраво оценивая последствия признания, которое только увеличило бы наказание ему и без всякой пользы для других. Однако известно, что в 1823 году на квартире И. И. Пущина происходило совещание декабристов, среди которых был и Вольховский, когда обсуждались программа и устав Северного общества. В 1824 году совещание состоялось на квартире Рылеева. Решались вопросы чрезвычайной важности. На этом совещании Вольховский также присутствовал. Лицейский товарищ и друг Вольховского И. И. Пущин на допросе, стараясь оградить его от наказания, не отрицал, что Вольховский являлся членом Тайного общества и участвовал в собраниях, но показывал, что в связи с длительными командировками Вольховский не имел возможности принимать деятельное участие в подготовке к восстанию.

По окончании следствия над декабристами царское правительство направило Вольховского, как «прикосновенного» к восстанию, в действующую армию на Кавказ, учредив за ним тайный надзор полиции. Но до отправки на Кавказ Вольховскому было приказано присутствовать на карауле во время казни К. Ф. Рылеева, П. И. Пестеля, С. И. Муравьева-Апостола,

М. П. Бестужева-Рюмина и П. Г. Каховского. Это была одна из уточненных и жестоких пыток, на какие был способен Николай I.

Весть о том, что Вольховский сослан в действующую армию на Кавказ, дошла до сибирских казематов. 22 октября 1827 года И. И. Пущин в письмах к родителям и сестрам сообщал: «Я слышал, что *Вольховский* воюет с персами; не знаю, правда ли это; мне приятно было узнать, что наш *compagnon de malheur* * оставлен дышать свободнее в других крепостях».

Вольховский попал под начальство человека завистливого, подозрительного, умевшего использовать таланты подчиненных, а затем «чернить и изгонять их», большого интригана графа И. Ф. Паскевича — главнокомандующего армией. На Кавказе Вольховский встретил Н. Н. Раевского-младшего, И. Г. Бурцова и многих декабристов, посланных под персидские пули (некоторые из них были разжалованы в солдаты), и завязал дружеские отношения с А. С. Грибоедовым. Участвуя в сражениях с персами, Вольховский проявлял храбрость и великолепное знание военного дела. В декабре 1827 года его командировали к персидскому шаху в Тегеран «для вывоза 10 000 000 рублей серебром контрибуции». В январе 1828 года, пользуясь оказией, Грибоедов послал Вольховскому письмо, в котором дал ему ряд ценных советов относительно успешного и скорейшего завершения этого сложного дипломатического дела. Большую твердость и искусство проявил Вольховский в переговорах с персидским правительством, начавшиеся осложнения были пресечены. Вольховский сумел вытребовать контрибуцию и доставил в Россию 10 миллионов рублей серебром, за что и был произведен в полковники.

* Товарищ по несчастью (*франц.*).

В 1828—1829 годах Вольховский только благодаря своим способностям и знаниям, вопреки желанию начальства, занимал ответственный пост обер-квартирмейстера Кавказского округа. Будучи на этом посту, он проявлял к своим единомышленникам-декабристам большую душевную теплоту и заботу. Брата своего лицейского друга Ивана Пушина декабриста Михаила Пушина, переведенного рядовым на службу в Тифлис, он вначале устроил у себя, а затем хлопотал за него. Он принимал живое участие в судьбах всех декабристов, служивших на Кавказе, всячески старался смягчить, а где было возможно, и улучшить их положение.

Главкомандующий Паскевич возненавидел Вольховского. Возненавидел не только как декабриста и друга декабристов, но и как одаренного человека, талантливого военачальника, пользовавшегося всеобщим уважением. Современники связывали многие военные успехи на Кавказе с деятельностью Вольховского и отчаянной смелостью сосланных декабристов. Паскевич, ревниво относившийся к славе подчиненных, поставил себе целью, как только не будет нуждаться в услугах Вольховского, отделаться от него. Впоследствии Паскевич открыто говорил, что ненавидит Вольховского и Сакена, а однажды заявил: «Одну я сделал глупость в жизни, что на Кавказе не велел повесить Сакена и Вольховского». По воспоминаниям декабриста А. Е. Розена, граф Д. Е. Сакен был достойный и храбрый генерал, служивший у Паскевича начальником штаба, когда Вольховский был обер-квартирмейстером. Они, как подчиненные Паскевича, беспрестанно общались с ним, получая его приказания. «Всегда беда подчиненному, который бывает свидетелем промахов тщеславного начальника»,— заключал Розен.

В 1829 году на Кавказе Вольховский встретился с товарищем и другом лицейских лет А. С. Пушкиным.

Пушкин прибыл в действующую армию и был радушно принят Паскевичем, который приказал поставить ему палатку рядом со своей. Пушкин вспоминал в «Путешествии в Арзрум», как увидел он Вольховского, «запыленного с ног до головы, обросшего бородой, изнуренного заботами».

В служебные обязанности Вольховского и еще двух полковников по квартирмейстерской части входило полное географическое и статистическое описание Кавказского края. По этому поводу генерал Н. Н. Муравьев писал, что во время следования колонн ясно ощущалась предусмотрительность и заботливость полковника Вольховского, который продумал все, что обеспечивало порядок при движении войск. Завистливые придирки и раздражительность Паскевича по отношению к Вольховскому сыграли свою роль. Он был удален из армии, «когда успехи позволили обойтись без него». Вольховский заболел. 18 ноября 1829 года Энгельгардт писал Матюшкину о Вольховском: «...он долго и слишком долго крепился и перемогался, наконец, уже стало невмоготу: он принужден был возвратиться в Тифлис, где теперь лежит со всеми признаками чахотки».

7 апреля 1830 года Энгельгардт сообщает Матюшкину: «Вольховский, наш Суворчик, получил отпуск для излечения себя; он теперь живет в Воронеже у родных...» По-видимому, в этот период у него вновь возникла мысль оставить армию и заняться преподаванием (к чему он имел большую склонность) в военном училище. Вольховский послал реестр нужных ему книг лицейскому товарищу Стевену, прося купить их и выслать в Воронеж. Он деятельно работал, знакомясь с новейшей литературой, переписывался с лицейскими товарищами. Из письма Ивана Малиновского Вольховский узнал, что сестра его Анна, жена декабриста А. Е. Розена, едет

к мужу в Сибирь, оставляя четырехлетнего сына. Вольховский срочно выехал в Москву, чтобы встретиться уезжавшую в Сибирь А. В. Розен. Он принял горячее и сердечное участие в ее судьбе, помог в сборах, своей чуткостью скрасив горькие минуты ее расставания с сыном. После проводов А. В. Розен в Сибирь Вольховский поехал в Петербург. Вначале ему было предложили место генерального консула в Египте, но вместо этого послали в Польшу.

С 1831 года Вольховский уже генерал-майор Генерального штаба. Хорошо знавший Вольховского Г. В. Розен, принявший командование отдельным Кавказским корпусом, предложил ему в 1832 году место начальника штаба отдельного Кавказского корпуса. В этой должности В. Д. Вольховский служил шесть лет. Пушкин, глубоко уважавший и любивший Вольховского, ценивший его знания, ум, такт, его мнение, 22 июля 1833 года обратился к нему «с дружеской и покорнейшей просьбою» оказать «покровительство и благорасположение», о котором ходатайствовали родственники одного молодого графа, ехавшего служить в Грузию под начальством Вольховского. О себе Пушкин писал: «Радуюсь случаю издали напомнить тебе о старом лицейском товарище, искренно тебе преданном. Посылаю тебе последнее мое сочинение. Историю Пугачевского бунта. Я старался в нем исследовать военные тогдашние действия и думал только о ясном их изложении, что стоило мне немалого труда, ибо начальники, действовавшие довольно запутанно, еще запутаннее писали свои донесения, хвастаясь или оправдываясь равно бестолково. Всё это нужно было сличать, проверять etc; мнение твое касательно моей книги во всех отношениях было бы мне драгоценно».

В 1834 году в жизни Вольховского произошло большое событие. Он женился на младшей сестре своего

лицейского товарища Ивана Малиновского. Свадьба состоялась в Ревеле (ныне Таллин). Шаферами на ней были однокурсники Вольховского по Лицею М. Л. Яковлев и Ф. Ф. Матюшкин. Женившись на Марии Васильевне, Вольховский тем самым взял на воспитание сына ее сестры и декабриста А. Е. Розена, находившихся в Сибири. Вольховский стал вторым отцом маленькому Евгению. Когда в 1837 году декабрист Розен из Сибири был переведен рядовым на Кавказ, он в семье Вольховского встретил самый радушный и дружеский прием. Здесь он впервые увидел и своего двадцатилетнего сына.

Впоследствии Евгений Андреевич Розен написал, по выражению Ю. Н. Тынянова, «полемическое дополнение» к биографии Вольховского, составленной И. В. Малиновским («О жизни генерал-майора Вольховского»). Рукопись Е. А. Розена «Владимир Дмитриевич Вольховский. 1798—1841» хранится в Национальном музее Грузии в Тбилиси. В этой своей работе Розен, отмечая, что смерть первого директора Лицея В. Ф. Малиновского в 1814 году была большой потерей для Лицея, писал: «Мы уверены, что если бы он довел первый выпуск до конца, то уровень воспитывавшихся в нем был еще выше и нравственнее... но это коснулось бы... других воспитанников первого выпуска, а не Вольховского; он бы лучше не был, потому что лучше и нравственнее нельзя было быть, и таким же пребывал до гроба».

Академик К. С. Веселовский, лицеист выпуска 1838 года, так же как и многие другие бывшие лицеисты, оставил записки о Царскосельском лицее, еще наполненные воспоминаниями живых свидетелей о пребывании здесь Пушкина и его товарищей. Лиценсты любили слушать рассказы старых лицейских наставников Ф. П. Калинича, С. Г. Чирикова, Я. И. Карцева,

И. К. Кайданова и врача при лицейской больнице Ф. О. Пешеля, служивших в Лицее со дня его основания и являвшихся хранителями воспоминаний о «золотом веке» Лицея, о первых годах этого учебного заведения, о порядках, тогда существовавших, о лицах, которым довелось играть наиболее выдающуюся роль. Но Веселовский отмечал, что «их воспоминания всего более оживлялись, когда речь заходила о Пушкине, а затем о Вольховском и князе Горчакове; эти имена, видимо, заслонили в их памяти личность прочих их товарищей».

А. А. Харитонов — лицеист выпуска 1835 года — рассказывал, как памятно ему было посещение Лицея В. Д. Вольховским, служившим тогда начальником штаба на Кавказе, который по приезде в Петербург первым делом счел необходимым заглянуть в родной Лицей. Из книги о жизни Вольховского, написанной И. В. Малиновским, известно, как тогда окружили его воспитанники Лицея, как провожали по всему зданию, как подвели к мраморной доске, висевшей в зале, на которой его имя стояло первым. Но, поняв намерение лицеистов, он начал читать имена снизу вверх и, дойдя до своего, остановился. Мраморные доски с именами воспитанников, удостоенных золотой медали, были установлены в Лицей только в 1833 году, и, наверное, Вольховский тогда впервые увидел свою фамилию на этой памятной мраморной доске.

Смерть А. С. Пушкина потрясла Вольховского, он хотел знать все о последних днях жизни поэта и просил М. Л. Яковлева написать ему. 22 июня 1837 года Яковлев отвечал: «Ты мне пеняешь, зачем я не написал тебе о горестной кончине Пушкина? Вот мой ответ. Не писал я потому, что голова кругом шла в то время, а когда образумился, то уж газеты предупредили известия о его смерти. Убийца, разжалованный в солдаты,

выслан с жандармом за границу. Данзас наш, как секундانت Пушкина, содержался сперва на гауптвахте, а потом, по приговору суда, в крепости три месяца. Теперь он свободен». Вольховский также писал и М. А. Корфу, которого незадолго до своей гибели навещал Пушкин. Корф, отвечая Вольховскому, весьма сухо сообщал о кончине поэта и товарища.

В 1837 году Вольховский уже думал выйти в отставку. Но в это же время Николай I, посетивший Кавказ, получил там донос о нарушениях воинской дисциплины. Царь обрушил свой гнев на командира отдельного Кавказского корпуса генерал-адъютанта Г. В. Розена и на начальника его штаба генерал-майора В. Д. Вольховского. Николай I вообще был недоволен некоторыми деятелями Генерального штаба, многие офицеры которого в прошлом состояли в Тайном обществе и играли видную роль в декабристском движении. 9 ноября 1837 года Вольховский приказом был назначен командиром 1-й бригады 3-й пехотной дивизии в Западный край, в Литву. Назначение означало явную немилость царя. По дороге на новую службу Вольховский заболел и в назначенную бригаду прибыл лишь 6 июля 1838 года. Бригада же Вольховского состояла в ведении фельдмаршала И. Ф. Паскевича. Зная его ненависть к себе, 16 февраля 1839 года Вольховский подал в отставку.

В. Д. Вольховский вышел в отставку в чине генерал-майора, который получил, несмотря на все препятствия, благодаря упорному труду и превосходному знанию военного дела. Но должной оценки его талант и труд не получили. Благородному, безупречно честному, не знавшему чинопочитания Вольховскому трудно было служить. Пожалуй, в самом начале его службы можно было почти угадать и конец ее, несмотря на все редкие достоинства Вольховского. Идейные убеждения и

взгляды Вольховского, его откровенная дружба с опальными декабристами повлияли на дальнейшее отношение к нему правительства. Надо отметить, что в царской России «рука», иными словами, поддержка сильного и влиятельного родственника или покровителя, играла немаловажную, если не решающую, роль и могла обеспечить человеку, вступающему в свет, его будущее. У Горчакова, у Корфа и у многих других были покровители, помогавшие им выходить из трудных жизненных обстоятельств, у Вольховского же не было какой-либо протекции. Он завоевывал свое положение только своим трудом и талантом.

Вольховский поселился в небольшом имении своей жены в Харьковской губернии в селе Каменке, Изюмского уезда. Усадьбы Вольховских и Малиновских были рядом. Два старых товарища, связанные уже родственными узами, стали еще более близки. В. Д. Вольховский пытался вникнуть в хозяйственные дела, но оказался не приспособленным к сельской жизни. Он стремился облегчить участь крестьян (например, из своей пенсии платил за них подушную подать), постоянно искал возможности поступить на гражданскую службу. Жизнь не баловала Владимира Дмитриевича. Здоровье было подорвано. Умерла маленькая дочь Мария, которую он очень любил. Не находя применения своим знаниям и силам, он, опальный, медленно чах в глуши, оторванный от государственных и военных дел, к которым имел редкие способности и дарование. Рассказывая о своей службе на Кавказе, один из современников Вольховского писал: «Даровитый к гражданскому долгу, свыше всякого себялюбия преданный В. Д. Вольховский... мой горячий защитник, в немилости доживал последние часы своей жизни...»

7 марта 1841 года, после кратковременной болезни, Вольховский скончался на 43-м году жизни и был

похоронен в ограде церкви села Каменки. Безвременная смерть Вольховского потрясла его товарищей и Е. А. Энгельгардта, который сообщал Матюшкину: «Вчера я получил известие о смерти Вольховского после 8-дневной болезни. После выхода в отставку он жил в деревне жены своей в Харьковской губернии, пытался заниматься хозяйством, да не по сердцу занятие это мелочное, единообразное. Он скучал, и назад тому около месяца еще писал мне, что хочет пуститься служить по дворянским выборам... то и вступить опять в государственную службу, под пару губернатору Корнилову (лицеисту.— *Авт.*), о коем слава отличная. Вместо того — гроб! Жаль Суворчика, он был полезный человек государству».

В страшном горе и скорби были И. В. Малиновский и И. И. Пущин. Своему другу Е. П. Оболенскому Пущин говорил: «Ты знаешь, как я люблю этого человека, и потому можешь судить, как мне тяжела эта потеря».

В. Д. Вольховский был прекрасный семьянин. В добром согласии, любви и взаимной преданности прожил он с Марией Васильевной недолгую свою семейную жизнь. Его жена остригла свои великолепные косы и в знак верности положила их в гроб мужа. Замуж Мария Васильевна больше не вышла, хотя была красива и молода. В преклонных годах она завещала все письма В. Д. Вольховского положить себе в гроб, что якобы и было исполнено.

А. Е. Розен в своих записках, вспоминая о Вольховском — человеке и гражданине, с чувством глубочайшей признательности и глубочайшего уважения писал, что «все, которые знали его хорошо... видели в нем мужа с искренними достоинствами и с правом стоять в ряду мужей, описанных Плутархом».

Александр Горчаков

Еще мальчиком он решил, кем станет, и шел на встречу заветной цели. В своем усердии и самоограничении он не уступал Вольховскому, так что чуть ли не вогнал себя в чахотку. Он был талантлив, верил в себя, жаждал большой государственной деятельности, чувствуя, что способен к ней. В нем жило не только честолюбие. Он хотел найти разумное приложение своим талантам, быть полезным России. Горчакову всегда было свойственно тонкое чувство меры и такта.

Два блистательных ученика Лицея — Вольховский и Горчаков. Оба молоды, оба жаждут широкой деятельности. Вольховского уже волнуют идеи добра и зла, идеи торжества справедливости. Горчаков учится обуздывать свой темперамент и страсть, свою экспансивность и направлять их в нужное русло,—ведь он хочет стать дипломатом. Блистательную карьеру Горчакову еще в юности предрекал Пушкин. И действительно, имя его вошло в историю русской дипломатии XIX века.

Александр Михайлович Горчаков происходил из старинного, знатного дворянского рода. Его отец князь Михаил Сергеевич Горчаков считался одним из потомков рода, идущего от Рюрика. Он не был богат. Семья Горчаковых с давних пор пользовалась расположением князя А. А. Бобринского (сына Екатерины II).

Александр Горчаков родился 4 июля 1798 года в Гапсале (ныне город Хаапсалу в Эстонской ССР). Его мать Елѣна Васильевна придавала большое значение

хорошему образованию. До поступления в Лицей Александр Горчаков учился в С.-Петербургской губернской гимназии на Большой Мещанской улице (ныне улица Плеханова) вместе с Алексеем Илличевским и Иваном Малиновским. В то время это была единственная в городе гимназия. У Горчакова оказалась солидная подготовка, и он блестяще выдержал экзамен в Лицей.

Александр Горчаков занимал в Лицее комнату № 30, с окном в сторону ограды Знаменской городской церкви. Профессор Н. Ф. Кошанский в 1812 году написал о Горчакове: «Князь Александр Горчаков один из тех немногих питомцев, кои соединяют все способности в высшей степени: особенно заметна в нем быстрая понятливость, объемлющая вдруг и правила и примеры, которая, соединяясь в нем с чрезмерным соревнованием, прилежанием, особенно с каким-то благородно-сильным честолюбием, превышающим его лета, открывает быстроту разума и некоторые черты *гения* — но сии способности, развиваясь быстро, сильными порывами вредят здоровью. Успехи его чрезвычайны».

Профессора французской и немецкой словесности де Будри и Гауеншильд, адъюнкт-профессора Куницын, Кайданов, Карцов также дали Горчакову прекрасные характеристики. Гувернер и учитель рисования Чириков, характеризуя Горчакова, писал 30 сентября 1813 года о его благоразумии, благородстве во всех поступках, необыкновенной любви к учению, чувствительности и отмечал отличительные его свойства — «самолюбие, ревность к пользе и чести своей и великодушие».

Несмотря на свою обычную занятость, Горчаков не чужд был лицейскому литературному кружку, хотя поэтического дарования не выказывал. В одном из рукописных журналов он поместил свое прозаическое сочинение «Изяслав», которое не сохранилось. Обладая нежной красотой, Горчаков вместе с тем был мужест-

венный юноша, с прекрасными манерами, врожденной грацией. Адонисом называл Горчакова профессор Н. Ф. Кошанский. О том, что он был в лицейские годы «необыкновенно миловиден», вспоминал И. И. Пущин. Ясные карие глаза, прекрасный цвет лица, стройность, изящные манеры, изысканность и утонченность натуры, благородство внешнее, сочетавшееся с благородством внутренним, незаурядный ум,— все это привлекло к нему и Пушкина, тянувшегося ко всему прекрасному.

В 1811 или в 1812 году Александр Пушкин записывает в альбом А. Горчакову, по-видимому, в ответ на его запись: «Вы пишете токмо для вашего удовольствия, а я, который вас искренно люблю, пишу, чтоб вам не сказать. А. Пушкин». В 1814 году он написал шуточное послание «Князю А. М. Горчакову», проникнутое большой теплотой и дружеской симпатией. Прощаясь с Лицеом, Пушкин еще раз обратился к товарищу со стихотворением «Князю А. М. Горчакову», предчувствуя, что судьба разведет их по разным дорогам:

Встречаюсь я с осьмнадцатой весной.
В последний раз, быть может, я с тобой,
Задумчиво внимая шум дубравный,
Над озером иду рука с рукой.

Мой милый друг, мы входим в новый свет;
Но там удел назначен нам не равный,
И розно наш оставим в жизни след.
Тебе рукой Фортуны своенравной
Указан путь и счастливый, и славный,—
Моя стезя печальна и темна;
И нежная краса тебе дана,
И нравится блестящий дар природы,
И быстрый ум, и верный, милый нрав;
Ты сотворен для сладостной свободы,
Для радости, для славы, для забав.

Среди воспитанников Лицея Горчаков пользовался уважением и авторитетом. Признавая его таланты,

товарищи иногда подшучивали над его безмерным трудолюбием и усидчивостью, чувствуя, что он готовит себя к высокой карьере, но в то же время понимали, что им прежде всего движут благородные цели — желание принести пользу Отечеству. Александр Горчаков, кажется, был единственным из воспитанников Лицея, кто избегал едких насмешек в «национальных песнях» и каких-либо прозвищ, тем более карикатур. Правда, Алексеем Илличевским еще в 1811 году была написана эпиграмма на Горчакова в форме акrostиха, начальные буквы которого образуют фамилию Горчакова, «Гуляй, топ Prince, на что учиться!..» Горчаков собирал и бережно хранил среди своих бумаг лицейские стихи и эпиграммы, в том числе и произведения Пушкина. Еще в Лицее Горчаков был страстным приверженцем русского языка, родной литературы. Своему влиятельному дядюшке А. Н. Пещурову Горчаков писал из Лицея, что, хотя и любит французский язык, но не столь «ослеплен» им, чтобы не чувствовать всех достоинств русского языка, «обильнейшего», «благозвучнейшего», «богатеишего».

Патриотизм был свойствен Горчакову с юных лет. Пещурову он сообщал, что военная служба его не влечет: «Без сомнения, встретишь обстоятельства, подобные тем, кои ознаменовали 12-й год... тогда бы и я, хотя и не без сожаления, променял перо на шпагу. Но так как, надеюсь, сего не будет, то я избрал себе статскую и из статской, по вашему совету, благороднейшую часть — дипломатику».

Чрезвычайно интересна характеристика, данная Горчакову Е. А. Энгельгардтом: «Сотканный из тонкой духовной материи, он легко усвоил многое и чувствует себя господином там, куда многие еще с трудом стремятся. Его нетерпение показать учителю, что он уже всё понял, так велико, что он никогда не дожидается конца объяснения. Если в схватывании идей он выказывает

себя гениальным, то и во всех его более механических занятиях царят величайший порядок и изящество... Теперь его здоровье, по-видимому, совсем восстановилось, хотя его экспансивность несколько не уменьшилась. Поскольку и теперь, однако, пылкость его стихия, то кажется, что она уничтожила все более спокойные и добрые свойства его души и при его остром чувстве собственного достоинства у него проявляется немалое себялюбие, часто в отталкивающей и оскорбительной для его товарищей форме. Чаще всего он вступал в спор с Кюхельбекером. От одних учителей он отделяется вполне учтивыми поклонами, а с другими старается сблизиться, так как у них он находит или надеется найти поддержку своему тщеславию. В течение долгого времени он непременно хотел оставить лицей, ибо думал, что в познаниях он больше не может двигаться вперед, и надеялся блистать у своего дядюшки».

В Лицее Горчаков усиленно занимался иностранными языками, кроме известных ему французского и немецкого изучал английский и итальянский языки. Е. А. Энгельгардт, видя такое рвение и соблюдая интересы своих воспитанников, получил из архива министерства иностранных дел старую, потерявшую значение дипломатическую переписку с прусским правительством. Воспитанники Лицея, и прежде всего Горчаков, изучая эти документы, стали практиковаться — составлять депеши, вести журнал переписки и изготовлять специальные конверты для дипломатической почты.

При выпуске из Лицея девятнадцатилетний Горчаков получил вторую золотую медаль (Малую) и прекрасный аттестат. Сын декабриста Розена Е. А. Розен рассказывал, что хотя отметки у Вольховского и Горчакова были одинаковые, но большинство соучеников просило, чтобы первым, лучшим назван был Вольховский, ибо он больше старался и в поведении был скромнее. «Блестя-

...
щие дарования, острый и тонкий ум, неукоризненное поведение, наконец, самое отличное окончание курса давали ему право на первое место,— сообщал М. А. Корф,— хотя товарищи любили его за некоторую заносчивость и большее самолюбие менее других». В чине титулярного советника, полный надежд, Горчаков поступил в коллегию министерства иностранных дел.

Пушкин и Горчаков начали служить в министерстве иностранных дел одновременно. Горчаков быстро проявил свои способности и интерес к дипломатической службе, скоро добился первых успехов. В старости Горчаков вспоминал о себе: «В молодости я был так честолюбив, что одно время носил яд в кармане, решаюсь отравиться, если обойдут местом». Пушкина же не прельщала дипломатическая карьера. Все более отдаляясь друг от друга, вольнолюбивый поэт, которому были суждены невзгоды и гонения, и талантливый, преуспевающий дипломат все же сохранили товарищеские, «приятельные» отношения. В 1819 году Пушкин обратился к князю Горчакову с посланием, в котором ответил на его предложение оставить круг своих друзей ради «большого света»:

Питомец мод, большого света друг,
Обычаев блестящий наблюдатель,
Ты мне велишь оставить мирный круг,
Где, красоты беспечный обожатель,
Я провожу незнаемый досуг.

И ты на миг оставь своих вельмож
И тесный круг друзей моих умножь,
О ты, харит любовник своевольный,
Приятный льстец, язвительный болтун,
По-прежнему остряк небогомольный,
По-прежнему философ и шалун.

Жизненный путь Горчакова отнюдь не был усыпан розами, как иногда казалось современникам и потом-

кам. В то время министерство иностранных дел имело двух руководителей статс-секретарей — реакционного дипломата, так называемого австрийского министра иностранных дел, К. В. Нессельроде, державшего линию Меттерниха, и И. В. Каподистрия — талантливого человека, действовавшего в интересах России, ведавшего вопросами восточной политики, будущего президента Греческой республики. Оба статс-секретаря враждовали между собой. Горчаков попал под начальство Каподистрия, который обратил на него внимание.

В 1820 году Горчаков сопровождал Нессельроде на второй конгресс Священного союза в Австрии. В это время Европа сотрясалась революционными событиями в Италии, Испании, Португалии. Европейские монархи во главе с русским царем объединились в Священный союз для борьбы с революциями. В 1821 году началось восстание греческих патриотов против турецкого ига. Греки обратились за помощью к России. Александр I, не желая нарушить принципа Священного союза и боясь также проникновения в Россию революционных настроений, в то время отказал Греции в помощи (русское правительство начало помогать Греции лишь с 1827 года). Горчаков внимательно изучал дипломатические депеши, следил за европейскими газетами. Он усиленно работал, — им было составлено 1200 донесений. Директор канцелярии министерства иностранных дел Кудрявский, отмечая, что Горчаков весьма успешно выполняет поручения, говорил ему: «Немногие из служащих имеют вашу силу знаний и воли». Да, молодой дипломат выделялся среди сотрудников министерства. Его способности, широкий кругозор, знание европейских языков были очевидны, и многие ему завидовали. 27 июля 1822 года он был направлен в Англию, где начал работать первым секретарем русского посольства. Это дало Горчакову возможность глубоко изучить все

тенденции и практику внешней политики Англии. Через два года Горчаков получил отпуск по состоянию здоровья и вернулся в Россию.

В сентябре 1825 года произошла случайная встреча двух лицейских товарищей — Пушкина и Горчакова. Приехав в Россию, Горчаков остановился у своего дяди Пещурова в его имении Лямоново Псковской губернии. Еще в дороге он простудился и по приезде своем заболел. Поблизости, в селе Михайловском, жил А. Пушкин. Узнав о том, что приехал Горчаков и, находясь неподалеку, лежит больной, Пушкин немедленно отправился к нему. Целый день они провели вместе. Вспоминали Лицей, товарищей. Пушкин читал Горчакову свои стихи и отрывок из «Бориса Годунова». Эту встречу Пушкин вскоре отметил в своем стихотворении «19 октября» 1825 года:

Ты, Горчаков, счастливцев с первых дней,
Хвала тебе — фортуны блеск холодный
Не изменил души твоей свободной:
Всё тот же ты для чести и друзей.
Нам разный путь судьбой назначен строгий;
Ступая в жизнь, мы быстро разошлись:
Но невзначай проселочной дорогой
Мы встретились и братски обнялись.

Об этой встрече Пушкин писал П. А. Вяземскому: «Горчаков мне живо напомнил Лицей, кажется, он не переменялся во многом...»

А. С. Пушкин, работая над своими произведениями, обычно делал легкие и точные рисунки пером, изображая то себя, то своих героинь и героев, а чаще — своих друзей и лицейских товарищей. В 1821 году на рукописи с первоначальным замыслом «Братьев разбойников» он нарисовал портрет брата профессора Д. И. де Будри Ж.-П. Марата. В том же году на полях черновика оды «Наполеон» он рисует А. Горчакова и вновь чертит его

профиль в январе 1826 года на полях рукописи «Андрей Шенье». Пушкин изображает также В. К. Кюхельбекера и К. Ф. Рылеева на Сенатской площади 14 декабря 1825 года. В 1829 году он создает необыкновенно выразительный портрет А. А. Дельвига. Работая над рукописью «Евгения Онегина», Пушкин особенно часто возвращается мыслями к своим лицейским друзьям. В 1826 году Пушкин изображает В. Кюхельбекера, И. Пущина, А. Дельвига, А. Горчакова, а в 1829—1830 годах на полях VIII главы по памяти, но безошибочно и легко — Лицей, его арку, парадное крыльцо...

В декабре 1825 года Горчаков находился в Петербурге. Он хорошо знал многих участников восстания. В свое время члены Тайного общества хотели привлечь такую яркую и даровитую личность, как Горчаков, в свои ряды. Но эта попытка не увенчалась успехом. Горчаков ответил отказом, сказав, что «благие цели никогда не достигаются тайными происками». Длительное же пребывание Горчакова за границей окончательно оторвало его от друзей. Однако он был «на подозрении» у Николая I и Бенкендорфа за то, что был хорошо знаком с «бунтовщиками» и знал о заговоре.

И. И. Пущин уже в 1850-х годах, еще находясь в сибирской ссылке, рассказал сыну декабриста Е. И. Якушкину, что на другой день после восстания на Сенатской площади, рано утром 15 декабря, к нему приехал Горчаков. Он привез заграничный паспорт и умолял Пущина уехать немедленно за границу, обещая доставить его на иностранный корабль, готовый к отплытию. Но эта попытка спасти товарища от грядущей беды осталась безуспешной. Пущин наотрез отказался уехать и оставить друзей, с которыми участвовал в восстании, прекрасно понимая, какая участь им всем грозит, и желая разделить общую судьбу. Нет оснований подвергать

сомнению этот рассказ, как это делают некоторые исследователи. Имя Е. И. Якушкина — известного общественного деятеля — вызывает глубочайшее уважение. Придумывать весь этот эпизод ему было не к чему. Видимо, Горчаков в тот трагический момент забыл о своей успешной карьере.

Темпераментному Горчакову свойственны были сильные порывы. Недаром современники отличали не только высокий ум Горчакова, доброту его сердца, но и особенную преданность людям, которых он ценил и уважал.

Известно, что свое неоконченное послание «И. И. Пущину» А. С. Пушкин писал в 1825 году после того, как Пущин посетил поэта в Михайловском. Накануне годовщины восстания декабристов, 13 декабря 1826 года, Пушкин вновь пишет послание «И. И. Пущину», взяв для первой строфы без изменения пять первых стихов неоконченного послания 1825 года. Это стихотворение было переслано Пущину в Сибирь на каторгу вместе с посланием декабристам «Во глубине сибирских руд...». Но особенный интерес для раскрытия отношения Пушкина к Горчакову представляет первая черновая редакция послания к Пущину 1825 года, где Пушкин говорит о Лицее, о друзьях, о Горчакове:

Скажи куда девались годы
Скажи что наши? где (?) друзья?
Где ж эти липовые своды?
Где Горч.(аков)? где ты? где я?

Не случайно в списках жандармского III отделения против фамилии Горчакова долго стояла пометка: «не без способностей, но не любит России». В жандармском понимании это означало — «либерал». Когда Горчаков был назначен на пост министра иностранных дел, один из старых николаевских чиновников с негодованием вос-

кликнул: «Как можно делать министром человека, знавшего о заговоре 1825 года!»

Вернувшись в Лондон, Горчаков недолго находился на своем посту. В это время Нессельроде стал единственным руководителем министерства иностранных дел. По словам осведомленного современника П. В. Долгорукова, видного представителя русской эмиграции 1860-х годов, Нессельроде не любил Горчакова «за русское знатное имя, за русские чувства, за отсутствие искательства в начальстве и в сильных людях», а «более всего не любил по влиянию князя Меттерниха».

Нессельроде был привержен австрийской политике, в интересах которой и действовал. По распоряжению Нессельроде Горчаков был назначен первым секретарем русской миссии в Риме. Это было явное понижение.

Зато в Риме Горчаков не был столь обременен служебными обязанностями. Имея достаточный досуг, зная итальянский, латинский и греческий языки, Горчаков серьезно изучал искусство Возрождения, историю Италии, читал труды крупнейших дипломатов Средневековья. Будучи во Флоренции, Горчаков на свои средства заказал мраморный памятник для могилы рано умершего и похороненного там лицейского товарища Николая Корсакова.

В 1830-е годы в Европе создалась напряженная политическая атмосфера. Россия стремилась добиться свободного продвижения судов через черноморские проливы и утвердить свое влияние на Балканах и в Закавказье. Выступление России против Турции нашло горячий отклик и поддержку балканских народов, страдавших от мусульманского ига. Османская империя с трудом удерживала власть над покоренными народами. Но успехи России явно противоречили интересам европейских государств, и особенно Австрии.

В этот период сложной и обостренной дипломатической борьбы Горчакову был доверен ответственный пост советника посольства в Вене. Государственным канцлером Австрии являлся Меттерних, беспринципный интриган и двурушник, один из вдохновителей Священного союза. Он заискивал, когда было нужно, перед царским правительством, использовал его реакционные устремления и видел в нем союзника в подавлении революции.

По приезде в Вену Горчаков, ознакомившись с положением дел, правильно оценил политику Меттерниха. Русским посланником в Вене оставался престарелый Д. П. Татищев, всецело находившийся под влиянием Меттерниха, вводящего его в заблуждение пылкими излияниями преданной любви к России. Быстро и верно разобравшись в сложившейся обстановке и видя всю серьезность положения, Горчаков посылал в Петербург депеши, доказывая, что Меттерних плетет интриги и затевает козни против России. Эти донесения вызвали большое неудовольствие Нессельроде, преданного Меттерниху, и Николая I, доверявшего Нессельроде. Меттерних узнал об этом и, используя свое влияние на Нессельроде, старался избавиться от Горчакова. 26 сентября 1835 года в Вену прибыл Николай I в сопровождении шефа жандармов Бенкендорфа. Горчаков, исполняя обязанности посланника, нанес визит Бенкендорфу, который весьма холодно встретил его. Не приглашая Горчакова сесть, Бенкендорф обмолвился с ним несколькими фразами, а затем тоном приказа сказал: «Потрудитесь заказать хозяину отеля на сегодняшний день мне обед». Тогда Горчаков совершенно спокойно подошел к колокольчику и вызвал метрдотеля гостиницы. «Что это значит?» — возмущенно спросил шеф жандармов. «Ничего более, граф, — ответил Горчаков, — как то, что с заказом об обеде вы можете сами обра-

титься к метрдотелю гостиницы». Трения с высокопоставленными особами, ненависть Меттерниха и зависть некоторых чиновников привели к тому, что 26 апреля 1838 года Горчаков был уволен от должности советника посольства в Вене «для употребления по другим делам».

В этот сложный для него момент, в 1838 году, Горчаков женился на умной и добродетельной женщине графине Марии Александровне Мусиной-Пушкиной, известной в свете красавице. Женщина, которая вызвала длительное поклонение А. С. Пушкина, стала женой его лицейского товарища А. М. Горчакова. В 1828 году Пушкин посвятил Марии Александровне Мусиной-Пушкиной стихотворение, не печатавшееся при жизни поэта, — «Кто знает край, где небо блещет...». По мнению известного советского литературоведа Н. В. Измайлова, внучка фельдмаршала М. И. Кутузова Дарья Фикельмон, записывая в свой дневник в 1832 году о поклонении Пушкина красавице графине Пушкиной, имела в виду именно Марию Александровну. Когда Мария Александровна вышла замуж за А. М. Горчакова, у нее было трое почти взрослых детей и — «никакого состояния». «При всем том жена его, — заметил Е. А. Энгельгардт, — совсем не стара, а напротив, очень мила, только очень *grande dame*».

Хлопоты влиятельных родственников помогли Горчакову вновь вступить в дипломатическую службу. 5 декабря 1841 года Горчаков был назначен чрезвычайным посланником и полномочным министром в Вюртембергское королевство — одно из тридцати восьми государств тогдашней Германии. После Венского конгресса был создан союз немецких государств, внутри которых шла борьба за первенство между Австрией и Пруссией. Россия имела большое влияние в германских государствах. Некоторые из них были связаны с русским двором

родственными узами. Более десяти лет Горчаков работал в Германии. Он изучал обстановку, подробно информировал обо всем русское министерство иностранных дел. А обстановка в то время в Европе была сложная: «голодные бунты» в Германии, революция 1848 года.

В 1853 году Горчаков перенес большое горе: умерла жена, которую он горячо любил. «Стражду телом и духом»,— писал Горчаков своим близким. Им овладело совсем не свойственное его натуре мистическое настроение. Но Горчаков нашел в себе силы преодолеть горе. Он много времени уделяет воспитанию сыновей, с удвоенной энергией работает. Россия была накануне Крымской войны. В 1854 году, несмотря на то, что Нессельроде старался этому препятствовать, Горчаков был назначен посланником в Вену на конференцию. В Вене ярко проявился его дипломатический талант. Горчакову пришлось яростно бороться с австрийской дипломатией, отстаивая интересы России.

Имя Горчакова уже приобрело европейскую известность как умного, тонкого дипломата, хорошо ориентирующегося в политических и международных вопросах. Крымская война, в которой сказалась вся социально-политическая, техническая, экономическая отсталость царской России, окончилась для нее полным поражением. 30 марта 1856 года был подписан Парижский трактат, по которому объявлялось нейтральным Черное море, возвращались Турции Карс и часть Бессарабии. России запрещалось иметь военный флот на Черном море, что колебало ее суверенитет и обороноспособность. После заключения Парижского трактата, который Горчаков категорически отказался подписать, он был вызван к Александру II, и тот предложил ему пост министра иностранных дел. Перед коронацией Александра II Горчаков имел беседу с царем, который высказал желание провести ряд реформ. Горчаков напомнил царю об ам-

нистии всем политическим ссыльным, о необходимости возвращения из Сибири декабристов.

Будучи министром и, естественно, еще более загруженный делами, Горчаков все же поддерживал отношения с товарищами по Лицею. Известно, что сам он не любил писать, а обычно диктовал. Но сохранилось собственноручное письмо Горчакова от 23 июня 1861 года, посланное им И. В. Малиновскому, жившему на Украине и много делавшему для облегчения участи крестьян Изюмского уезда: «Любезный друг Иван Васильевич! Сердечно обрадован был твоим письмом от 4 июня и немедленно сообщил находящимся здесь лицеистам: Матюшкину, Корфу и двум Данзасам (Борис Карлович, хотя не того курса, совершенно наш по чувствам). Как ты, и я верен старой дружбе и старым воспоминаниям... На ту службу, на которую ты себя посвятил, я смотрю как на приносящую самую существенную пользу... Чем более умственные силы будут развиваться внутри империи, тем вернее Россия наша укрепитя и разовьется в благоденствии... Братская мысль моя будет тебе всегда сопутствовать. Моей исповеди тебе не посылаю, но прошу принять старую фигуру мою в прилагаемой карточке. Если не покажусь тебе красив, то твоя вина, зачем ты не дал случая показаться тебе до истечения более 40-летней разлуки. Благодаря бога, дух бодр и не унывает, голова свежа, но физические силы истощаются. Времена трудные, как все переходные. Будущность России огромна, путь не легок; но я надеюсь, что достигнем цели...»

После Крымской войны европейская дипломатия с затаенным напряжением ждала, как будет вести себя поверженная Россия. И весь мир был потрясен решительной нотой нового министра иностранных дел Горчакова от 21 августа 1856 года, в которой заявлялось, что Россия порывает всякую связь со Священным союзом,

не станет вмешиваться в европейские дела и начинает развивать внутренние силы страны. Слова Горчакова — «Россия сосредоточивается» — стали крылатой фразой. Став министром иностранных дел, Горчаков упростил громоздкий николаевский дипломатический аппарат, позаботился об углублении специальной подготовки сотрудников министерства. При вступлении на службу стала обязательной сдача особого экзамена. Многие иностранцы, которые при Нессельроде заполняли аппарат, были заменены русскими.

Обладая незаурядным литературным талантом, Горчаков умел составлять ноты, ставшие образцом дипломатических документов, ясных и понятных всей читающей России. Ноты Горчакова всегда оставались обращенными к общественному мнению. Впервые в русской дипломатии Горчаков стал употреблять выражение «Государь и Россия». До этого в документах не встречалось понятия «Отечество» — только «Император». Нессельроде говорил: «Мы знаем только одного царя, нам дела нет до России». Но Горчаков вел русскую дипломатию в интересах России — своего Отечества.

В годы франко-прусской войны Горчаков подал мысль Александру II уничтожить запреты, наложенные на Россию Парижским трактатом. Здесь проявилась политическая гибкость Горчакова. Момент был выбран самый удачный: Франция, хранительница условий трактата, потерпела разгром; Англия в одиночку воевать не могла, а Пруссия, преследуя свои интересы, была на стороне России. После разрыва Парижского трактата Россия вернула себе право иметь военный флот на Черном море. Горчаков получил титул «светлейшего».

В 1875 году в Боснии и Герцеговине вспыхнуло восстание против Турции. Русская демократия относилась к западным славянам с большим сочувствием. Горчаков также считал, что Россия должна поддержать восстав-

ших славян, тем более что русское влияние на Балканах уменьшилось после Крымской войны. Встал вопрос о войне с Турцией. В 1877 году началась русско-турецкая война за освобождение западных славян. Турция потерпела поражение. Наступление русских заставило ее просить мира. В 1878 году в предместье турецкой столицы, в Сан-Стефано, был заключен договор, согласно которому Черногория, Сербия, Румыния объявлялись независимыми; Боснии и Герцеговине предоставлялась автономия; Болгария провозглашалась самостоятельным княжеством; России были возвращены отторгнутые по Парижскому трактату Карс, Батум и Ардаган.

Россия оказала существенную поддержку национально-освободительной борьбе славянских народов против турецкого ига. Но Англия и Австро-Венгрия, не желая мириться с возросшим влиянием России на Балканах, потребовали пересмотра Сан-Стефанского договора. Обстановка усложнилась. Русской дипломатии предстояла трудная борьба. Пришлось согласиться на пересмотр Сан-Стефанского договора. В июне 1878 года в Берлине был созван конгресс, в котором участвовали семь стран — Россия, Германия, Англия, Франция, Австро-Венгрия, Турция и Италия. Только что перенесший тяжелую болезнь 80-летний Горчаков возглавлял русскую делегацию. Председательствовал «железный» канцлер Германии Бисмарк. Обстановка на конгрессе была для России необычайно сложной, к тому же по состоянию здоровья Горчаков не всегда мог присутствовать на совещаниях. Основную роль в русской делегации на конгрессе играл посол России в Англии П. А. Шувалов, с которым у Горчакова сложились неприязненные отношения. Дряхлеющий Горчаков в личной беседе с премьер-министром Англии Дизраэли допустил серьезную оплошность, и переговоры оказались неудачными. В результате Черногория и Сербия были доведены до

минимальных размеров, Болгария также значительно уменьшила свои границы, Австро-Венгрия оккупировала Боснию и Герцеговину. Горчаков, потрясенный своей ошибкой и подавленный Берлинским трактатом от 13 июня 1878 года, наносившим ущерб России и другим славянским народам, тяжело переживал итоги Берлинского конгресса. После конгресса он перестал принимать активное участие в деятельности министерства. В марте 1882 года Горчаков подал в отставку.

Более шестидесяти лет находился Александр Михайлович Горчаков на дипломатическом поприще «в весьма трудный для России период времени». Имя этого во всех отношениях яркого, талантливое человека вошло в историю русской дипломатии XIX века.

Будучи в отставке, но оставаясь канцлером и членом Государственного совета, Горчаков осенью и весной жил одиноко в Ницце, занимая четыре комнаты в нижнем этаже дома. По воспоминаниям современников, его потребности были весьма скромны. Горчаков жил только на получаемую пенсию. Имения ни родового, ни благоприобретенного он не имел. Но теперь у него стало достаточно свободного времени. Он вел размеренный образ жизни, много читал, ходил на прогулки в сопровождении камердинера или сиделки, посещал небольшой кружок знакомых русских, проживавших в Ницце.

Из близких знакомых Горчакова необходимо назвать поэта и дипломата Тютчева. Он как-то назвал Горчакова «нарциссом собственной чернильницы» за любование тонко отделанными фразами. Красивый литературный слог Горчаков высоко ценил и у своих подчиненных. Тютчев бывал у Горчакова не только по служебным делам. Он писал о Горчакове: «Его натура положительно не из заурядных и обладает гораздо большими внутренними достоинствами, чем наружными. У него сливки снизу, а молоко сверху». Действительно, многие совре-

менники ценили Горчакова за доброту его сердца, за редкую преданность друзьям, за необыкновенно тонкое остроумие. Горчаков был также хорошо знаком с другом Пушкина П. А. Вяземским и состоял с ним в переписке. На 50-летие деятельности Горчакова на дипломатическом поприще Вяземский написал стихотворное поздравление. В 1875 году он обратился к Горчакову с шутивным посланием в стихах: «Великий канцлер дел сердечных...» Это было одно из последних стихотворений Вяземского.

Воспоминания о Горчакове и его сыновьях оставил известный политический деятель граф С. Ю. Витте, наблюдавший А. М. Горчакова в последние годы его государственной деятельности. Он отметил, как некогда его поразила удивительная подтянутость старика Горчакова, умевшего выглядеть всегда элегантно и бодром.

Годовщина 1880 года была первой, когда из семьи лицейстов-первокурсников в живых остался один. Это был А. М. Горчаков. 19 октября 1880 года, как рассказывал К. Я. Грот, на лицейский обед (проходивший, по-видимому, в каком-то из ресторанов) собрались воспитанники первых семи выпусков. Гостем был младший сын Пушкина Григорий Александрович. Старшим из присутствовавших оказался лицеист выпуска 1823 года Д. Н. Замятнин, который провозгласил тост в память всех лицейстов, начиная с Пушкина. Собравшиеся говорили о Горчакове, гадали, исполнил ли он в этот день завет поэта. Горчакову была послана приветственная телеграмма, на которую он не замедлил ответить. Горчаков еще дважды мог встречать день 19 октября, как старейший из товарищей Пушкина, пережив его на 46 лет.

В своих воспоминаниях Горчаков подчеркивал: «Славного лицеиста нашего поэта Пушкина я весьма любил и был взаимно им любим». 8 мая 1880 года

проездом в Москву на открытие памятника А. С. Пушкину академик Я. К. Грот посетил А. М. Горчакова. Тот был болен, лежал в кресле, укрытый пледом, и «выразил сожаление, что не может быть на торжестве в честь своего товарища». Через три года, 27 февраля 1883 года, Александр Михайлович Горчаков скончался в возрасте 85 лет. До самой смерти он сохранял ясную память и живой, острый ум. Сведения о том, где умер и где погребен А. М. Горчаков, разноречивы. Я. К. Грот сообщал, что он умер в Ницце. Исследователь Н. А. Гастфрейнд указывал город Баден-Баден. В «Памятной книжке лицейстов» (за 1907 год) сказано, что Горчаков умер в Петербурге. Место захоронения удалось установить по книге «Петербургский Некрополь», где упомянуто, что Горчаков умер в Баден-Бадене, и указано место его погребения — Сергиевская пустынь (ныне Ленинград, станция Володарская, Ленинградское шоссе, 15. Кладбище не сохранилось).

Горчаков умер последним из двадцати девяти бывших лицейстов первого выпуска. Именно к нему оказались обращенными слова А. С. Пушкина в стихотворении «19 октября» 1825 года:

Невидимо склоняясь и хладея,
Мы близимся к началу своему...
Кому ж из нас под старость день Лицея
Торжествовать придется одному?

Несчастный друг! среди новых поколений
Докучный гость и лишний, и чужой,
Он вспомнит нас и дни соединений,
Закрыв глаза дрожащею рукой...

Пускай же он с отрадой хоть печальной
Тогда сей день за чашей проведет,
Как ныне я, затворник ваш опальный,
Его провел без горя и забот.

В Центральном государственном историческом архиве СССР в Ленинграде хранится автограф рукописи видного деятеля ВКП(б), выдающегося советского дипломата Г. В. Чичерина, посвященной жизни и деятельности А. М. Горчакова. Эта большая работа написана Г. В. Чичериным в 1900-е годы. Она освещает жизненный путь Горчакова. Воспитанный в семье, свято хранившей память о Горчакове, Г. В. Чичерин отдает должное ему как выдающемуся деятелю русской дипломатии и отмечает его прекрасные человеческие качества.

Казалось, будто самые великодушные, самые добрые феи стояли у колыбели Николая Корсакова и щедро одарили его красотой, умом, разносторонними талантами. Живой, веселый, добрый и общительный нрав его снискал ему любовь товарищей. Он рано проявил все свои способности: пел, сочинял музыку, музицировал, писал в стихах и прозе. И все делал легко, красиво, зажигательно и талантливо. Он получил признание друзей-соучеников. Он был одним из тех, кем по праву должен был бы гордиться Лицей в будущем. Получив прекрасный аттестат, Николай Корсаков вступил на дипломатическое поприще вместе с Горчаковым и Ломоносовым. Но еще более широкое поприще — литературно-музыкальное — открывалось перед ним.

Николай Корсаков был сыном отставного гвардии прапорщика Александра Степановича Корсакова. Род Корсаковых восходил к чеху Жигмунду Корсаку.

Жигмунд (Сигизмунд) Корсак пришел в Литву (Польшу) при Витовте, а его сын Венцеслав (Вячеслав) прибыл из Польши в Россию в 1380 году. От Вячеслава Корсака и пошел в России род Корсаковых. В 1677 году потомки Корсака показали, что происходят из пределов Римской империи, и получили добавление к фамилии — Римские. Другая же ветвь рода продолжала носить прежнюю фамилию. Мать Корсакова была урожденная Рязанова. На Николая Корсакова огромное влияние оказывал его старший брат Петр Александрович — высокообразованный человек, известный в свое время писатель, переводчик и издатель. Он первый познакомил русское общество с голландской литературой и поэзией.

А. С. Пушкин обратился в 1836 году к П. А. Корсакову, являвшемуся цензором, с двумя письмами по поводу своего романа «Капитанская дочка», который послал ему на просмотр. Пушкин писал ему: «Некогда, при первых моих шагах на поприще литературы, Вы подали мне дружескую руку. Ныне осмеливаюсь прибегнуть снова к Вашему снисходительному покровительству. Вы один у нас умели сочетать шекотливую должность цензора с чувством литератора (лучших, нынешних времен). Знаю, как Вы обременены занятиями: мне совестно Вас утруждать; но к Вам одному можем мы прибегать с полной доверенностью и с искренним уважением к Вашему окончательному решению». Говоря о своих первых шагах на поприще литературы, Пушкин имел в виду несколько своих стихотворений, напечатанных в 1817 году в издававшемся П. А. Корсаковым журнале «Северный зритель».

Николай Корсаков поступил в Лицей одиннадцати лет. Он занимал лицейскую «келью» под № 43, с окном (вернее бы сказать, с половиной окна), выходящим на северную сторону. Рядом с ним жил Александр Бакунин, а комнату напротив занимал Иван Малиновский.

Обладая превосходными способностями, Корсаков легко и хорошо учился. Его живое воображение, острый, проницательный ум и особенно «счастливая память» давали ему возможность без особого труда успевать по всем предметам. Литературные занятия старшего брата безусловно повлияли на впечатлительного, одаренного по природе мальчика. А. П. Куницын сетовал на то, что Корсаков мог бы показать наилучшие успехи, если бы был более прилежен. Но пылкий, резвый, разносторонне одаренный мальчик много времени отдавал музыке, литературе. Николай Корсаков из всех соучеников Пушкина, пожалуй, наиболее близко стоял к нему и по своему темпераменту и по значительной природной одаренности. Корсакова и Пушкина связывали любовь к поэзии и живость характеров. В Лицее Корсаков первым стал выпускать рукописный литературный журнал. Это был «Вестник № 1». В 1812 году вышли два журнала — «Для удовольствия и пользы», в котором участвовали Вольховский, Кюхельбекер, Илличевский, Маслов, Яковлев, Есаков, и «Неопытное перо», издателями которого являлись Пушкин, Дельвиг и Корсаков. В этом журнале было помещено стихотворение Пушкина «Роза». В журнал «Лицейский мудрец» Корсаков писал статьи от редакции. Дельвиг был цензором, а Данзас — «типографией». В лицейских журналах проза и стихи появлялись без подписей авторов. Но некоторые стихотворения Корсакова известны, например «Наташа». Особенно интересно стихотворение Корсакова «Нет! Нет!». Это как бы его юношеское кредо:

Ты хочешь, чтоб я вновь пустился,
Любезный друг, в сей шумный свет,
Кричал, гремел и суетился,—
Нет! Нет!

Ты хочешь, чтобы полн отваги,
Наемный будучи Поэт,

Я разум ставил в контр-бумаги, —
Нет! Нет!

Чтоб для ассессорского чину,
Готов был всякому сонет,
Чтоб льстил вельможе-господину, —
Нет! Нет!

Чтоб франтом в общество пустился,
Имел тьму слуг и тьму карет,
Был bel-esprit *, шутил, резвился, —
Нет! Нет!

Ты хочешь, чтобы в глупом споре
Решал все ссоры (игры) пистолет, —
Чтоб был я с разумом в раздоре, —
Нет! Нет!

Но Корсаков в Лицее прославился не как поэт, а как певец, виртуоз игры на гитаре и композитор. В «Пирующих студентах», стихотворении 1814 года, Пушкин называет его «певцом»:

Приблизься, милый наш певец,
Любимый Аполлоном!
Воспой властителя сердец
Гитары тихим звоном.
Как сладостно в стесненну грудь
Томленья звуков льется!..

Николай Корсаков переложил на музыку стихи Пушкина «К Делии». Этот романс распевался воспитанниками на два голоса под аккомпанемент гитары. Он также положил на музыку и другое стихотворение Пушкина — «К Маше», посвященное сестре Антона Дельвига. «Стихи сами по себе очень милы, — вспоминал И. Пущин, — но для нас имеют свой особый интерес. Корсаков положил их на музыку, и эти стансы пелись тогда юными девицами почти во всех домах, где Лицей имел право

* Человек с претензиями на остроумие (франц.).

гражданства». Кроме этого, Корсаковым в 1815 году была написана музыка на произведение А. Пушкина «К живописцу». Этот романс, начинающийся словами «Дитя Харит и вображенья...», пользовался большим успехом в самом Лицее и вне его. Он был поднесен воспитанниками Лицея Е. П. Бакуниной осенью 1815 года, вероятно, в день ее именин, и хранился впоследствии у ее наследников. Получив от них в 1913 году нотный автограф романса, удостоверявший авторство Корсакова, пушкинист Н. О. Лернер передал его в Пушкинский музей Александровского лицея. В 1917 году рукопись поступила в Пушкинский дом. Впервые романс был опубликован в 1936 году в сборнике «Пушкин в романах и песнях его современников».

Получив аттестат об окончании Лицея, похвальный лист № 3 «с правом на серебряную медаль» и чин титулярного советника, Корсаков был определен в коллегию министерства иностранных дел.

В связи с тем что Корсаков не виделся с родителями шесть лет, он получил отпуск домой. Работая в министерстве иностранных дел, Корсаков выдержал трудный экзамен в канцелярию министерства, откуда чиновники распределялись в миссии за границу. Сведений о Корсакове за период 1817—1819 годов, к сожалению, сохранилось мало. Известно, что он принимал участие в сходке 19 октября 1817 года, а также в сходке 19 октября 1818 года на квартире у Пушина. Живя в Петербурге и бывая в Москве, Корсаков сблизился с рядом известных музыкантов и композиторов. Особенно он сдружился с известным впоследствии композитором А. Н. Верстовским. Это была теплая, крепкая, хотя и кратковременная дружба.

Осенью 1819 года Корсакова послали в Рим служить при русской миссии. Перед отъездом Корсаков навестил директора Лицея Е. А. Энгельгардта. Прощаясь с ним,

он оставил в альбоме запись: «Еду в Рим, почтенный и любезный Егор Антонович,— бог знает, вернусь ли,— бог знает, увижу ли опять места, где провел много счастливых и приятных дней под вашим начальством. Теперь могу сказать, не боясь, чтобы слова мои приписаны были каким-нибудь личным видам, что истинные отеческия попечения Ваши и милости ко мне будут записаны по гроб в душевной книге моей, и что до последней минуты будет помнить Вас Вам сердцем преданный Н. Корсаков. 20 ноября 1819 г.». Корсаков словно чувствовал, что никогда не вернется на родину. По-видимому, в нем уже тлела болезнь, которая быстро развилась на чужбине.

26 сентября 1820 года Корсаков умер во Флоренции от чахотки, 20 лет от роду. Писатель В. П. Гаевский, лицеист выпуска 1845 года, со слов Е. А. Энгельгардта, слышавшего об этом от очевидца, описал последние минуты жизни Николая Корсакова: «За час до смерти он сочинил следующую надпись для своего памятника, и когда ему сказали, что во Флоренции не сумеют вырезать русские буквы, он сам начертил ее крупными буквами и велел скопировать ее на камень, вот эта надпись:

„Прохожий, поспеши к стране родной своей!
Ах! Грустно умирать далеко от друзей!“.

Смерть юного Корсакова, погибшего на чужбине, потрясла бывших воспитанников Лицея. Пушкин трагически воспринял известие о смерти друга. Памяти Николая Корсакова поэт посвятил стихотворение «Гроб юноши», полное безысходного чувства утраты: «Сокрылся он, любви, забав питомец нежный...»

Н. А. Корсаков был одним из самых даровитых, блестящих молодых людей первого выпуска и, как отметил в своем дневнике М. Корф, не только прекрасный

музыкант, но приятный и острый собеседник, «напитанный учением, которое давалось ему очень легко, с даром слова и пера». Прошли годы, но смерть юного талантливого Николая Корсакова всегда больно отзывалась в сердцах его лицейских друзей. Особенно горькой была эта утрата для А. С. Пушкина, ценившего Корсакова как одаренного человека и прекрасного товарища. В стихотворении, посвященном празднованию лицейской годовщины 19 октября 1825 года («Роняет лес багряный свой убор...»), поэт вспоминает его:

Он не пришел, кудрявый наш певец,
С огнем в очах, с гитарой сладкогласной:
Под миртами Италии прекрасной
Он тихо спит, и дружеский резец
Не начертал над русскою могилой
Слов несколько на языке родном,
Чтоб некогда нашел привет унылый
Сын севера, бродя в краю чужом.

Е. А. Энгельгардт 30 августа 1835 года сообщал В. Д. Вольховскому: «Вчера я имел от Горчакова письмо и рисунок маленького памятника, который поставил он бедному нашему трубадуру Корсакову, под густым кипарисом близ церковной ограды во Флоренции. Этот печальный подарок меня очень обрадовал».

Жизнь Алексея Дамиановича Илличевского словно делится на два неравнозначных периода.

Илличевский в Лицее... Юноша, подающий блестящие надежды, остроумный, веселый, талантливый

рисовальщик, лицейский поэт, соревнующийся в стихотворстве с Пушкиным. Илличевский пользуется уважением, признательностью и дружеским расположением товарищей по Лицею. Илличевского, как многим кажется, ждет известность.

И Илличевский после окончания Лицея... Человек, не нашедший себя, казалось, изживший себя еще в Лицею и как поэт и как литератор. Заметнее стала его желчность, раздражительность. Зародилась хандра, плохо скрываемаемая неудовлетворенность жизнью. Иногда он трезво оценивает себя, и это дорого стоит его самолюбия. Возникает внутренняя пустота.

Самого Илличевского и его друзей подчас удивляло затянувшееся молчание такой прежде счастливой его музы. Но рождение сборника стихов не принесло ни славы, ни откликов, осталось почти незамеченным... Скромный поэт, почти забытый и вспоминаемый лишь тогда, когда речь заходит о Лицею, о Пушкине.

Впрочем, был ли в юности на самом деле столь талантлив Илличевский, как представлялось многим его товарищам по Лицею? Действительно ли юношеское увлечение стихосложением давало большие надежды на будущее? О лицейской музе Илличевского А. С. Пушкин писал в статье, посвященной памяти своего любимого друга А. А. Дельвига. Он сравнивал двух лицейских поэтов — Дельвига и Илличевского, не указывая имени последнего. Пушкин писал, что природная одаренность, «живость воображения», «прекрасный талант» «вдохновенного юноши» — Дельвига не нашли ни должной оценки, ни поклонников в лицейские годы, «между тем как стихи одного из его товарищей, заметные только по некоторой легкости и чистоте мелочной отделки, в то же время были расхвалены и прославлены как чудо!» Ранняя слава и преувеличение окружающими возможностей

А. Илличевского зародили в юноше неоправданные надежды.

О чрезмерных и неосторожных похвалах, возданных Илличевскому, писал в 1816 году чуткий, тонкий и прозорливый педагог Е. А. Энгельгардт. М. Корф, характеризуя Илличевского как человека с «явно желчным и завистливым характером», отмечая его острый ум и большое дарование к эпиграмме, не без иронии сказал об Илличевском, что «хотя при смерти его в журналах назвали «известным нашим литератором», однако известность эта умерла вместе с ним...»

В некоторых литературных источниках и документах Алексея Дамиановича Илличевского ошибочно называли Александром, а отчество почти во всех материалах — Демьянович. Отец Илличевского, Дамиан Васильевич, близко знал М. М. Сперанского и И. И. Мартынова, с которыми обучался в С.-Петербургской Александро-Невской семинарии*. По ходатайству Сперанского отец Илличевского в 1812 году был назначен томским губернатором.

По рекомендации Сперанского и Мартынова тринадцатилетний Алексей Илличевский поступил в Лицей, до этого он учился в С.-Петербургской губернской гимназии, где считался отличным учеником. В Лицее Илличевский занимал комнату № 17, рядом с Павлом Гревеницем и Дмитрием Масловым. Но близкой дружбы между ними не возникло.

Еще в гимназии Илличевский начал писать стихи и мечтал стать поэтом. Его «страсть к поэзии» отмечали преподаватели Лицея. Весьма одаренный живым воображением, склонностью к поэзии, будучи начитан в российской словесности, он особенно в Лицее начал заниматься ею «с похвальным успехом». Отличные успехи его во

* С 1797 года стала духовной академией.

французской словесности отмечал профессор де Будри. Интересно, что первым учеником по своему предмету Будри поставил в 1812 году Горчакова, вторым — Пушкина, причем, характеризуя Пушкина, писал, что тот стал прилежнее, и успехи его постоянны, а характеризуя Горчакова, отметил: «исправился в тщеславии». Третьим учеником он считал Алексея Илличевского. Надзиратель М. Пилецкий отметил в Илличевском самолюбие, своеобразие, «примерное пренебрежение к другим, которых он вообще мало ценит», властолюбие, неуступчивость, «крутой нрав», но что «примечаемое в нем чувство к добродетели может служить надежным залогом будущего его усовершенствования». Любопытно, что все преимущества Илличевского в поэзии и словесности перед некоторыми другими воспитанниками пронизательный М. Пилецкий еще в 1812 году считал мнимыми. В 1813 году гувернер и учитель рисования Чириков, характеризуя Илличевского, отмечал его своенравность, вспыльчивость и «особенную страсть к поэзии».

Илличевский был весьма способным рисовальщиком, ему особенно удавались карикатуры. В Лицее хорошо рисующих мальчиков было много: Пушкин, Вольховский, Кюхельбекер, Данзас, Костенский, Мартынов и другие. До наших дней сохранились рисунки воспитанников Лицея (1812—1813 годы). Рисунки эти некогда принадлежали тетке Ивана Малиновского Анне Андреевне Самборской. Ежегодно летом она жила на даче Александрово (под Царским Селом близ Павловска, там, где находился увеселительный сад Александрово). Товарищи Ивана Малиновского часто бывали у нее в гостях. Благодарные за радушие и сердечную теплоту, они одаривали ее своими рисунками, которые, как реликвия, бережно сохранялись в семье Малиновских. В настоящее время они находятся во Всесоюзном музее А. С. Пушкина. К рисункам имеется текст, написанный

кем-то из семьи Малиновских: «Рисунки воспитанников Лицея 1-го курса, подаренные ими в знак памяти Анне Андреевне Самборской, которая всегда радушно принимала всех и не раз угощала их на даче Александровке, где в последний раз перед кончиною своею проводил лето отец ее Андрей Афанасьевич Самборский в 1815-м году». Разглядывая эти рисунки, можно сказать: какие талантливые мальчики учились в Лицее и как хорошо было поставлено там обучение рисованию! Понятно, что Чириков не выделяет среди своих учеников Илличевского.

Илличевский, или «Олесенька», как ласково называли его товарищи, активно участвовал в лицейских журналах: он делал переводы, писал стихи, острые и колючие эпиграммы на товарищей, преподавателей и на события лицейской жизни, снабжая все это едкими карикатурами. Особенно от него доставалось Мясоедову и Кюхельбекеру, которых он изображал часто и весьма зло.

Развитию литературного творчества воспитанников Лицея безусловно способствовал профессор Н. Ф. Кошанский, который сам писал стихи. Он часто давал в классе темы для рассказов и стихов, так называемые «Опыты в стихах и прозе». Из воспоминаний И. И. Пущина известно, что Кошанский как-то, окончив лекцию, сказал воспитанникам: «Теперь, господа, будем пробовать перья! Опишите мне, пожалуйста, розу стихами». «Наши стихи вообще не клеились,— писал Пущин,— а Пушкин мигом прочел два четверостишия, которые всех нас восхитили». Конечно, Илличевский принимал участие в описании розы, но победил Пушкин. Позже лицейские товарищи Пушкина припоминали, что еще до «Розы» Пушкин и Илличевский состязались на тему «Рыцарские баллады», в подражание Жуковскому. Воспитанники даже разделились на две партии. Одни считали, что пальму первенства надо отдать Пушкину,

которого сравнивали с поэтом Дмитриевым. Другие выдвигали Илличевского, которого называли Державинным. Но вскоре всем стало ясно, что Пушкин победил, и Илличевский сам признал не только поэтическое первенство Пушкина в Лицее, но и предвещал ему славу.

Алексей Илличевский в 1814—1815 годах много пишет и печатается в «Вестнике Европы», в «Российском музеуме», где помещает эпиграммы, стихи, переводы (с немецкого и французского) и повесть «Невидимка, или Таинственная женщина». Илличевский работает и для театра — переводит пьесы. В лицейском журнале «Юные пловцы» была помещена ода Илличевского «Освобождение Белграда». Поправки к оде сделал Н. Ф. Кошанский, который старался придать стихам высокую торжественность. Сюжет оды взят из известного летописного предания о чудесном избавлении Киевского Белгорода от печенегов (997 год). Другая ода Илличевского — «На взятие Парижа» — была написана в духе ломоносовских и державинских од. В ней отражены патриотические чувства, охватившие всех воспитанников Лицея в связи с Отечественной войной 1812 года.

Обладая большими способностями, Илличевский учился хорошо. Во время детских игр, преимущественно военных, Илличевский всегда первенствовал, командовал, считался «генералом от инфантерии». В его эпиграммах было подчас много яда, а в карикатурах — и подавно. Воспитанники тоже не оставались в долгу и в своих «национальных песнях» писали про «Олесеньку»:

Поэт с горбом
Сидит *крючком*
И эпиграммы точит...

Сохранились также стихи «Хор по случаю дня рождения А. Д. Илличевского». Неизвестно, кто их написал и в каком году, но, по-видимому, это коллективное

сочинение последних лицейских лет. В нем шутивно высмеивается Илличевский как поэт-честолюбец:

Хор.

Слава, честь лицейских муз,
О, бессмертный Илличевский!
Меж поэтами ты туз!
Все гласят тебе лицейски
Криком радостным: «виват!
Ты родился — всякий рад!»

Певец.

Ты родился, и поэт
Нового увидел мир,
Ты рожден для славы света,
Меж поэтов — богатырь!
Пой, чернильница и перья,
Лавка, губка, мел и стол,
У него все подмастерья,
Мастеров он превзошел!

Затем опять вступает хор, который повторяет первый куплет, и снова вступает певец и так далее.

Илличевский и Пушкин сохраняли в Лицее товарищеские, но нельзя сказать, что близкие отношения. Пушкин ценил острый ум Илличевского, его дар воображения и художественные способности. В 1815 году Александр Пушкин в стихотворении «К живописцу» обратился к Илличевскому как к прекрасному рисовальщику, прося его создать портрет «друга сердца»:

Дитя Харит * и вображенья,
В порыве пламенной души,
Небрежной кистью наслажденья
Мне друга сердца напиши...

И. И. Пущин в своих записках говорил, что Пушкин имел здесь в виду Екатерину Павловну Бакунину и что

* Богини красоты, радости, спутницы Афродиты и Диониса — бога вина и веселья, покровителя виноградарства (греч. миф.).

эти стихи явились выражением «не одного только его (Пушкина.— *Авт.*) страдавшего тогда сердечка!..» Илличевский ответил Пушкину стихотворением «От живописца», где писал о невозможности «постичь красу» девушки, перед совершенством которой «повергает Искусство кисть свою»:

Амур всего удачей пишет
В сердцах твой милый вид,
А страсть, которой сердце дышит,
Навек его хранит.

Екатериной Бакуниной был увлечен и Илличевский. Многие из его стихотворений того периода обращены к ней.

В стихотворении «К прелестной», написанном осенью 1816 года после отъезда Бакуниной из Царского Села, где она жила с матерью, в Петербург, есть такие поэтически тонкие строки:

О миг боготворимый
Влюбленную душой.
Увы! невозвратимый
Всех дней моих ценой.
Останься незабвенным
Ты в памяти моей,
Как в сердце, ею пленном,
Сафир ея очей.

Существует и иной вариант этого стихотворения под названием «К Надежде», в котором дано правильное написание слова «сапфир».

В Лицее Илличевский пользовался уважением, вниманием товарищей и был дружен с Кюхельбекером, Дельвигом, Матюшкиным. Покидая Лицей, Дельвиг и Кюхельбекер написали ему в альбом свои стихи. Вильгельм Кюхельбекер обратился к Илличевскому:

Прощай, товарищ в классе!
Товарищ за пером!
Товарищ на Парнасе!
Товарищ за столом!
Прощай, и в шуме света
Меня не позабудь,

Не позабудь поэта,
Кому ты первый путь,
Путь скользкий, но прекрасный,
Путь к музам указал.

В свою очередь Илличевский также записал в альбом товарищей прощальные стихи. Иван Пущин вспоминал о стихах Илличевского, посвященных ему: «Илличевского стихов не могу припомнить; знаю только, что они кончались рифмой на Пущин. Это было очень оригинально».

Говоря об Илличевском, о его творчестве, о его взглядах на жизнь, на друзей, на будущее, нельзя обойти молчанием его переписку с П. Н. Фуссом, известным впоследствии математиком и непременным секретарем Академии наук. Илличевский и Фусс учились вместе в гимназии. После поступления в Лицей Илличевский с первых же дней начал переписку со своим приятелем, и она продолжалась в течение шести лет.

Если известность Илличевского как литератора умерла вместе с ним, то письма его к Фуссу, написанные в лицейские годы, являются весьма драгоценными для изучения истории Лицея пушкинского периода и ярко свидетельствуют о кипучей творческой жизни воспитанников. Письма по-своему интересны и в литературном отношении, являясь эпистолярным памятником своего времени. Написанные легко, живо, порой остроумно, они полны метких умозаключений, характеристик, критических замечаний. Хороши письма и по слогу, и по стилю. Они дают представление об Илличевском как об

умном, талантливом и прозорливом юноше, с чистым и благородным сердцем.

Особенный интерес представляют письма Алексея Илличевского, связанные с именем Пушкина и рассказывающие о литературных занятиях воспитанников. В письме к Фуссу от 25 марта 1812 года Илличевский высказывает свое отношение к Пушкину: «Что касается до моих стихотворческих занятий, я в них успел чрезвычайно, имея товарищем одного молодого человека (Пушкина.— Авт.), который, живши между лучшими стихотворцами, приобрел много в поэзии знаний и вкуса (не правда ль тебе это последнее имя неизвестно?), и, читая мои прежние стихи, вижу в них непростительные ошибки. Хотя у нас, правду сказать, запрещено сочинять, но мы с ним пишем украдкою...»

Запрещение писать стихи было вызвано всеобщим увлечением стихосложением, так что одно время это отразилось на учении. Но через месяц запрещение было снято, и Илличевский писал Фуссу: «Скажу тебе новость: нам позволили теперь сочинять, и мы начали периоды; вследствие чего посылаю тебе две мои басни...» Из письма к Фуссу от 10 декабря 1814 года: «...чтение питает душу, образует разум, развивает способности; по сей причине мы стараемся иметь все журналы — и впрямь получаем: *Пантеон*, *Вестник Европы*, *Русской Вестник* и пр. Так, мой друг! и мы также хотим наслаждаться светлым днем нашей литературы, удивляться цветущим гениям Жуковского, Батюшкова, Крылова, Гнедича. Но не худо иногда подымать завесу протекших времен, заглядывать в книги отцов отечественной Поэзии, Ломоносова, Хераскова, Державина, Дмитриева; там лежат сокровища, из коих каждому почерпать должно. Не худо иногда вопрошать певцов иноземных (у них учились предки наши), беседовать с умами Расина, Вольтера, Делиля и, заимствуя от них красо-

ты неподражаемая, переносить их в свои стихотворения».

13 января 1815 года состоялся переходный экзамен с младшего курса на старший. Пушкин впервые публично читал свое стихотворение «Воспоминания в Царском Селе». О событиях этого дня Илличевский пишет Фуссу 25 февраля 1815 года весьма лаконично; в письме нет ни слова о поэтическом триумфе Пушкина. Без сомнения, он глубоко огорчен тем, что ему не дали возможности выступить со своим стихотворением.

С 1814 года воспитанники Лицея начинают печатать свои сочинения в известных журналах «Российский музей», «Вестник Европы» и в других. 28 ноября 1815 года по этому поводу Илличевский сообщал Фуссу: «Наш Лицейский воспитанник *Кюхельбекер* написал на немецком языке рассуждение *О древней Русской поэзии*, которое, как я думаю, также будет напечатано,— воскликнем же с тобой вместе: хвала Русскому языку и Русскому народу!»

Через год, 16 января 1816 года, Илличевский писал другу: «Кстати, о Пушкине: он пишет теперь комедию в пяти действиях, в стихах, под названием *Философ*. План довольно удачен — и начало: то есть 1-е действие, до сих пор только написанное, обещает нечто хорошее, — стихи и говорить нечего, а острых слов — сколько хочешь! Дай только бог ему терпения и постоянства, что редко бывает в молодых писателях; они то же, что мотыльки, которые недолго на одном цветке покоятся, — которые также прекрасны и также, к несчастью, непостоянны; дай бог ему кончить ее — это первый большой *ouvrage* *, начатый им, — *ouvrage*, которым он хочет открыть свое поприще по выходе из Лицея. Дай бог ему успеха — лучи славы его будут отсвечиваться

* Труд (франц.).

в его товарищах (разрядка авт.)». Эти искренние слова Илличевского стали пророческими. Умный, проницательный Алексей Илличевский по достоинству оценил раскрывшийся поэтический гений Пушкина.

Из письма Илличевского Фуссу от 20 марта 1816 года: «Посылаю тебе... две *гусарские* пьесы* нашего Пушкина — гусарские потому, что в них дело идет о гусарах и о их принадлежностях. Обе прекрасны! — Почитай их... Как же это ты пропустил случай видеть нашего Карамзина — бессмертного Историографа Отечества? ...Мы надеемся, однако ж, что он посетит наш Лицей, и надежда наша основана не на пустом. Он знает Пушкина и им весьма много интересуется; он знает также и Малиновского... Признаться тебе, до самого вступления в Лицей я не видел ни одного писателя, но в Лицее видел я Дмитриева, Державина, Жуковского, Батюшкова, Василия Пушкина и Хвостова. Еще забыл: Нелединского, Кутузова, Дашкова...»

Писатели приезжали в Лицей и ради Пушкина — слава юного поэта вышла за пределы Лицея. Пушкина называли чудотворцем, Пушкиным восхищались, видя в нем восходящую звезду на литературном небосклоне. Илличевский почувствовал, а затем ясно увидел, что в поэтическом соревновании уступил Пушкину, и принял это, как истинный талант, без малейшей зависти и желчи.

Илличевский окончил Лицей с чином коллежского секретаря (этот чин получил также и Пушкин) и поступил на службу в министерство финансов. Выбор этот был странен, так как Илличевский не любил математику и точные науки и еще в Лицее шутливо писал, что Урания** — «чадо темное», «наука необъятная»,

* Стихотворения «Слеза» (1815 г.) и «Усы» (1816 г.).

** Муза астрономии (*греч.*). Здесь имеется в виду все связанное с математической наукой.

«премудрость непостижимая», «глубина неизмеримая».

Илличевский много печатается. Он помещает в «Северном наблюдателе» свои подчас остроумные, подчас плоские эпиграммы и анекдоты, по-видимому, написанные еще в лицейские годы. Вскоре Илличевский уезжает в Сибирь к отцу — томскому губернатору. Там продолжает службу, вначале при отце, затем при сибирском генерал-губернаторе М. М. Сперанском, известном государственном деятеле, который стоял у колыбели Царскосельского лицея, являясь автором проекта его устава. Дельвиг напутствовал его длинным посланием «К Илличевскому (В Сибирь)»:

Будь счастлив, друг! не забывай
Веселых дней очарованья
И резвых спутников твоих!

В 1821 году Илличевский возвратился в Петербург. Вся дальнейшая жизнь Илличевского небогата событиями. Правда, он видится с лицейскими товарищами, бывает на литературных вечерах Дельвига, где знакомится с замечательным польским поэтом Адамом Мицкевичем. Появляется также в известном литературном салоне С. Д. Пономаревой и отдает дань ее обаянию. Бывает и в доме А. П. Керн, которой он увлечен, и в доме сестры Пушкина О. С. Павлищевой, где собирались товарищи Н. И. Павлищева по Царскосельскому лицейскому благородному пансиону, друзья и знакомые, в числе их А. А. Дельвиг, М. И. Глинка, С. А. Соболевский. Но современники отмечали, что сам Илличевский как-то померк, стал раздражительным, остроумие его потускнело.

В 1822 году лицейская сходка состоялась на квартире у Илличевского на Фурштадтской улице, в доме Апрелева, в Литейной части № 548 (ныне участок дома 23 по

улице Петра Лаврова. Деревянный дом не сохранился). Пушкина не было, он находился в ссылке. Илличевский и Дельвиг читали свои стихи. Илличевский сочинил экспромт:

Здесь все мы: из Литвы, Сибири,
Из-за Бухарии степей,
Так ныне на моей квартире
Возобновляется лицей.

Дельвиг ответил также экспромтом, который записал М. Яковлев:

Что Илличевский не в Сибири,
С шампанским кажет нам бокал,
Ура друзья! В его квартире
Для нас воскрес лицейский зал.

Пушкин в 1827—1828 годах подарил Илличевскому вторую главу «Евгения Онегина», сделав на обложке ее дарственную надпись: «Другу Олесеньк(е) от Француза».

В 1827 году Илличевский издает книгу своих стихотворений «Опыты в антологическом роде...». Вышедшая в свет книга (изящно оформленная, с виньеткой В. Лангера) не осталась не замеченной лицейскими товарищами. Яковлев писал в Тифлис Вольховскому 5 мая 1827 года: «Илличевский выдал Опыты в антологическом роде. Много острого. Намекну и ему, чтобы переправить экземпляр в Тифлис».

В этом сборнике стихотворений Илличевский дал себе как поэту весьма скромную оценку:

Счастлив, кто на чреде блестящей,
Водимый гением, трудится для веков;
Но змеи зависти шипящей
Тлетворный точат яд на лавр его венков;
Я для забавы пел, и вздорными стихами
Не выпрошу у Славы ни листка,
Пройду для Зависти неслышными шагами
И строгой Критики не боюсь свистка:

Стрела, разящая орла под облаками,
Щадит пчелу и мотылька.

Илличевский писал и прозой. В 1829 году вышла его повесть «История булавки». Печатался в различных журналах и альманахах. Но он так и не создал ничего значительного.

Портреты Илличевского неизвестны, но, по-видимому, он был некрасив. 23 октября 1832 года Энгельгардт писал Матюшкину: «Илличевский, как и прежде, подобно избушке на куричьих ножках, верхом толст, а низом щедровит, деловой начальник отделения...» Илличевский служил тогда столоначальником в департаменте государственных имуществ.

В 1836 году пушкинский выпуск праздновал 25-летие Лицея. На этой сходке присутствовали в последний раз Пушкин и Илличевский.

Илличевский умер от паралича в Петербурге восемь месяцев спустя после трагической гибели Пушкина и был похоронен на Георгиевском кладбище (Большая Охта).

Константин Данзас

Печальна известность имени Данзаса, секунданта Пушкина. Он был рядом с поэтом, когда разыгралась трагедия на Черной речке. Этот роковой день стал роковым и для Данзаса, сказавшись на всей его дальнейшей жизни.

Константин Карлович родился в 1801 году. Он был сыном генерал-майора, происходившего из дворян Курляндской губернии. Относительно года рождения Данзаса существуют разные сведения: в военном формуляре

Данзаса записано, что Царскосельский лицей он окончил девятнадцати лет, следовательно, год рождения его 1798; в некрологе же Данзаса говорится, что умер шестидесяти девяти лет от роду (1870 год), то есть соответственно родился он в 1801 году. Тот же год указан и в лицейских записях. Первоначальное образование он получил в Московском университетском пансионе. Экзамен в Лицей выдержал отлично, но в дальнейшем был в числе слабых учеников. Суровую характеристику Данзасу дал А. П. Куницын, ставя его в 1812 году в группу посредственных учеников. «Нельзя сказать, чтобы не имел способностей, но свойственная ему мешковатость, вялость, неловкость и притом и леность, делают их бесплодными. Он требует неусыпного понуждения и поощрения к учению», — писал надзиратель М. Пилецкий, но отмечал, что «особенно приметна в нем художественная способность и подражательность».

Рыжеволосый, «со вздернутыми бровями», Данзас не был примерным учеником. 7 марта 1813 года в журнале поведения записано: «Г. Данзас за невнимательность и разговаривание в классе с г. Ржевским был посажен г. проф. Гауеншильдом за черный стол», и 13 июня того же года: «Воспит. Гурьев и Данзас не слушали лекции г. Куницына; первый занимался чистописанием, а второй оборачивался назад и делал странные гримасы».

Е. А. Энгельгардт в начале 1816 года отмечает, что «его неизящный вид дает повод к поддразниваниям, на которые он обычно отвечает сердитым криком и кулачной расправой», а «убедить его в том, что он когда-нибудь бывает неправ — невозможно», так как «обычно в подобных случаях он утверждает, что все несправедливости к нему, разгорячается с каждым словом всё больше и позволяет себе при таких припадках, которые довольно быстро переходят в бешенство, большую грубость по отношению даже к надзирателям». Удивляясь,

директор добавляет: «Как ни странно, в нем довольно много склонности к искусству».

Действительно, Данзас был шумный, живой, вспыльчивый и, видимо, драчливый мальчик, но в то же время отличался добродушием. Он прекрасно рисовал и имел каллиграфический почерк. Принимал живое участие в лицейских журналах и в одном из них поместил статью «Осада Данцига», за что и получил от товарищей прозвище «Осада Данцига». Второе — «Медведь» — по-видимому, дано ему было за мешковатость и мальчишескую неуклюжесть. Вместе с Дельвигом Данзас издавал журнал «Лицейский мудрец», где, по словам Матюшкина, вся проза принадлежала Данзасу. В этом журнале, страницы которого, кстати, были заполнены его аккуратным почерком, Данзас бранил лицейских «поэтов» и «писателей» за то, что они не дают «в печать» своих сочинений, и грозил им, что если это будет продолжаться и «Карамзины не развернутся» и не пришлют ему «каких-нибудь смешных разговоров», то он намеревается «натереть ядом листочки «Лицейского мудреца», то есть усыпительной балладой г. Гезеля» — Вильгельма Кюхельбекера. Товарищи не оставались в долгу и в «национальной песне» под названием «Мудрец» о Данзасе писали:

Умом был прост, глупенек был душою,
Но он любил журналы издавать.
Увы! Как нам не вспоминать!
Он одой всех смешил одною.
И рано Гению конец!
Друзья! восплачем над могилой,
Он был медведь,— но мишка милой.

В архиве Пушкинского дома хранится журнал «Лицейский мудрец», издававшийся в «типографии» Данзаса. Журнал иллюстрирован карикатурами Илличевского. На одной из них изображена «Охота»: Броглио со

шпагой, Корнилов с саблей, Мартынов с кинжалом и Комовский с ружьем нападают на Медведя — Данзаса. Общительный и добрый товарищ, Данзас был со всеми в хороших отношениях. Между Данзасом и Пушкиным особенной близости никогда не было, но поэт относился к Данзасу всегда весьма доброжелательно. Комната Константина Данзаса — № 29 — была рядом с комнатой Александра Горчакова.

Здесь уместно сказать несколько слов о брате Данзаса Борисе Карловиче, который поступил в Лицей в 1817 году, когда в дополнение к поступившим в 1815 году приняли еще четырех человек, чтобы общее число воспитанников на курсе стало двадцать пять. Б. К. Данзас окончил Лицей с серебряной медалью в 1820 году. Все бывшие соученики К. К. Данзаса любили его брата, считали «совершенно своим по чувствам». Он не раз принимал участие в их лицейских сходках. В 1825 году Б. К. Данзас, как и его ближайший товарищ по Лицею Н. Н. Молчанов, был привлечен по делу 14 декабря 1825 года.

По окончании Лицея Константин Данзас был выпущен в армию, в Инженерный корпус. В 1823 году в чине подпоручика был отправлен на Кавказ в действующую армию. Кстати, из Лицея, по желанию воспитанников, на военную службу, в гвардию и армию, было направлено двенадцать человек. Выпущенные в гвардию приравнивались к титулярным советникам, в армию — к коллежским секретарям. Данзас участвовал в военных походах против персов и турок. В 1828 году в сражении под Браиловым он был ранен в левое плечо ружейной пулей навывлет, «с раздроблением нижней части лопаточной кости». От этого ранения он долго не мог оправиться и носил левую руку на повязке. В сражениях Данзас проявил себя как отважный боевой офицер и получил золотое оружие с надписью: «За храбрость».

Энгельгардт писал Матюшкину: «Данзас рыжий, который, впрочем, уже теперь сделался темно-бурым, недавно получил к своему Владимиру с бантом еще золотую шпагу за храбрость».

По словам современников, Данзас был весельчак по натуре, имел совершенно французский склад ума, любил острить и сыпать каламбурами. Бывая проездом в Петербурге, Данзас неоднократно встречался с Пушкиным. Принимал участие в праздновании лицейских годовщин 1831, 1832, 1834 и 1836 годов. Когда отмечалось 25-летие Лицея, собралось одиннадцать первенцев его, среди них был и Данзас. В этот день никто из них не смог бы представить себе, что в скором времени Пушкина не станет.

По воспоминаниям Данзаса известно, что в день дуэли, 27 января 1837 года, он, проходя по Пантелеймоновской улице (ныне улица Пестеля), встретил Пушкина, ехавшего в санях. Поэт предложил Данзасу последовать с ним во французское посольство и быть свидетелем одного разговора. Данзас, не говоря ни слова, сел в сани к Пушкину, и они поехали. По дороге поэт говорил о посторонних вещах и только во французском посольстве, когда шел разговор с д'Аршиаком, перешел к делу и, обращаясь к д'Аршиаку, представил Данзаса, сказав: «Вот мой секундант». Затем он обратился с вопросом к Данзасу: «Вы согласны?» — и получил утвердительный ответ. По-видимому, он ожидал такого ответа. Оставив Данзаса с д'Аршиаком выработать условия поединка, Пушкин уехал. Дуэль должна была состояться в тот же день в пятом часу пополудни. Времени было слишком мало, чтобы все здраво оценить и до конца продумать. Оговаривая условия дуэли с д'Аршиаком, покупая револьверы, Данзас еще не мог достаточно отчетливо и трезво представить себе, что кончиться она может трагически...

Данзасу предстояло быть и вестником горя. Он должен был первым сказать жене Пушкина о случившемся. Данзас, единственный из лицейских товарищей Пушкина, два дня не отходил от поэта, видел его агонию. Пушкин потребовал от Данзаса никому не мстить за его смерть. Зная о том, что грозит Данзасу за участие в дуэли, умирающий поэт просил через доктора Арендта помилования Данзасу: «Просите за Данзаса, за Данзаса, он мне брат».

В. А. Нащокина вспоминала, что незадолго до смерти поэта ее муж П. В. Нащокин заказал сделать два одинаковых золотых колечка с бирюзой. Одно из них он подарил Пушкину, а другое носил сам, как «талисман, предохраняющий от насильственной смерти». Когда же Пушкин после роковой дуэли лежал на смертном одре и к нему пришел Данзас, то умирающий попросил Данзаса подать небольшую шкатулку и, вынув из нее это кольцо, передал его Данзасу, сказав: «Возьми и носи это кольцо. Мне его подарил наш общий друг, Нащокин. Это — талисман от насильственной смерти». Впоследствии Данзас в большом горе рассказал Нащокиной, что он много лет не расставался с этим кольцом, но однажды в Петербурге, в сильнейший мороз, расплачиваясь с извозчиком на улице и снимая перчатку с руки, он обронил это кольцо в сугроб. Как ни искал его Данзас вместе с извозчиком и дворником, найти так и не смог.

Один из современников Данзаса М. М. Михайлов писал: «На следующий день кончины Александра Сергеевича я решился очень рано утром войти к нему; вход был со двора... в прихожей никого; то же самое в довольно обширном зале — окнами на канаву; направо в небольшой комнате — покойный на столе, в черном сюртуке; возле него — один-одинехонек полковник Данзас. „Вы здесь, Константин Карлович, — сказал я ему. — Нет! — отвечал он... — я не здесь, я на гауптвахте“».

Известно, что немедленно после поединка Данзас был арестован, с разрешением не покидать покойного друга до погребения. Жена Пушкина письмом просила царя ввиду ее болезни дозволить Данзасу проводить тело ее мужа до могилы. Царь отказал ей, так как Данзас привлекался к военному суду за участие в дуэли. По закону Данзас должен был донести о предстоящем поединке, но «не донес заблаговременно начальству о предпринимаемом ими злом умысле и тем допустил совершиться дуэли и самому убийству, которое отклонить еще были способны». Данзас должен был дать объяснение о случившемся. 14 февраля 1837 года Данзас обращается к презусу* при Военно-Судной комиссии флигель-адъютанту лейб-гвардии конного полка полковнику Бреверену с рапортом. В этом очень мужественном и достойном рапорте Данзас излагал причину, по которой Пушкин вынужден был обратиться именно к нему.

Как отмечает Данзас, Пушкин, которого все близкие знали «по высокому благородству души его», не хотел «вовлечь в ответственность по своему собственному делу никого из соотечественников» и искал в секунданты иностранца, который бы не нес за это столь сурового наказания, и только не найдя его, он решился просить Данзаса «как товарища и друга с детства, на самоотвержение которого он имел более право считать». И Данзас заключал: «После всего что я услышал у г. Д'Аршиака из слов Пушкина, хотя вызов был со стороны г. Геккер-на, я не мог не почитать избравшего меня в свидетели тяжко оскорбленным в том, что человек ценит дороже всего в мире: в чести жены и собственной: оставить его в сем положении показалось мне невозможным, я решился принять на себя обязанность секунданта».

* Так назывался председатель военного суда до военно-судебной реформы 1867 года.

Данзаса приговорили «по долгу верноподданного, не исполнившего своей обязанности, по силе 140-го воинского артикула» — повесить. Таким было первое постановление суда. Оно должно было пройти несколько инстанций. Постепенно приговор изменялся. Второй суд постановил: лишить Данзаса дворянства, чинов, золотого оружия «За храбрость» и разжаловать в солдаты. Но ввиду беспорочной девятнадцатилетней службы Данзаса, имевшего ранения в боях и получившего высокие награды, суд окончательно решил — выдержать его под арестом в крепости на гауптвахте два месяца, а после того «обратить по-прежнему на службу».

По существу была разыграна жестокая комедия. Николай I через Бенкендорфа мог знать о предстоящей дуэли. Бенкендорфу было заранее сообщено, что дуэль состоится на Черной речке, но он послал драгун, которые должны были пресечь дуэль, в противоположном направлении. Друг Пушкина П. В. Нащокин считал, что «Данзас мог только аккуратнейшим образом размерить шаги до барьера, да зорко следить за соблюдением законов дуэли, но не только не сумел бы расстроить ее, но даже обидел бы Пушкина малейшим возражением».

В 1838 году Данзас, не поладивший с начальством, был направлен в действующую армию на Кавказ, в Тенгинский пехотный полк. Там под его началом служил поэт М. Ю. Лермонтов. В 1839 году, находясь под командою давнего друга Пушкина Н. Н. Раевского, он участвовал в боях, возводил укрепления, форты. Близко знавшие Данзаса отмечали, что это был отличный боевой офицер и светски воспитанный человек. Весельчак по натуре, весьма остроумный, он любил иногда, отдавая дань старым традициям, «притворяться повесой». К. К. Данзас пользовался любовью товарищей, иногда над ним подсмеивались, называя его «вечным полковником». В боевой обстановке проявляя необузданную

храбрость, он в мирное время к своей службе относился «беспечно и индифферентно», и потому начальство не давало ему «хода по службе». На Кавказе Данзас встретился с декабристами, отбывавшими каторгу в Сибири и теперь служившими рядовыми в действующей армии. Декабрист Н. И. Лорер в своих записках отмечал, что подобной храбрости и хладнокровия, какими обладал Данзас, ему не случалось встречать в бою, несмотря на свою долговременную военную службу. Бывало, с своей повязанной рукой Данзас стоит на возвышении «открытый граду пуль, которые как шмели жужжат и прыгают возле него», а он «говорит остроты, сыплет каламбуры». На замечание, что напрасно он стоит на самом опасном месте, Данзас отвечал: «Я сам это вижу, но лень сойти». Лорер считал Данзаса замечательным человеком, хотя и большим оригиналом, и отмечал, что его все любили. Прямодушный характер Данзаса не мешал ему иметь вместе с тем саркастический взгляд на людей и вещи. Современники вспоминали, что Данзасу предлагали не раз «теплые, хлебные места», но он, пренебрегая житейскими расчетами, всегда отказывался, считая себя не способным к большим должностям. В 1857 году Данзас вышел в отставку в чине генерал-майора.

После амнистии, когда И. И. Пущин прибыл в Петербург, Данзас приехал к нему. Они много и долго говорили. Данзас первым через столько лет донес до Пущина предсмертный голос друга: «Как жаль, что нет теперь здесь ни Пущина, ни Малиновского, мне бы легче было умирать».

И с кем бы Данзас ни встречался, о чем бы ни говорил, всегда разговор переходил на обстоятельства дуэли и кончины Пушкина. Все последующие годы не зачеркнули для Данзаса острого отчаяния той минуты, когда раненый Пушкин упал на снег, обогрив его кровью.

Смерть поэта как бы бросила тень на жизнь Данзаса. «В последнее время он приобрел особенную известность, был секундантом в несчастной дуэли Пушкина», — писал М. Корф. Печальной и горькой была для Данзаса эта «известность». Жизнь словно потеряла в глазах его всякую ценность.

Данзас не имел семьи. Из петербургских адресов Данзаса можно назвать лишь дом Демидова на Садовой улице у Невского проспекта — ныне Малая Садовая. Дом не сохранился. Здесь Данзас жил очень недолго в самом конце 1830-х годов. Отец же Данзаса в 1823 году снимал квартиру в доме Шелковникова на Екатерингофском проспекте (3-я Адмиралтейская часть, № 222, ныне проспект Римского-Корсакова, участок дома № 3). Здесь, по-видимому, останавливались Данзас и его брат*. К. К. Данзас умер 3 февраля 1870 года в Петербурге и был похоронен за казенный счет на Католическом кладбище Выборгской стороны. В 1936 году прах его был перенесен в Некрополь Александро-Невской лавры.

* В Изюмском уезде Харьковской губернии, где жили Малиновский, Вольховский и Розен, находилось имение Данзасовка (ныне Барвенковский район), принадлежавшее, по-видимому, родственникам К. К. Данзаса.

Современники

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Александр Бакунин

Александр Павлович Бакунин был родственником (троюродным братом) революционера Михаила Александровича Бакунина, непримиримого противника самодержавия и создателя теории анархизма, которого В. И. Ленин назвал одним из представителей «непролетарского домарксистского социализма».

Семья Бакуниных принадлежала к слоям просвещенного русского дворянства. Прадед лицеиста Василий Михайлович составил «Описание калмыцких народов...». Дед Бакунина Петр Васильевич и его брат Михаил Васильевич были, по словам современников, «не чужды литературы». Братья Павел Петрович — отец лицеиста, Модест Петрович и Александр Михайлович (их двоюродный брат) также отличались прекрасным образованием.

Павел Петрович более двух лет был директором Академии наук и Российской Академии, замещающую княгиню Дашкову, находившуюся за границей. Модест Петрович в 1799 году возглавил (после А. А. Самборского) царскосельскую земледельческую школу и написал руководство по обрабатыванию полей, изданное в 1800 году. Александр Михайлович (отец анархиста) создал труд «История России», написал «Опыт мифологии русской истории», комментарии к древнему летописному своду и другие исторические работы (правда, все они остались в рукописях). В его имении Премухино (Новоторжского уезда Тверской губернии), что на реке Осуге, притоке Тверцы, бывали многие видные деятели

русской культуры — знакомые хозяина дома, а впоследствии друзья революционера-анархиста Михаила Бакунина. Посещали этот гостеприимный дом также В. Г. Белинский, И. С. Тургенев, Н. В. Станкевич, И. И. Панаев и другие замечательные люди.

Из семейства Бакуниных надо назвать еще имя В. М. Бакунина, по-видимому, троюродного брата лицеиста, члена Союза благоденствия, имя которого значится в «Алфавите» декабристов. Таков род Бакуниных, к которому принадлежал соученик Пушкина Александр Бакунин.

Александр Бакунин поступил в Лицей двенадцати лет. Он занимал комнату-спальню № 42, напротив комнаты Модеста Корфа, рядом с Николаем Корсаковым. Над дверью его «кельи», как у всех лицеистов, висела черная дощечка с номером комнаты. Там же были написаны имя и фамилия «владельца». Номера спален являлись и меткой на шинелях и других вещах воспитанников Лицея. Уже упоминалось, что бывшие воспитанники Лицея даже через много лет в письмах друг к другу вместо подписи часто ставили номер своей комнаты.

Педагоги рисовали Александра Бакунина словоохотливым, смешливым, пылким и подвижным, «как живое серебро», связывали с этим его неосмотрительность, нетерпеливость, переменчивость. Малейшая трудность его останавливала, терпением он не обладал. Примечая свои ошибки, он стремился их исправить, но все-таки, по мнению педагогов, требовал «прилежного наблюдения руководителей» до тех пор, пока благородные качества, которыми он «старался украшать себя», не сделаются «собственными и постоянными свойствами его сердца». А. П. Куницын, адъюнкт-профессор по нравственным и политическим наукам, заметил, что Бакунин не очень внимателен, в занятиях скор, нетерпелив и, стараясь отличиться, часто «в этом намерении ослабевает».

ет». Е. А. Энгельгардт писал о «нетерпеливом характере» Бакунина, пугающегося всякого значительного затруднения, но отличающегося от многих исключительной откровенностью и чистосердечием.

В альбоме Е. А. Энгельгардта среди других записей, сделанных воспитанниками после окончания Лицея, мы находим строки Александра Бакунина: «Вступил, узнал и полюбил. Александр Бакунин. 1817. 8 июня, воспитанник Лицея».

В лицейских журналах Александр Бакунин участия не принимал, с Пушкиным не был близок. Но имя его обаятельной и талантливой сестры Екатерины Павловны известно в Пушкиниане. Ей суждено было вызвать в Александре Пушкине первую и возвышенную любовь, вдохновившую молодого поэта на прекрасные строки.

Е. П. Бакунина была на четыре года старше своего брата. Девушка отличалась не только очаровательной внешностью, но и была прекрасно образована, музыкальна. Ее талант художницы проявился рано. «Прелестное лицо ее, дивный стан и очаровательное обращение произвели всеобщий восторг во всей лицейской молодежи», — вспоминал много лет спустя С. Д. Комовский. В дневнике 1815 года Пушкин пишет о своих чувствах к Екатерине Бакуниной, чувствах нежных и полных восхищения. Многие лицейские стихотворения юного поэта вызваны этим глубоким увлечением. В альбом Пушкину перед окончанием Лицея Пушкин написал:

И с тихими тоски слезами
Ты вспомни первую любовь.
Мой друг, она прошла...

Воспоминания о первой любви звучат и в произведениях Пушкина, написанных через много лет после окончания Лицея.

Став в октябре 1817 года фрейлиной императорского двора, Екатерина Бакунина осталась такой же скромной, милой и естественной в обращении, что и прежде. Это особенно привлекало к ней сердца.

Интересно, что семья И. Пущина, который некогда так же, как и Пушкин, был увлечен Екатериной Бакуниной, впоследствии породнилась с ней. В 1834 году Е. П. Бакунина вышла замуж за тверского помещика капитана А. А. Полторацкого. Женой его брата стала племянница И. И. Пущина. Екатерина Павловна первая прислала привет Пущину в далекую Сибирь. «Скажи ей слово дружбы от меня»,— просил И. И. Пущин своего друга Ф. Ф. Матюшкина в феврале 1853 года, надеясь, что тот увидится с Бакуниной.

Бакунин был выпущен в лейб-гвардии Семеновский полк с чином прапорщика. Здесь служили тогда видные декабристы С. И. Муравьев-Апостол, И. Д. Якушкин и другие. В 1821 году по случаю «истории» возмущения солдат Семеновского полка полк расформировали. Бакунин был переведен в лейб-гвардии Финляндский полк. Здесь он состоял адъютантом генерала Н. Н. Раевского, корпус которого находился в Киеве. В 1823 году он подал в отставку по семейным обстоятельствам и определился на гражданскую службу.

По словам историка В. И. Семевского, Бакунин был членом Общества соединенных славян, которое в дальнейшем объединилось с Южным обществом декабристов. В Москве он принадлежал к кружку декабриста И. И. Пущина (входил в московскую управу). Бакунин привлекался к следствию по делу тайных обществ. Есть сведения, что он, так же как Кюхельбекер и Дельвиг, состоял в петербургской масонской ложе, находившейся под влиянием декабристов. Но на дальнейшей жизни Бакунина все это не отразилось. С 1842 года Бакунин — тверской гражданский губернатор. В трудную минуту

В. Д. Вольховский, вышедший в отставку и живший исключительно на получаемую пенсию, обратился к нему с просьбой о содействии в получении службы в системе министерства государственных имуществ. Бакунин занимал там видное положение. На эту первую и последнюю просьбу лицейского товарища Бакунин ответил, что пытался хлопотать, но, «увидев список кандидатов и отличные отметки, сделанные против некоторых», убедился, что получение «сих званий весьма затруднительно», ибо «делать нечего с невозможным».

На лицейских годовщинах Бакунин бывал редко. Постепенно он совсем отдалился от товарищей по Лицею, всецело погруженный в семейную и служебную жизнь. В 1857 году Александр Павлович Бакунин вышел в отставку. По одним данным, Бакунин умер за границей, в Ницце, 25 августа 1862 года, по другим — в имении Олениных Салауре (Касимовского уезда Рязанской губернии), где и был похоронен. Это сообщение представляется более верным, ибо жизнь его, как выяснилось, действительно долгие годы была прочно связана с этими местами.

Еще в 1916 году в рязанской усадьбе Олениных Истомино находились многие вещи А. П. Бакунина, которые попали туда, вероятно, из Салаура, куда он их по выходе в отставку перевез из своего губернаторского дома в Твери. В иллюстрированном журнале «Столица и усадьба» в описании коллекции редкостей и произведений искусства владельца Истомино президента Академии художеств А. Н. Оленина, с которым А. П. Бакунин, по-видимому, поддерживал знакомство, были представлены фотографии с портретов Бакунина, его первой жены, сына и дочери, написанных крепостным художником Яковом Стрешневым в 1832 году. Упоминались также личные вещи и многие акварели его сестры Екатерины Павловны Бакуниной-Полторацкой.

Сильверий Броглио

Жизнь Сильверия Францевича Броглио короткая, но яркая, прошедшая и оборвавшаяся в борьбе. Он — активный участник революции в Пьемонте, борец на баррикадах Греции... Его почти романтическая биография малоизвестна, хотя и представляет значительный интерес.

Броглио был итальянец. История рода Броглио — любопытнейшая страница истории Италии, Ломбардии, Пьемонта. Фамилия Броглио пишется по-итальянски Broglio и соответственно по-русски должна писаться и произноситься Бралья. Но в России удобнее было писать и произносить Броглио.

Родина Сильверия Броглио — город Къери, расположенный в предгорьях Пьемонтских Альп, вблизи Турина. Родоначальником рода был Грибальденги или Грибальди (Гарибальди). Отец Броглио — Франсуа-Мари шевалье де Касальборгоне — не был графом. По законам Королевства Пьемонт только старший из сыновей в семье имел право на графский титул. Отец Броглио имел право лишь на титул шевалье. В России такого титула не существовало. Броглио — отца и сыновей стали называть графами. О матери Броглио Селестине д'Аркур де Бальзан в русских источниках сведений обнаружить не удалось. В 1811 году историк Н. А. Гастфрейнд ездил на родину Броглио в Турин, где посетил отдаленного родственника Броглио. Он узнал, что у Сильверия Броглио было три брата и две сестры. Старший — Фредерик-Доминик — родился в Америке

в 1787 году. Братья Исидор и Ладислав умерли молодыми в России. О сестрах Селестине и Элеоноре сведений не сохранилось. Отец Броглио служил офицером в итальянской гвардии, затем переехал в Америку, потом в Россию. Здесь он благодаря влиятельным родственникам поступил на государственную службу.

В «Памятной книжке Лицея» сказано: «Броглио был сыном иностранного графа». Где и как учился Броглио до поступления в Лицей — неизвестно. В Лицей он попал двенадцати лет. Сильверий Броглио, видимо, недостаточно хорошо владел русским языком, что мешало ему успешно учиться. По наблюдениям наставников, он был «чувствителен к выговорам», которым оказывался «беспрестанно подвержен». На вспыльчивого и упрямого мальчика действовали только «ласковые увещания». По-видимому, Сильверий Броглио был добросердечен и обладал чувствительной, ранимой душой. Он был прилежным учеником, но успехи его оставались посредственными.

В Лицее Сильверий Броглио занимал комнату № 31 по соседству с Александром Горчаковым и Александром Тырковым. Броглио отличался крепким телосложением. В «национальных песнях» подростки запечатали его подвижный, азартный характер и физические недостатки (лицо его имело красивые черты, но он слегка косил и был левша):

Косой *Маркиз*,
Взойдя в каприз,
Со птичником бушует.

У задиры Броглио не раз происходили схватки с Ковмовским, об этом напоминает куплет:

Когда *лиса*
Глядит с коса
И графа задирает.

К Броглио относятся и такие строки «национальной песни»:

Графу нет большой заботы,
Будь хоть юнкер он пехоты...

В строках черновой рукописи «19 октября» 1825 года Пушкин, обращаясь к товарищам, упоминает и Броглио:

Пускай опять Вольховский сядет первый,
Последним я, иль Брольо, иль Данзас.

В поэмах «Евгений Онегин» (черновой вариант) и «Гавриилиада» Пушкин упоминает «Розовое поле»*, где играли, «резвились и бесились вволю» воспитанники Лицея. По словам С. Д. Комовского, у Пушкина имелся и такой вариант: «Граф Брольо был отважнее, сильнее...» Характеризуя Броглио в 1816 году, Е. А. Энгельгардт писал, что «своему старинному происхождению он придает очень мало значения и неохотно носит мальтийский крест» (брат Броглио прислал ему мальтийский орден, ибо мужчины из рода Брольа уже несколько веков были мальтийскими рыцарями).

В юношеском стихотворении Пушкина «Пирующие студенты», написанном в Лицее в 1814 году, поэт обратился ко многим своим товарищам — Дельвигу, Яковлеву, Малиновскому, Корсакову, Пушину, Кюхельбекеру и даже к одному из педагогов — Галичу — с искренними, веселыми и шутливыми стихами. Вот строфы, посвященные, очевидно, сиятельному повесе — графу Сильверию Броглио:

А ты, красавец молодой,
Сиятельный повеса!
Ты будешь Вакха жрец лихой,
На прочее — завеса!

* Так называемое «Розовое поле» — район Екатерининского парка вдали от дворца — место, отведенное для игр воспитанников Лицея.

Хотя студент, хотя я пьян,
Но скромность почитаю;
Придвинь же пенный стакан,
На брань благословляю...

После окончания Лицея Броглио был назначен к производству в армейские офицеры. В альбом Энгельгардту он занес несколько слов по-русски: «Вспомните хоть по этой строке Сильверия Броглио. 1817. Июнь. Лицей». Броглио не остался в России. Он уехал в Италию, к себе на родину, в Пьемонт, входивший в состав Сардинского королевства. Там с 14 сентября 1817 года он стал служить в чине поручика в сардинской армии, где уже находился его старший брат Фредерик-Доминик. Оба брата примкнули к освободительному движению, направленному против королевской власти.

В 1820—1821 годах произошли буржуазные революции в Италии — Неаполитанская (в Королевстве обеих Сицилий) и Пьемонтская (главные центры восстания — Турин, Александрия, Генуя). Восстание было организовано при участии тайного общества «Карбонарии» (в их борьбе принимал участие английский поэт Д.-Г. Байрон, стоявший во главе карбонарской организации «Американские охотники»).

Находившийся в это время в заграничном путешествии Кюхельбекер посетил Ниццу, некогда входившую в состав Пьемонта. Здесь Кюхельбекер пробыл до конца марта 1821 года. В марте же вспыхнула Пьемонтская революция, начавшаяся восстанием в армии.

В «Путешествии» Кюхельбекера есть запись: «Слухи, распространившиеся в последние дни моей бытности в Ницце об движении пьемонтских карбонариев, бунт Александрии и ропот армии, предчувствие войны и разрушения...» Предвидя поражение карбонариев, Кюхельбекер горестно восклицал в своем стихотворении «Ницца»:

Не родясь, весна увянет,
Вольность, не родясь, умрет!..

Впоследствии адвокат Оливьери из Турина писал в Россию: «Лицами, совершившими переворот, руководил самый возвышенный образ мыслей; но их была слишком небольшая горсточка, чтобы упрочить новый порядок, а потому новый король, при помощи Австрии, весьма легко подавил это восстание».

Одни революционеры были казнены, другие — большинство — наказаны изгнанием. Сильверий Броглио, по постановлению королевского суда, был лишен чинов, орденов, имущества и изгнан за пределы родины «навечно». Повстанцы «отправились в Испанию и Грецию, где посвятили свои силы упрочению порядка, более соответствовавшего тому идеалу славы и свободы, о котором мечтали они для своей родины,— сообщал А. Оливьери.— Многим из этих изгнанников не привелось более вернуться на родину. К числу их принадлежит и Сильверий Бралья шевалье де Касальборгоне». В Греции, где шла освободительная война против турецкого ига, Броглио погиб.

Из воспитанников Лицея пушкинского выпуска Броглио был первым активным участником освободительного движения. Пушкин и будущие декабристы, зорко следившие за событиями, происходившими в Европе, чутко прислушивались к известиям о революционных событиях в Пьемонте, проникавшим в Россию, но о Броглио ничего достоверного не было известно. Только до И. И. Пущина, который в то время находился в Сибири и очень интересовался судьбой Броглио, каким-то образом дошло известие о том, что Броглио был участником освободительного движения в Греции и погиб на баррикадах.

Историк Лицея Н. А. Гастфрейнд считал, что поспешный отъезд Сильверия Броглио в 1817 году в Пьемонт и поступление в сардинскую армию в полк Монферата, где его брат Фредерик-Доминик к тому времени являлся «старым служакой», было продиктовано надвигающимися революционными событиями. По словам Гастфрейнда, Броглио «явился в Пьемонте предтечею наших декабристов... предтечею Пущина и Кюхельбекера».

Современники ясно видели, что события в Пьемонте оказали огромное влияние на будущих декабристов. Но то, в чем монархист Н. Гастфрейнд обвинял Сильверия Броглио, у прогрессивных людей вызывало уважение.

Адвокат А. Оливьери, любезно предоставлявший всевозможные материалы Н. А. Гастфрейнду, писал о Сильверии Броглио и его брате Фредерике-Доминике с почтением, как о людях, связанных с освободительным движением в Италии. Он называет образ мыслей повстанцев «самым возвышенным». Он объясняет, почему в Греции ничего не известно о пребывании там Сильверия Броглио: «О Греческом восстании, в котором столько пьемонтцев принимали участие среди филеленов, написано еще очень мало и не в последовательном порядке. Найдется несколько поэтических и литературных рассказов... Но настоящего исторического исследования с указанием имен, за исключением имен главных деятелей... или вовсе нет, или мало, слишком мало. И никогда и нигде не упоминается имя Сильверия. Он, по-видимому, зачислялся как простой солдат и отдался идее с воодушевлением, но сердце его болело о родине, потерянной им навсегда».

Сильверий Броглио был одним из «филеленов», вернее, филэллинов. Это название происходит от сочетания слов: греческого «люблю» и «эллины» — греки. Филэл-

линами называли передовых людей Европы, оказавших материальную помощь и моральную поддержку национально-освободительному восстанию греческого народа против турецкого ига (1821—1829 годы). Филэллинские общества снаряжали отряды добровольцев, уезжавших в Грецию. Одним из деятельных филэллинов был Д.-Г. Байрон, отправившийся в Грецию в 1823 году во главе сформированного им на собственные средства отряда добровольцев. Россия, заинтересованная в ослаблении Турции, помогала Греции. К берегам ее в 1827 году отправилась русская эскадра. Ф. Ф. Матюшкин, лицейский товарищ С. Ф. Броглио, прибывший в Средиземное море на корабле «Эммануил», орудия которого отдал грекам, участвовал в боях как командир брига «Кимон», затем брига «Ахиллес». Бриг «Ахиллес» был передан в распоряжение президента Греции Иоанна Каподистрия.

Греческое освободительное движение восторженно приветствовал А. С. Пушкин. Сохранился черновик подробного письма Пушкина, по-видимому, к декабристу Василию Львовичу Давыдову — владельцу украинского поместья Каменка Чигиринского уезда. Пушкин пишет, что «Греция восстала и провозгласила свою свободу» и что это событие будет иметь последствия, важные для всей Европы. В черновом наброске стихотворения, посвященного греческому повстанцу, погибшему в борьбе за свободу, «Гречанка верная! не плачь,— он пал героем...» Пушкин писал о защитнике Греции:

Он в сечу ринулся — и падши совершил
Великое, святое дело.

Эти слова можно по праву отнести и к лицейскому товарищу Пушкина Сильверию Броглио.

Павел Гревеницу

Отец Павла Гревеница — выходец из герцогства Вюртембергского, — приехав в Россию, принял русское подданство в 1797 году. Павел Гревениц родился 17 мая 1798 (или 1799) года в Петербурге и, по-видимому, получил первоначальное образование дома. В Лицее Гревениц всегда оставался на хорошем счету. Это был мальчик очень способный и скромный, но несколько боязливый, застенчивый и весьма самолюбивый. Павел Гревениц занимал лицейскую комнату № 16. Его соседями были Петр Саврасов и Алексей Илличевский.

По всей вероятности, Александр Пушкин симпатизировал Павлу Гревеницу. К нему относится стихотворение Пушкина «Mon portrait» («Мой портрет») на французском языке, написанное в 1814 году. Это стихотворение, напечатанное в 1840 году в журнале «Маяк», было получено редакцией от Павла Гревеница. Журнал издавался братом их лицейского товарища Н. А. Корсакова Петром Александровичем.

Хотя нигде нет сведений, что Гревениц принимал участие в лицейских журналах либо печатался, но, по-видимому, в Лицее он занимался поэзией. В журнале «Северный наблюдатель», также издававшемся П. А. Корсаковым, за 1817 год (часть 1, № 2), имеется стихотворение — стансы «К Филону», подписанное «16. IX». Гастфрейнд предположил, и это представляется убедительным, что «К Филону», а также стихи и эпиграммы в № 9, 10, 17 и 22 того же журнала принадлежат Гревеницу, цифра же «16», поставленная

вместо подписи, это номер комнаты, которую он занимал в Лицее.

Стихотворение, скорее всего, относится к лицейскому периоду жизни Павла Гревеница. В этих стансах Гревениц, обращаясь к некому Филону, писал о своих несбыточных мечтах и переживаниях, навеянных какими-то «сердечными» разочарованиями. Юноше показалось, что более он не будет счастлив и весел, потому что он испытал измену в любви, а его поэтические опыты не нашли отклика. Поэтому он бросает лиру, уверенный, что только дружба сможет принести ему радость, скрасить удел его печальной судьбы:

Приди, Филон, утешь мой дух унылой;
Не отрекись длань мира мне простреть! —
Так, без тебя — мне будет жизнь могилой;
Но близ тебя — была бы жизнью смерть.

По-видимому, стихотворение было обращено к И. П. Шульгину, гувернеру, преподавателю истории и географии на втором курсе — младшем. Шульгина весьма любили и воспитанники первого курса. К нему обращался Вильгельм Кюхельбекер в стихотворении «К Филону». Антон Дельвиг написал послание «К Шульгину».

В «национальных песнях» также встречается имя Гревеница. Вот шутливо-ироническое предсказание:

Стевен, Гревениц и Корфенок
Буду(т) рыцари чухонок...

Еще в Лицее у Гревеница проявилась большая любовь к естественным наукам, что отмечал Е. А. Энгельгардт: «При очень хорошем поведении и большом прилежании имеет также достаточные таланты. В своих мелких занятиях, например, в своей любви к бабочкам,

он проявляет большую любовь к порядку». Гревениц был некрасив. И Энгельгардт отметил: «Из-за его внешности в его нраве появилась довольно большая раздражительность...»

Окончив Лицей и получив чин титулярного советника IX класса, Гревениц поступил вместе с Юдиным в министерство иностранных дел. Служа вместе, они особенно сдружились. В переписке воспитанников Лицея и Энгельгардта фамилии Гревеница и Юдина звучали только рядом. На собраниях в честь лицейских годовщин нелюдимый Гревениц появлялся редко. На 25-летие Лицея его и Юдина затащил приехавший в Петербург Мясоедов.

Будучи человеком необычайно скромным и малообщительным, П. Ф. Гревениц, несмотря на свои замечательные способности, «никогда не играл выдающейся роли», вернее сказать, и не стремился к этому, стараясь оставаться незамеченным. В министерстве иностранных дел ему не раз предлагали различные крупные посты, а также места при посольствах, но Гревениц отказывался, мотивируя это нежеланием расставаться на долгий срок со своими родными, которых он нежно любил. «Человек с дарованиями, образованием и сведениями, но большой чудак, оригинал, нелюдим», — заметил о нем в своих записках М. Корф. По мнению современников, Гревениц был человеком высокообразованным, весьма начитанным, следившим за всеми новинками европейской литературы и, будучи вдумчивым ее комментатором, являлся как бы «живою энциклопедией». Я. К. Грот весьма тепло вспоминал о Гревенице: «В свободные часы барон Павел Федорович занимался и поэзией. Хотя произведения его никогда не печатались, но многие из них, писанные как на русском, так и на французском языке, очень ценились его друзьями. На могиле покойного на Волковом кладбище помещена весьма

верная эпитафия, написанная приятелем его
Вал. Петр. Свечиным:

Он душу добрую и нежную имел;
Поэт между друзей, ученый в кабинете,
Природу он любил и в ней найти умел
И мудрости плоды, и радость в полном цвете».

Павел Федорович Гревениц, талантливый и образованный человек, ученый-ботаник, по представлениям многих — чудака, жил честно, не стремясь к карьере. Известность могла его стеснить и быть ему в тягость. Он был добрым и преданным другом, любящим сыном и нежным братом. Проявившееся у Гревеница еще в Лицее увлечение ботаникой со временем превратилось в серьезную научную работу. Он составил гербарий по флоре Петербургской губернии. После его смерти, как сообщали современники, остались ценные гербарии, составленные из растений, собранных в окрестностях Петербурга, а также интереснейшие записи по ботанике.

A handwritten signature in black ink, reading "Семен Есаков". The script is cursive and elegant, with the first name "Семен" and the last name "Есаков" written in two distinct parts.

Семен Есаков был сыном надворного советника, служившего в Ассигнационном банке. С первых дней пребывания в Лицее тринадцатилетний Есаков стал одним из отличных учеников. Он не требовал надзора, ибо был благоразумен в поступках, точен в исполнении своих обязанностей. Он отличался повышенной чувствительностью, «склонностью к благотворению», проявлял «приятную нежность в обращении» с окружающими, редкое дружелюбие и особенную привязанность к родителям. Педагоги отметили его любовь к Отечеству. Они восхи-

щались тем, как Семен Есаков по собственному почину, только «из любви к слабым товарищам своим», заботясь лишь о пользе их, часто до усталости, но регулярно стал заниматься с отстающими повторением уроков, беседуя с каждым «с необыкновенной кротостью» и приноравливаясь к характеру каждого. Желая исправить ошибку кого-либо, он стремился сделать это так, чтобы не задеть самолюбия товарища. Добрый пример Есакова нашел последователей среди других воспитанников. Е. А. Энгельгардт в 1816 году писал о Есакове, что талант, прилежание и кротость — основные его черты и что «душа у него исключительная, восприимчивая ко всему доброму и прекрасному».

Семен Есаков был высоким, статным юношей. Во время прогулок он часто ходил в паре с Иваном Пушкиным. С Александром Пушкиным Есаков был в добрых приятельских отношениях.

И. И. Пущин вспоминал об одном забавном эпизоде лицейских лет, породившем шуточный экспромт поэта: «Раз на зимней нашей прогулке в саду, где расчищались кругом пруда дорожки, он (Пушкин.— *Авт.*) говорит Есакову, с которым я часто ходил в паре:

И останешься с вопросом
На берегу замерзлых вод:
Мамзель Шредер с красным носом
Милых Велью не ведет?»

«Мамзель» Шредер, гувернантка сестер Велью Софии и Жозефины, которыми были очарованы многие лицеисты, в том числе Есаков и Пушкин, водила гулять молодых девушек в царскосельский парк.

Дочери придворного банкира И. Велью были племянницами лицейского учителя пения, композитора и музыканта Теппера де Фергюсона. В домах Велью, Энгельгардта и Теппера, жившего также вблизи Лицея (ныне

Пролетарская улица, 2/3), часто бывали воспитанники Лицея на литературно-музыкальных вечерах, на которых обычно присутствовали София и Жозефина. Младшая сестра Жозефина жила и воспитывалась в доме Теппера. Эта необычайно привлекательная девушка вызвала сильное чувство в своем учителе П. А. Плетневе.

Товарищи высоко ценили добрый нрав Есакова, прямодушие, умение владеть собой, глубоко уважали за те многие достоинства, что возвышают человека, и любили за ровный характер, за верность в дружбе. Он часто являлся судьей во многих спорах товарищей и всегда очень близко принимал к сердцу излишнюю строгость, резкость или неправильность суждений друг о друге. Будучи по натуре весьма впечатлительным и эмоциональным, обладая нежным и чутким сердцем, Есаков легко откликался на всё истинно талантливое, красивое, поэтическое. Литературные интересы товарищей захватили и его. Есаков участвовал в литературном кружке, в рукописном лицейском журнале «Юные пловцы» поместил свое прозаическое произведение «Полорд», которое не сохранилось.

Семен Есаков занимал комнату № 37 с окном на северную сторону, то есть в сторону ограды городской церкви (Лицейского сада, расположенного ныне за северным фасадом Лицея, еще не существовало). Соседями Есакова были Вильгельм Кюхельбекер и Константин Костенский. Прощаясь с директором Лицея, в его альбоме Есаков оставил весьма теплую запись и стихотворение на французском языке.

По окончании Лицея Семен Семенович Есаков получил вторую серебряную медаль и поступил прапорщиком вместе с И. Пушиным в лейб-гвардию конную артиллерию. В польскую кампанию, в которой участвовал Есаков, его батареей были потеряны две пушки,— они увязли в грязи. Предполагают, что потеря снаряжения

послужила причиной его трагической гибели,— в апреле 1831 года он застрелился. По словам Корфа, смерть эта случилась по неразгаданным причинам. Гибель Есакова потрясла всех, кто его знал или слышал о нем как о «благороднейшем человеке», и особенно его лицейских товарищей. Е. А. Энгельгардт, глубоко сожалея о гибели Есакова и осуждая нелепость этой смерти, писал Ф. Матюшкину о том, что лучше бы Есакова убило ядром неприятельским, нежели такой исход. Красивый, благородный, добрый, нежный и чуткий человек, хороший, честный товарищ, Есаков стал, по-видимому, жертвой болезненно обостренного чувства чести и большой впечатлительности.

В своем посвящении лицейской годовщине 1831 года «Чем чаще празднует Лицей...» А. С. Пушкин говорит о лицейских товарищах, которых уже не было в живых к этому времени... Ржевский, Корсаков, Костенский, Дельвиг, Саврасов и Есаков, погибший «там на ратном поле».

Шесть мест упраздненных стоят,
Шести друзей не узрим боле,
Они разбросанные спят —
Кто здесь, кто там на ратном поле,
Кто дома, кто в земле чужой,
Кого недуг, кого печали
Свели во мрак земли сырой,
И надо всеми мы рыдали.

По смерти Есакова у жены его осталось трое детей. Старший сын Есакова Евгений Семенович, родившийся в 1825 году, окончил Царскосельский лицей с золотой медалью в 1844 году. Он был замешан в деле М. В. Буташевича-Петрашевского и сидел в крепости. Младший сын Александр Семенович, родившийся в 1830 году, стал впоследствии личным секретарем при государственном деятеле графе П. Д. Киселеве.

Сергей Комовский

Сергей Комовский родился 1 июля 1798 года. Год рождения Комовского в разных источниках указан по-разному, правда, 1798-й представляется наиболее верным, ибо его называет сам Комовский в своем дневнике, но из лицейской записи надзирателя М. Пилецкого следует, что в 1812 году С. Комовскому было тринадцать лет, следовательно, он родился в 1799 году, хотя в формулярном списке Комовского указан 1800 год рождения. Сергей Комовский был сыном коллежского советника, происходившего из польских шляхтичей Космовских, принявших русское подданство в 1665 году. С трехлетнего возраста Сергей Комовский обучался в петербургской немецкой школе святого Петра — Петришуле (ныне Невский проспект, 22 и 24. Дома надстроены).

Поступив в Лицей, двенадцатилетний Сергей Комовский сразу же показал себя способным, «благонравным», скромным, чувствительным и «крайне ревнительным к пользе своей». Был он весьма прилежен, послушен «без прекословия», любил чистоту и порядок. Отличали его и природное любопытство, и живость характера, но при всем этом он был осторожен, очень любезен в обращении и слегка насмешлив. Но если и питал он к чему-либо страсть, так это ко всем гимнастическим упражнениям, был проворен и ловок. Он обладал миловидной внешностью. Товарищи называли его «Лиса», «Лисичка». Это прозвище можно отнести не только

к личным чертам его характера, но также и к гербу Комовского, изображение которого находится в Центральном государственном историческом архиве Ленинграда. На гербе вверху изображена сидящая рыжая лицица. Возможно, что об этом знали воспитанники и частенько поддразнивали его этим прозвищем. Другое прозвище — «Смола» — Комовский заслужил от товарищей за назойливое приставание с душеспасительными нравоучениями. Впрочем, Комовский и сам не скрывал того, что им владело желание играть роль доброго наставника. Если его нравоучения не действовали на товарища, то он прибегал к помощи любившего его гувернера Чирикова. За это товарищи прозвали его еще и «Фискалом».

Комовский искренне думал сделать добро своими нравоучениями и считал себя невинно оскорбленным, когда товарищи высмеивали его.

Хотя Комовский и не принимал участия в литературном кружке своих однокурсников, но он вел дневник, маленькую тетрадку в 24 листа. Дневник начат 14 марта 1815 года и кончается 18 апреля того же года. По страницам этого короткого дневника разбросаны интересные черточки лицейского быта. Удивляют пространные религиозные рассуждения подростка, пересыпанные фразами, заимствованными из моралистических книг. Много чувствительных, сентиментальных выражений во вкусе времени. Но записи не лишены и некоторых литературных достоинств.

Сергей Комовский у большинства воспитанников не пользовался любовью. Дружески относились к Комовскому Кюхельбекер и Ломоносов. Одно время он был дружен с Корфом, которого очень любил. Рядом с лицейской комнатой Сергея Комовского находились комнаты Аркадия Мартынова и Константина Костенского,

но о взаимоотношениях соседей ничего не известно. Насмешливо изображают Комовского в своих «национальных песнях» его соученики:

Комовский — маленькая птичка,
И смотрит точно как лисичка...

Или

Смотрите — вот и наша птичка,
Вот проповедница-лисичка.

Характеризуя Комовского в 1816 году, Энгельгардт не обнаружил прозорливости, да и можно ли требовать этого от педагога, менее месяца общавшегося со своими воспитанниками? Энгельгардт не увидел в Комовском ничего несимпатичного, что подмечали его однокашники. Энгельгардт писал, что способности Комовского не так велики, «как настойчиво его прилежание и чист его нрав», что «ни у одного из учеников не развиваются так гармонично все душевные и телесные свойства и ни один столь не отдается целиком и без всякого отвлечения тому, чем он в данный момент занимается». Энгельгардт заметил также, что Сергея Комовского от всех соучеников его «отличает своеобразная грация». Комовский любил танцевать и, наверное, делал это весьма удачно, ибо Энгельгардт добавлял, что, «когда кончается урок танцев, он обычно исполняет еще несколько пируэтов на свой собственный лад».

Уроки танцев в Лицее, относившиеся по программе обучения к разделу «изящных искусств», давались два раза в неделю в течение шести лет. С 1816 года преподавать танцы стал Эбергардт — один из видных мимических артистов русского балета. Впоследствии Эбергардт выступал на сцене Большого театра в спектаклях «Кавказский пленник» и «Руслан и Людмила», создан-

ных по мотивам произведений его бывшего ученика А. С. Пушкина.

Комовский окончил Лицей с чином титулярного советника и поступил в департамент народного просвещения. Вскоре он определился правителем канцелярии в Смольный институт благородных девиц. Яковлев в переписке с Вольховским, сообщая новости о товарищах, писал, что Комовский кроме должности по Смольному монастырю «участвует в занятиях по министерству просвещения». Энгельгардт в письме к Матюшкину от 25 февраля 1829 года замечает: «Комовский-Мартышка — живет как сыр в масле, между всеми дамами Смольного монастыря». В 1841 году Комовский уволился из Смольного института и был определен к другим служебным делам. В это время он женился на графине Софии Комаровской. У него было четыре сына и две дочери. В 1843 году он стал помощником статс-секретаря Государственного совета. Через десять лет Комовский вышел в отставку по болезни в чине действительного статского советника. По сообщению Н. Гастфрейнда, вместе с братьями С. Д. Комовский имел в Петербурге двухэтажный дом, в 1-м квартале Литейной части, подле 3-й гимназии, под № 100—13. По другим данным, у Комовских было два дома. Ныне это дома в Косом переулке, 5 и 7 (дома надстроены).

Комовский занимался также и литературным трудом. По просьбе автора первой научной биографии Пушкина П. В. Анненкова, он написал в 1851 году коротенькие «Записки о Пушкине», в которых изложил то немногое, что он мог сказать о поэте. Записки были переданы М. Яковлеву, А. Корнилову и М. Корфу для просмотра и внесения возможных поправок. Корф сделал только одно замечание и передал рукопись Комовского Яковлеву. Михаил Лукьянович сделал в ней ряд

пометок, служащих доказательством его большого чувства дружбы, любви и уважения к Пушкину. Затем Яковлев передал записки Корнилову. Последний возвратил их Комовскому со словами: «С моей стороны я не сделал никаких замечаний: написанное тобой нахожу верным». Эти воспоминания использовал П. В. Анненков при составлении биографии Пушкина.

Пушкин нигде в своих произведениях не упоминает Комовского, если не считать сообщенного Комовским варианта стихов из «Гавриилиады»:

Вы помните ль то розовое поле,
Друзья мои, где красною весной,
Оставя класс, резвились мы на воле
И тешились отважною борьбой?
Граф Брольо был отважнее, сильнее,
Комовский же — проворнее, хитрее;
Не скоро мог решиться жаркий бой.
Где вы, лета забавы молодой?

Известно, что А. С. Пушкин подарил Комовскому свою книгу «История Пугачевского бунта» с дарственной надписью: «Сергею Дмитриевичу Комовскому от А. Пушкина в память Лицея 26 янв. 1835 г. С.П.Б.». Комовский находился в добром знакомстве с друзьями А. С. Пушкина, а также был близок с семейством сестры поэта О. С. Павлищевой, где, по-видимому, встречался с ним. Комовский посещал и дом родителей поэта, бывал нередко у Дельвига. Это был общительный человек, всю жизнь не порывавший «священных связей» с товарищами. Он всегда присутствовал на лицейских годовщинах. На празднование 25-летия Лицея Комовский прибыл в лицейском мундире, что произвело большое впечатление. Этот мундир он, по-видимому, заказал специально к юбилею. Под протоколом лицейской сходки Комовский подписался: «Комовский-Лиса».

С. Д. Комовский был последним из первокурсников (Матюшкин умер в 1872, Корф — в 1876 году), посещавшим все лицейские годовщины, бывая уже на сходках выпускников последующих курсов. Встреча лицеистов в 1879 году, на которой он присутствовал, была для него последней, ибо 8 июля 1880 года он скончался. С. Д. Комовского похоронили на православном кладбище на Малой Охте.

Александр Корнилов

Александр Корнилов родился 28 апреля 1801 года. Отец его Алексей Михайлович учился в Морском кадетском корпусе, был в длительном плавании, участвовал в сражениях, имел награды. Он написал книгу, имевшую в свое время практическое значение, — «Сигналы, посредством коих производятся тактические действия гребного флота». Выйдя в отставку в 1803 году, он занимал пост губернатора в Иркутске, затем в Тобольске. В это время он написал весьма интересную книгу «Замечания о Сибири», в одной из глав которой изложил свои взгляды на вопросы воспитания детей. В 1807 году он покинул Сибирь и вместе со своей женой Александрой Ефремовной поселился в своем родовом имении в Тверской губернии. Материального достатка в семье не было. Но семья была дружной.

Детство двух братьев — Александра и Владимира и их сестры Анны прошло в Тверской губернии. Владимир Алексеевич Корнилов впоследствии стал известным

флотоводцем, одним из руководителей обороны Севастополя, где героически погиб. Владимир Алексеевич был очень дружен с лицейским товарищем брата Ф. Ф. Матюшкиным и в течение 16 лет, вплоть до своей гибели, постоянно с ним переписывался. Семья флотоводца испытывала материальную нужду, и Ф. Ф. Матюшкин, холостяк и необычайно добрый человек, не раз помогал ей.

Первоначальное образование Александр Алексеевич Корнилов получил в частном пансионе. Он поступил в Лицей десяти лет и, обладая прекрасными способностями и «счастливой памятью», учился хорошо, хотя и не отличался прилежанием, предпочитая детские игры и забавы. Но он любил рисование и отечественную словесность. В 1812 году педагоги отмечали, что рассудительность и понятливость его превосходят его возраст. Но неосмотрительный в обращении и поступках, несколько упрямый, он, с трудом признаваясь в своих даже самых очевидных ошибках, умел оправдать себя всегда «весьма разумно».

Корнилов был небольшого роста, плотный, тяжеловатый. В Лицее его прозвали «Сибиряк», о нем сохранился в «национальных песнях» такой куплет:

Вот Сибиряк,
Медведь протак
Валяется в постеле.

Сведений о жизни его в Лицее почти нет. Номер лицейской комнаты Александра Корнилова — 19. Его соседями были Сергей Ломоносов и Дмитрий Маслов, с которым он всегда оставался дружен. По-видимому, участия в литературных журналах он не принимал. Александр Корнилов любил порезвиться, проявлял ребячество и упрямство. Наверное, «ребячество» он сохранил и до 1816 года, когда на пост директора вступил

Е. А. Энгельгардт, так как в характеристике о Корнилове Энгельгардт заметил: «Нашел способ так же, как Ржевский, остаться совершенно невинным ребенком. Ни на одно мгновение не может оторваться от забав. В своей наружности он очень небрежен, а в поведении до неуклюжести невоспитан. Он не умен, но имеет хорошую память и делает в формальных науках довольно значительные успехи. Характер у него открытый и чрезвычайно добродушный».

По окончании Лицея Корнилов был выпущен в чине офицера в лейб-гвардии Московский полк. Однополчанами его оказались будущие декабристы Михаил Бестужев и Щепин-Ростовский, с которыми Корнилов сблизился. Много лет спустя в своем письме из сибирской ссылки (из Селенгинска) декабрист М. Бестужев писал близкому другу адмирала Нахимова М. Ф. Рейнике о своей дружбе с П. С. Нахимовым и В. А. Корниловым, называл их товарищами своей юности. В этом же письме с большой теплотой он говорит о старшем брате В. А. Корнилова — о «благородном и умном Александре Алексеевиче», с которым М. Бестужев служил когда-то в гвардии в одном батальоне.

В Тайном обществе Корнилов, видимо, не состоял, но 12 декабря 1825 года, будучи у Д. А. Щепина-Ростовского, выражал намерение не присягать Николаю. 14 декабря, в день восстания, Корнилов находился при своей роте. Прочитав манифест, он вдруг изменил свое намерение и присягнул. Он все же был арестован по делу 14 декабря, но вскоре освобожден. По докладу Следственной комиссии имя А. А. Корнилова было внесено в «Алфавит» декабристов, в который помимо имен Пущина, Кюхельбекера, Вольховского, Дельвига и Корнилова были занесены также имена лицеистов последующих курсов, привлекавшихся к следствию (Б. К. Данзаса, Н. Н. Молчанова, С. Н. Жеребцова, А. В. Малинов-

ского), и, наконец, имя уже не лицеиста, а воспитанника Царскосельского лицейского благородного пансиона, основанного в 1814 году, А. Ф. Нумерса. На дальнейшей судьбе Корнилова ни арест, ни занесение его имени в «Алфавит» не отразились.

Во время русско-турецкой войны 1828 года Корнилов отличился при взятии бастиона Варны, получил ранение и был награжден орденом. В связи с выходом Корнилова в отставку в 1832 году Энгельгардт сообщил Матюшкину: «Наш Корнилов сбрил усы, скинул эполеты и вышел к статским делам в чине действительного статского советника, садится в Сенат за обер-прокурорский стол и, вероятно, со временем займет сенаторский стул, на котором отец его состарился». В 1834—1835 годах он состоял в должности киевского губернатора, затем был губернатором в Вятке, потом — в Тамбове. В 1843 году Корнилов назначается членом консультации при министерстве юстиции и исправляет должность обер-прокурора межевого департамента Правительствующего Сената. В 1848 году он уже тайный советник и сенатор.

Корнилов был женат на графине Софье Дмитриевне Толстой. Не имея своих детей, они заботились о детях В. А. Корнилова. В 1851 году, празднуя 40-летие Лицея, лицеисты первого выпуска собрались у Корнилова. По свидетельству современников, Корнилов всегда с восторгом отзывался о Лицее. До самой смерти он сохранил глубокую признательность лицейским педагогам, теплое и сердечное воспоминание о лицейских годах своей жизни.

Умер Александр Алексеевич Корнилов 5 августа 1856 года и был погребен в сельце Рясна Старицкого уезда Тверской губернии, где покоился прах его отца и матери.

Модест Корф

Модест Корф родился 11 сентября 1800 года. Отец Корфа барон Генрих-Ульрих-Казимир происходил из семьи курляндских помещиков. Он переселился в Петербург в 1797—1798 годах, служил вице-президентом юстиц-коллегии, впоследствии стал сенатором. Мать Модеста Корфа Ольга Сергеевна — русская дворянка. Семья была патриархальная, отличалась благочестием. Первоначальное образование Модест Корф получил дома. На экзамене при поступлении в Лицей одиннадцатилетний Корф проявил хорошие знания. Уже в 1812 году педагоги говорили о его дарованиях, прилежании, благонаравии, скромности, вежливости, любви к порядку и аккуратности, но заметили также его осторожность и боязливость, препятствующие ему быть «совершенно открытым и свободным», и некоторое упрямство. А. П. Куницын заметил, что в нем «приметно сильное соревнование», помогающее юному Корфу добиваться хороших успехов. Интересен отзыв преподавателя и гувернера С. Г. Чирикова, который, ежедневно общаясь с воспитанниками, знал их привычки и характеры. О Корфе Чириков писал, что «скрывает, самолюбие и самонадеяние суть отличные его свойства».

Корф был внешне «добропорядочным», спокойным и несколько чопорным. Он имел пристрастие к чтению религиозных и церковных книг. Эта его особенность сразу привлекла внимание товарищей, и они метко прозвали его «Дьячок».

Мордан дьячок
Псалма стишок
Горланит поросенком

— так пелось о Корфе в одной из «национальных песен», а вот куплет из другой «национальной песни» о желании Корфа отличиться в учении:

Он дьячок у нас исправный
И сиделец в классе славный,
Мы ж нули, мы нули,
Ай люли, люли, люли.

Обладая весьма миловидной внешностью, а также, как полагали преподаватели, «чувствительностью» и «кротостью», Корф был ядовит и саркастичен. Корф получил от соучеников и второе прозвище — «Мордан» (во французском звучании — «едкий»).

Казалось бы, Корф, обладая разносторонними способностями, мог примкнуть к лицейскому литературному кружку. Однако он, по-видимому, к этому не стремился и участия в кружке не принимал. С Пушкиным в Лицее Корф не был дружен, да и по выходе из Лицея они оставались далекими друг другу.

Модест Корф занимал лицейскую спальню № 8 с окном на дворец, по соседству с Иваном Малиновским и Николаем Ржевским, напротив же находилась комната Александра Бакунина.

Е. А. Энгельгардт без симпатии и весьма метко писал о Корфе еще в начале 1816 года: «Он имеет выдающийся талант и большую восприимчивость к формальной стороне наук в той мере, в какой она снабжена внешними чувственными прелестями. К этому же он стремится и в своей манере изложения, но это стремление часто оборачивается в его работах напыщенностью. Он тщеславен, как девочка, что очень удивляет в мальчике. Это тщеславие он обнаруживает даже в положении

тела, которое он выставляет напоказ в различных позах... В отношении начальства он часто обнаруживает некоторую строптивость и притом большей частью из ущемленного тщеславия, которое, где только возможно, выступает даже по отношению к его родителям. В остальном в нем никогда не обнаруживается ничего низкого и свои обязанности в классе он выполняет с большим усердием. Его тетради всегда в величайшем порядке, он пишет красиво и хорошо рисует».

При выпуске из Лицея Корф получил чин титулярного советника и похвальный лист № 4 «с правом на серебряную медаль». Он поступил на службу в министерство юстиции. При прощании с Лицеем и друзьями он, в отличие от многих воспитанников, ничего не написал в альбом директора Лицея Е. А. Энгельгардта, кроме «Барон Модест Корф 10 июня. 1817 г. Царское Село».

А. Пушкин и М. Корф жили в 1817—1820 годах в доме Клокачева на Фонтанке (ныне набережная реки Фонтанки, 185, дом перестроен). Из других адресов Корфа можно назвать также адрес, где он жил в 1823 году: Грязная улица, дом Комаровой, Московская часть, № 104 (ныне улица Марата, участок домов № 16—18, дом не сохранился), и его адрес 1837 года: набережная реки Мойки, дом Ломана (ныне Мойка, 18, рядом с Певческой капеллой и вблизи последней квартиры Пушкина, дом перестроен).

В министерстве юстиции Корф сразу же проявил себя как толковый, деловой, весьма работоспособный и исполнительный чиновник. И уже вскоре, 20 декабря 1817 года, Энгельгардт сообщал Матюшкину: «...Корф в люди пошел, он великий фаворит министра юстиции князя Лобанова...» Кроме основной службы Корф одновременно был редактором в комиссии составления законов и исполнял обязанности делопроизводителя при

сенаторах-ревизорах. Его осыпали наградами за ревностную службу. В 1823 году Корф перешел из министерства юстиции в министерство финансов, где стал начальником отделения в департаменте податей и сборов. Помимо службы Корф занимался переводами. В 1820 году он выпустил первую книгу по русской стенографии под заглавием «Графодромия, или Искусство скорописи, сочинение Астье, переделанное и примененное к русскому языку бароном Модестом Корфом». Эта книга имела посвящение: «Императорскому Царскосельскому лицейскому воспитаннику». Хотя Корф и заимствовал от Астье самую систему, но она была им переработана согласно особенностям русской речи. В 1825 году Корф был назначен управляющим делами двух кабинетов: одного — «Для приискания способов к улучшению состояния городов» и другого — «Для уравнивания земских повинностей».

В 1826 году была закрыта комиссия составления законов, а вместо нее учреждено II отделение Собственной его императорского величества канцелярии, во главе которой поставили М. М. Сперанского. В эту канцелярию старшим чиновником был назначен Корф в чине надворного советника. Будучи наблюдательным, обладая гибким умом и способностью ориентироваться в окружающей обстановке, Корф обратил на себя внимание М. М. Сперанского, который приблизил его к себе. С этого момента начинается блестящая карьера М. Корфа. Сперанский — человек огромного ума — обладал и замечательными качествами государственного деятеля. Корф многое перенял от М. М. Сперанского в деле организации и системы работы. Корф проявил себя как незаурядный систематизатор разрозненных фактов и положений, умевший находить логическую связь и приводить все в стройный порядок. Он выработал свой деловой, но выразительный язык и особый слог и заслу-

жил прозвание «мастерского золотого пера». Способности и знания, превосходное образование, полученное в Лицее,— все это позволило Корфу быстро овладеть всеми особенностями работы. М. М. Сперанский выделял Корфа перед царем как лучшего своего чиновника. Скупой на похвалы, Сперанский о Корфе говорил как о «лучшем работнике».

В 1827 году был завершен огромный труд — «Полное собрание законов» и «Свод законов». Корф вместе с помощниками составлял «Свод гражданских законов». Он удостоился целого ряда наград: получил чин коллежского советника, звание камергера, а также единовременную денежную награду — 5000 рублей. Через несколько лет Корф был назначен вице-директором департамента податей и сборов, а вскоре переведен на должность управляющего делами Комитета министров. Царь приближает его к себе. Звания, чины, ордена, постоянные вознаграждения — все это Корф получает регулярно. Корф лично докладывал царю о делах комитета. В руках Корфа теперь находились важные государственные дела и бумаги, от него многое зависело. Такой феерически быстрый взлет служебной карьеры не мог не удивлять современников. Но его восхождение по ступенькам чиновничьей иерархии продолжалось. Корф назначается «статс-секретарем его величества»*, затем получает должность государственного секретаря и, наконец, чин тайного советника. Писатель Н. Гастфрейнд, опираясь на воспоминания современников, отмечал, что должность свою М. Корф «умел окружить каким-то особенным блеском», порядок делопроизводства был доведен при нем «до совершенства», дела решались

* Почетное придворное звание высших чиновников, дававшее им право объявлять словесные распоряжения царя, так называемые «высочайшие повеления».

«безостановочно» и «во всех канцелярских отправлениях господствовала величайшая точность», переписка бумаг отличалась «щегольским изяществом», в должность писцов привлекались «искуснейшие каллиграфы».

Пользуясь доверием царя, М. Корф постоянно назначался правителем дел в различных секретных комитетах, в которых царь принимал личное участие. Июльская революция 1848 года в Париже испугала царское правительство. В этом же году в России для борьбы с проникновением революционных идей учреждается тайный комитет «постоянного надзора за духом и направлением книгопечатаний». Членом этого комитета назначается Корф. Современники называли этот комитет «черным советом», который вызывал ненависть и неприязнь у всех прогрессивных людей. Так, один из современников сообщал, что кроме цензуры при III отделении Собственной е. и. в. канцелярии была и «секретная» цензура, состоящая из барона М. А. Корфа, Д. П. Бутурлина и еще кого-то. Это и были члены «черного совета», который просматривал еще раз выпущенное гласной цензурой в свет и, «вследствие их особого взгляда, книгу оставляли или извлекали из обращения и истребляли, угрожая в то же время авторам и издателям». В своем дневнике крупный государственный чиновник, цензор и автор известных мемуаров А. В. Никитенко писал, что Корф не всегда разделял суждения комитета, доказывая нелепость придираков. Брату своему Корф говорил, что его «приводит в омерзение» работа в комитете и что он готов бежать оттуда. В то же время Корф проводил весьма жесткую политику по отношению к тем сочинениям, где усматривал «безнравственное направление». Так, например, в «Саратовских ведомостях» были напечатаны русские народные песни. Корф нашел их «безнравственными», о чем и донес царю. Вследствие этого саратовскому губернатору был вынесен строгий

выговор, а директора гимназии, который был цензором «Саратовских ведомостей», на целый месяц посадили на гауптвахту. Биограф Пушкина и издатель журнала «Русский архив» П. И. Бартенев подчеркивал, что уже через три года по выходе из Лицея барон М. А. Корф стоял за строгие цензурные меры.

В 1849 году Корф становится директором Императорской публичной библиотеки. Этот пост он занимал двенадцать лет и проявил себя не только как деловой и энергичный человек, но и как большой знаток книги. Им было вложено много труда в преобразование системы хранения сокровищ библиотеки и их систематизации, чтобы читатели легко могли пользоваться ее богатствами. Он создал отдел «Rossica», где собрал книги о России, изданные на разных языках. Мысль о составлении каталога иностранных книг, содержащих в себе сведения о России, возникла у Корфа вскоре после выхода его из Лицея, и потому он постоянно делал библиографические заметки на особых листках. Литератор и академик А. Ф. Бычков, в свое время подчиненный Корфа, рассказывал, что отделение книг о России на иностранных языках росло «как сказочный богатырь, не по дням, а по часам». Приобретались не только книги, но и рукописи. После «десятилетних неослабных и упорных стремлений» в Публичной библиотеке были собраны в возможной полноте все книги о России, напечатанные на русском и иностранных языках. Устройство нового отдела было завершено изданием его каталога в двух томах («Catalogue de la section de Rossica»), в составлении и печатании которого Корф принимал самое деятельное участие.

Под началом Корфа в библиотеке служил известный критик В. В. Стасов. Впоследствии он отмечал, что до М. А. Корфа Публичная библиотека мало посещалась, имела неприглядный вид. Благодаря энергии Корфа залы

ее на всем протяжении здания наполнились выставками «редких, полезных и любопытных предметов и изданий». Их назначение — историческое, научное или эстетическое — объясняли специально выбранные для этого служащие. В некотором роде это были как бы «маленькие публичные курсы», которые читались в течение всего года и «привлекали постоянно толпу народа». Стасова поражала трудоспособность Корфа, который «изумлял своею неутомимостью, деятельностью и быстротою в работе».

Корф был верным и ревностным слугой самодержавия. Показательно, что еще в 1847 году по поручению Николая I именно М. Корф читал законоведение второму царскому сыну великому князю Константину Николаевичу, а в 1859 году Александр II предложил Корфу ознакомить наследника престола с основами русского законоведения. В 1864—1870 годах он также преподавал право великим князьям. Он являлся постоянным членом, а чаще всего председателем различных гласных и негласных — тайных, или секретных, постоянных и временных комитетов. Он был членом секретного «Комитета 6 декабря 1826 года» по делу декабристов. По поручению Николая I в 1848 году Корфом был написан очерк «Историческое описание 14 декабря 1825 года и предшедших ему событий», напечатанный в количестве двадцати пяти экземпляров. Здесь Корф язвительно и желчно описывал восстание, клеветал на декабристов — людей высокой душевной чистоты. Корф не щадил никого, даже своих товарищей по Лицею И. И. Пущина и В. К. Кюхельбекера. Второе издание этой книги, тоже в количестве двадцати пяти экземпляров, вышло под заглавием «Четырнадцатое декабря 1825 года».

В 1857 году снова выходит книга Корфа о 14 декабря, предназначенная уже для широкого круга читателей, под заглавием «Восшествие на престол императора Ни-

колая I». Эта книга была переведена на французский, английский, немецкий, голландский, шведский, польский, финский и другие иностранные языки. Еще были живы многие декабристы, потерявшие здоровье в казематах и на каторге, но не сломленные нравственно, свято верившие в правоту своего дела, и книга эта попала им в руки.

Пушин писал декабристу Г. С. Батенькову: «Что скажешь о книге Корфа? На меня она сделала очень мрачное впечатление и еще более отдалила от издателя». В письме от 23 августа 1857 года к М. И. Муравьеву-Апостолу Пушин сообщает: «Корфова книга вам не понравится — я с отвращением прочел ее, хотя он меня уверял, что буду доволен. Значит, он очень дурного мнения обо мне. Совершенно то же, что в рукописной брошюре, только теперь не выставлены имена живых. Убийственная раболепная лесть убивает с первой страницы предисловия...»

Лживая книга Корфа была с презрением встречена прогрессивно мыслящими людьми. Кстати сказать, в книжке «Тайное общество и 14 декабря 1825 года в России», изданной в Лейпциге, Пушин описал дело 14 декабря в отдельной статье (его соавторы — Е. П. Оболенский и И. Д. и Е. И. Якушкины), посвященной этому событию и впервые опубликованной А. И. Герценом. Так в борьбу против извращения исторических событий включились сами декабристы.

Прежде всего, против «раболепной» корфовой брошюры выступила Вольная печать Герцена — Огарева. Корф, оказывается, ждал этого с нескрываемым страхом, а по появлении книги Герцена «14 декабря 1825 года и император Николай», по сообщению современника, «упал в обморок — буквально упал». Герцен назвал свое выступление «Антикорффикой». «В России издано неким бароном Корфом сочинение о Николае,—

писал Герцен своему корреспонденту.— Против этого гнусного византийского раболепия и бюрократической подлости мы печатаем особый труд под заглавием „26 декабря 1825 года и император Николай“». Н. П. Огарев сделал «Разбор книги Корфа», А. И. Герцен писал о жалком, ложном, рабском воззрении Корфа на исторические события.

Вольная типография (издательство) Герцена — Огарева несколько раз атаковала книгу Корфа: это и статья в «Колоколе», и отдельное издание книги о 14 декабря, и статья «Русский заговор 1825 года», во введении к которой Герцен давал резкую оценку Корфу и его «подлому сочинению». Кстати сказать, эпитетом «подлый» современники, по-видимому, часто награждали Корфа. Так, в письме В. Аксаковой (дочери писателя и сестры известных публицистов-славянофилов) к П. И. Бартеневу звучит отчаяние перед опасностью исчезновения записок генерала А. П. Ермолова, которым современники придавали большое значение и которых боялось правительство: «Отнимут его записки, и не достанутся они истории. Для этого и приезжал (вел. кн.) Михаил Николаевич и подлый Корф» (после смерти Ермолова они посетили его дом).

Верноподданническая книга Корфа заслужила презрение честных людей, а громкий протест прогрессивной русской Вольной печати стал одним из ярких эпизодов общественной борьбы 1850-х годов за разоблачение самовластья, против фальсификации и фальсификаторов истории.

Корф много занимался литературным трудом. Он оставил записки о Лицее, написанные в 1854 году, где всячески подчеркивал свои нравственные достоинства, но словно удивлялся своей неожиданной блестящей карьере. Записки Корфа о Лицее резко противоположны воспоминаниям И. И. Пущина, писавшего о Лицее с за-

душевной теплотой и благодарностью. Корф отзывался о Лицее резко, желчно, недоброжелательно. Внутреннее устройство Лицея, воспитание, образование, характеристика преподавателей, большинства соучеников и А. С. Пушкина выявляет его стремление всех и все принизить.

Если верить запискам Корфа, то в Лицее ничему не учили, все предавались «изысканной» лени и ничегонеделанию. В корне этих суждений лежало тщеславие, которое так безошибочно еще в 1816 году определил Е. А. Энгельгардт. Корф воображал, что все вершины и знания он завоевал собственным трудом, путем самообразования. Он не считал себя чем-нибудь обязанным Лицею, где якобы были плохие педагоги и невежественные гувернеры. О первом директоре Лицея В. Ф. Малиновском Корф говорил снисходительно, как о человеке добром, но с «несколько семинарским образованием». Ослепленный тщеславием, он словно не понимал, что именно Лицей развил в нем и в его товарищах интерес к литературе, к русской истории, любовь к книге, что Лицей дал ему разносторонние знания и блестящее образование. Бывший лицеист академик К. С. Веселовский, известный экономист, знавший М. А. Корфа достаточно хорошо, видя его двоедушие, заметил, что «Корф вообще любил макать свое острое перо в очень черные чернила» и, дав «далеко не в розовом свете» изображение Лицея, в старости называл его не иначе, как «наш дорогой Лицей».

Будучи монархистом, а также «искателем мест и денег», как называл его один из современников, — человеком, желавшим прежде всего создать себе прочное положение, Корф оставался далек и чужд передовым своим товарищам. Недружелюбие к Пушкину, явно выраженное Корфом в его записках, указывает на ту пропасть, что всегда разделяла вольнолюбивого поэта и воин-

ствующего монархиста, получающего из рук царя милости, награды и чины.

Корф извратил многие факты лицейской жизни. Как в описании событий 14 декабря 1825 года, так и в воспоминаниях о Лицее и о Пушкине Корф прежде всего придерживался официального взгляда на Лицей, на его педагогов и воспитанников, прекрасно зная и чувствуя, чего от него хотят «свыше». Но желчь, излитая Корфом на Лицей, сыграла свою роль. Многие читатели-современники верили Корфу, ведь воспоминания писал бывший лицеист первого выпуска, товарищ Пушкина, известный государственный деятель.

В то же время Корф педантично присутствовал на лицейских сходках, посвященных 19 октября. А. С. Пушкин, посылая свое стихотворение «19 октября» 1825 года своим товарищам по Лицею, по-видимому, предполагал, что на праздновании годовщины будет гораздо больше товарищей, но собралось только шесть. Не случайно в стихотворении не прозвучало ни строчки, обращенной к Корфу, и, надо думать, его самолюбие было уязвлено.

Свою внутреннюю неприязнь к Пушкину Корф, по-видимому, умел скрывать. Однажды Корф обратился к Пушкину с письмом (это было в 1833 году), прося похлопотать о работе для одного своего знакомого в «Библиотеке для чтения» Смирдина. Пушкин всегда был готов помочь нуждающемуся и, выполнив просьбу Корфа, ответил ему: «Радуюсь, что на твое дружеское письмо мог отвечать удовлетворительно и исполнить твое приказание... Весь твой Александр Пушкин». Както в 1836 году в разговоре с Корфом Пушкин сказал, что трудится над историей Петра I. Корф прислал поэту каталог иноязычных сочинений о России, составленный им самим. Пушкин был сердечно благодарен Корфу: «Вчерашняя посылка твоя мне драгоценна во всех отно-

шениях и остается у меня памятником. Право, жалею, что государственная служба отняла у нас историка. Не надеюсь тебя заменить. Прочитав эту номенклатуру, я испугался и устыдился: большая часть цитированных книг мне неизвестна. Употреблю всевозможные старания, дабы их достать. Какое поле — эта новейшая русская история! И как подумаешь, что оно вовсе еще не обработано и что кроме нас, русских, никто того не может и предпринять! — Но история долга, жизнь коротка, а пуще всего человеческая природа ленива (русская природа в особенности). До свидания. Завтра, вероятно, мы увидимся у Мясоедова. Сердцем тебе преданный А. П. 14 окт.». Читая эти письма, невольно сравниваешь их с записками Корфа. Пушкин — искренний, благодарный за всякое к нему малейшее внимание со стороны товарища... И Корф — двоедушный, словно носящий за пазухой камни, предназначенные поэту и Лицею.

М. А. Корф умер в Петербурге 2 января 1876 года и был похоронен в Александро-Невской лавре.

Константин

Костенский

Константин Костенский до поступления в Лицей учился в частном пансионе. Отец его служил при Царскосельской ассигнационной бумажной фабрике. Костенские жили у Купального пруда рядом с фабрикой. Постройки бумажной фабрики занимали все три

берега пруда. Центральное здание фабрики сохранилось на северном берегу (ныне улица Пролеткульта, 1). На западном берегу пруда на набережной располагались постройки для чиновников и мастеровых фабрики. (Ныне это участок дома № 14—20 по улице Пролеткульта. По-видимому, от тех построек сохранился дом № 20.) До поступления в Лицей Константин Костенский учился в частном пансионе Бочкова.

Принятый в Лицей четырнадцати лет, Костенский был старше многих воспитанников, но по своему духовному развитию не выделялся, учился посредственно, хотя был весьма старателен и прилежен. А. П. Куницын ставил Костенского в разряд «хороших» учеников, отмечал его «слабое понятие», но большое прилежание, а потому и «некоторые успехи». В поведении Костенский был скромнен и не имел «в характере ничего достойного осуждения». Как-то по-стариковски тихо, почти незаметно жил и учился он бок о бок с Александром Пушкиным. По-видимому, Костенский в лицейских журналах участия не принимал. Но известно, что он участвовал в спектакле 30 августа 1812 года по случаю дня рождения царя. Тогда в Лицее была поставлена одноактная пьеса, сочиненная гувернером Иконниковым, «Добрый помещик». Кроме Яковлева, игравшего главную роль, в спектакле принимали участие Пущин, Корсаков, Иличевский и Костенский.

«...В своей внешности он проявляет много тщеславия,— писал Е. А. Энгельгардт о Костенском в 1816 году,— редко показывается иначе, чем упершись руками в бока. Поскольку он одарен от природы очень скудно, то его прилежание почти ни к чему не приводит. Заслуживает похвалы его большое добродушие и уживчивость».

В лицейских «национальных песнях» Костенскому посвящен такой нелестный куплет:

Сухой скелет
Старик в сто лет,
В углу кусает фигу.

Костенский окончил Лицей с чином коллежского секретаря и поступил в канцелярию министерства финансов. Покидая Лицей, Костенский написал в альбом Энгельгардту: «Перебирая в Альбоме листки, могу надеяться, что не пропустите и того, в котором есть Вас любящий по смерти. Константин Костенский».

Вот, казалось, и все сведения о лицейской жизни Константина Костенского. Но исследователь А. Эфрос, в 1930 году подробно изучая и рассматривая рисунки Пушкина, не обошел вниманием ни учителя рисования в Лицее Чирикова, ни его учеников — сокурсников поэта. Увлеченный рисованием, педагог Чириков «превратил свой класс в универсальную копировочную мастерскую», его ученики рисовали с антиков, с эстампов, с рисунков, с иллюстраций, с народных картинок; они «сводили, растушевывали, моделировали» головы и фигуры богов, богинь, героев, мудрецов, властителей, бар, простонародья, зверья. В удивительном, страстном, увлекательном своем монологе о Пушкине и его товарищах, возникшем в связи с их рисунками, А. Эфрос весьма меток в характеристиках. Дав анализ рисунков соучеников Пушкина, он определил и назвал первых художников Лицея. Разбирая лицейские рисунки Пушкина и его товарищей, Эфрос утверждает, что «настоящим человеком в искусстве» был Вольховский, хотя это, может быть, покажется и неожиданным, ибо «замечательный юноша, вызывающий к себе на столетнем расстоянии ту горячность симпатии, какую из всех перволицеистов мы чувствуем только к ближайшим пушкинцам, к Дельвигу, Пушкину, да, пожалуй, к Кюхельбекеру, был наделен большей одаренностью, нежели то представляешь себе по официальным похвалам и товарищеским

панегирикам». Установив и обосновав первенство Вольховского как лицейского художника, Эфрос видит близким к нему лишь одного — Костенского. И если краткий страстный монолог Эфроса о Вольховском можно озаглавить его же словами: «скромность была его несчастьем», то не менее горячий монолог о Костенском звучит почти по-гоголевски, как маленькая поэма о маленьком человеке, как история одной несложившейся судьбы.

Наверняка впервые лишь в 1930 году, ровно через сто лет после смерти Костенского, исследователь уловил то, в чем, может быть, сам себе не хотел признаться «Старик» Костенский. «Лист с гусаром наводит на мысль, что рисование было какою-то уединенной его привязанностью, мрачной страстью... Лицей был для него, «старика», ни к чему. Он нуждался в иной школе. Лицейский недоросль мог бы успевать на скамье Академии художеств... Его «Гусар» говорит столько же о том, чем он мог бы быть, сколько и о том, чем он не стал. Это памятник одной несложившейся судьбы». Разбор Эфросом рисунков вылился в краткий, но увлекательный рассказ о каждом рисовавшем, и личность «Старика» Костенского окрасилась новыми неведомыми красками, и его «посредственность» осветилась радостным светом творчества.

О прожившем незаметно шесть лет в Лицее и тринадцать лет после Лицея Костенском почти ничего не известно. Во многом он не мог соревноваться с блистательными своими соучениками, да и не думал об этом. К. Д. Костенский смолоду стал чахнуть, сторониться встреч со своими даровитыми товарищами. Он чуждался чужих радостей, может быть, потому, что чувствовал — ему самому их отпущено слишком мало. Добрый, снисходительный, застенчивый, чуткий к каждому проявлению дружбы, он сам очень в ней нуждался, но из

скромности старался о себе не напоминать. Энгельгардт, переписываясь с «первенцами Лицея», сообщая им все лицейские новости, 10 сентября 1820 года писал о Костенском Матюшкину: «Старик записывает новые ассигнации», а 14 сентября 1823 года он же — Кюхельбекеру: «Костенский не взирая на маститую старость свою служит и делает новые ассигнации». Он служил помощником бухгалтера в Государственном Ассигнационном банке.

Многие воспитанники Лицея переписывались с Константином Костенским. В 1830 году Владимир Вольховский от имени товарищей писал Костенскому, чтобы тот принял участие в праздновании 19 октября. Костенский был нелюдим, и товарищи верили, что авторитет Вольховского заставит его принять участие в сходке, посвященной лицейской годовщине. Но Костенский был уже очень болен. Растроганный теплотой и вниманием товарищей, он ответил Вольховскому: «Любезнейший Владимир Дмитриевич, потрудитесь благодарить гг. моих товарищей за сделанное мне приглашение: оно для меня лестно тем более, что этим самым показывает, что любовь товарищей первого выпуска пылает все так же и в 1830 году, как и в 1811-м. Но мне, к крайнему сожалению, нельзя быть участником вашего веселия, я страдаю горлом и вот уже четыре недели ничего не могу есть, ни пить. Поверь мне, любезнейший Владимир Дмитриевич, что это истинная правда. Повеселитесь, господа, и без меня, а за здоровье больного хоть одну рюмку. Вам преданный К. Костенский. 19 октября 1830 г.».

Это было последнее письмо Костенского. 13 ноября 1830 года его не стало. О смерти Костенского писал в своем письме Матюшкину Е. А. Энгельгардт: «Старика Костенского нынешней осенью похоронили; это был человек не блистательный, но добрый и в своем роде

почтенный». Тихо и незаметно прошел по жизни лицейский товарищ Пушкина Константин Дмитриевич Костенский.

Сергей Ломоносов

Сергей Ломоносов, сын генерал-майора, свое первоначальное образование получил в частном Петербургском пансионе, где учился и будущий известный поэт П. А. Вяземский, а затем в Московском университетском благородном пансионе. Тринадцати лет он поступил в Царскосельский лицей и в течение шести лет обучения всегда был на хорошем счету, являясь примерным учеником. Познакомясь со всеми отзывами педагогов о Сергее Ломоносове, можно сказать, что наставники видели в нем способного, трудолюбивого и усердного ученика. Он был степенен, осторожен, благоразумен, хотя и вспыльчив, но его вспыльчивость находилась «совершенно в его власти». Он любил чтение, но не иное, как «о важных и полезных предметах», и особенно интересовался историческими книгами. Он старался быть с теми, кто рассуждал о чем-нибудь полезном, а в противном случае терял интерес и уединялся, но без задумчивости и угрюмости. Приметно в нем было и «пристрастие к собственному мнению», и решительное желание усовершенствовать «нравственные и умственные силы свои с благим намерением быть полезным человеком».

Сергей Ломоносов примыкал к литературному кружку воспитанников. Через своих родителей он был знаком

с дядей Александра Пушкина Василием Львовичем, который в письмах к своему племяннику посылал Ломоносову приветы. Пушкин же знал брата Ломоносова, Николая, бывавшего в Лицее, и посвятил ему в 1814 году послание «К Н. Г. Ломоносову» (напечатано в «Российском музее» в 1815 году). От товарищей Сергей Ломоносов получил прозвище «Крот». «Очень интересный юноша,— писал в начале 1816 года о Ломоносове Е. А. Энгельгардт,— не то, чтобы гениальный, но всё же выдающийся талант. По истории он идет превосходно. Политикой интересуется очень живо. Очень словоохотлив и умеет обычно направить разговор на наиболее высокие интересы человечества, затем свободно перескакивает с предмета на предмет, касаясь главным образом поверхности отчасти из юношеского легкомыслия... Он любит людей... и часто думает о том, каким образом он может быть для них наиболее полезен. От этого он всегда полон проектов и предложений, направленных обычно на преобразование армий, новые порядки в министерстве, другое управление финансами и т. п.»

В Лицее Сергей Ломоносов занимал комнату № 20 (напротив комнаты Александра Горчакова) с окном на южную сторону, то есть в сторону Большого дворца. Соседом его был Александр Корнилов. Окончив Лицей с хорошим аттестатом, он получил 4-ю серебряную медаль и поступил в коллегию министерства иностранных дел. На дипломатическом поприще Ломоносов остался до конца своих дней. Он был секретарем посольства в Вашингтоне, был посланником в Филадельфии, Париже, Мадриде, Копенгагене, Лондоне, Рио-де-Жанейро, при португальском и нидерландском дворах. Сергей Григорьевич Ломоносов скончался 13/25 декабря 1857 года в имении князя Демидова Сан-Дonato близ Флоренции и был погребен в городе Ливорно на Греческом кладбище в церкви, прямо против алтаря.

Известны два портрета Ломоносова. В юности он отличался приятной внешностью. Об этом можно судить по рисунку, сделанному в 1816 году учителем рисования С. Г. Чириковым. Но особенно интересным и выразительным представляется лицо С. Г. Ломоносова на акварельном портрете, исполненном в 1849 году Карлом Брюлловым.

Оторванный от родины на долгие годы, Ломоносов сохранял привязанность к товарищам и любовь к Лицею. Со многими лицейскими друзьями он долгое время находился в переписке. Еще в 1818 году он писал Вольховскому: «Спешу уведомить тебя, любезный Вольховский, что через неделю, а много через две, отправляюсь в Москву, дабы там во время пребывания государя императора находиться при канцелярии графа Нессельроде... Мне бы хотелось видеться с тобою, но право не знаю как. Перед отъездом буду еще раз в Ц. С. (Царском Селе.— *Авт.*). Если бы тебе можно было приехать, проститься со мною... Нас сегодня пять человек лицейских у Егора Антоновича, жаль, что ты не приехал умножить число старых Ветеранов. Прощай. Гвардейской свиты фельдмаршал, кланяйся Гревеницу. Тебе преданный Сергей Ломоносов».

Ломоносов переписывался также и с С. Комовским, служившим тогда в департаменте просвещения. Из Вашингтона он писал ему: «Радуюсь сердечно, что ты доволен службою, а что лучше — судьбою. Дай бог всем лицейским счастья: благополучие одного простирается на всех... Ты желаешь иметь известия о здешних ученых обществах и богоугодных заведениях. На досуге постараюсь собрать надлежащая сведения и удовлетворить твоему любопытству... Ты у меня просил безделицу на память: посылаю тебе медаль Вашингтона. Не пишу Матюшкину за недостатком времени...»

В 1821 году, приехав из Америки, Ломоносов привез в подарок Лицею разные минералы, чем очень обрадовал Е. А. Энгельгардта. Находясь все время за границей, Ломоносов в лицейских сходках участвовал редко (известно, что он присутствовал на них в 1835 и в 1843 годах).

С. Г. Ломоносов, назначенный в марте 1835 года посланником в Бразилию, пробыл там около двенадцати лет и много сделал для укрепления культурных связей между Россией и Латинской Америкой. Владая португальским языком как истинный португалец, он быстро завоевал популярность и подружился с императором Педро II, который учился у него русскому языку. В письме к своему другу московскому почт-директору и литератору А. Я. Булгакову Ломоносов сообщал о том, что ему в этой «стране лимонных и апельсинových деревьев» удалось установить хорошие отношения с «различными уважаемыми особами».

С. Г. Ломоносов опубликовал несколько статей о Бразилии в журнале «Современник», основанном Пушкиным. В одной из статей он писал об ужасающей нищете жителей богатейшего района алмазов, а порядки, установленные английской компанией, добывавшей золото, он иронически назвал «прекрасно устроенной машиной», которая «надолго останется источником выгод для владельцев этой драгоценной собственности». Таким образом, С. Г. Ломоносов едва ли не первый познакомил русских с Южной Америкой, «как объехавший побережье от Рио-Жанейро до устья реки Амазонской», о чем в 1841 году в «Современнике» была помещена его статья «События в области Пара» за подписью «С. Л. 6(18) января в горах Оргу».

Республиканское восстание в провинции Пара (территория современных штатов Пара и Амазонас), о котором рассказывал Ломоносов, началось волнениями

среди мелкой буржуазии, ремесленников, крестьян. В восстании участвовали также негры-рабы и индейцы. Участников этого массового выступления современники называли «кабанос» — неимущие, — а само движение получило название «Кабанада» (1833—1839 годы). Статья Ломоносова «События в области Пара» представляла собой незначительно обработанный его же официальный отчет министру иностранных дел К. В. Нессельроде «Заметки о революции в Пара», для составления которого Ломоносов в апреле 1840 года специально отправился на север Бразилии, чтобы на месте собрать материалы. В связи с тем что в статье Ломоносова шла речь о республиканском восстании, цензор не решился дать разрешение на ее публикацию и доложил о ней на заседании Петербургского цензурного комитета, который разрешил печатать статью, но при условии изменения названия. Так, слово «революция», употребленное Ломоносовым, было заменено на менее значительное — «события».

Еще в 1839 году в «Современнике» была помещена статья профессора В. С. Порошина «Картина Бразилии». Эта статья, вероятно, составлена по письмам Ломоносова из Бразилии, ибо в ней указывалось, что «главным источником... при составлении этой статьи была рукопись одного русского, проживавшего с лишком пять лет в Бразилии», а Ломоносов действительно пробыл в Рио-Жанейро ко времени опубликования статьи именно пять лет. В 1840—1841 годах в «Современнике» появились еще две статьи Ломоносова о Бразилии. Особенный интерес представляет и высказывание автора о тяжелом положении негров-рабов и о том неизгладимом отпечатке, который накладывает рабство на национальный характер бразильцев.

Пробывая почти 40 лет за границей, Ломоносов постепенно потерял связи с товарищами. В июне

1856 года лицеист А. А. Серно-Соловьевич, отправившийся на каникулах в заграничную поездку, писал своему товарищу И. И. Шамшину, что на рейнском пароходе познакомился с Ломоносовым. Серно-Соловьевич «с трепетом в душе подошел к нему, надеясь поговорить с ним о Пушкине... но не нашел в нем того, что искал. Забыл он уже товарищей своих, а о Пушкине не мог ничего сказать».

Отец Мартынова Иван Иванович имел прямое отношение к организации Царскосельского лицея как директор департамента народного просвещения. Он происходил из духовного сословия. Родился в 1771 году в Полтавской губернии в бедной семье. Рано осиротел и был принят в Полтавскую семинарию на казенный счет, а затем переведен, как лучший ученик, в С.-Петербургскую Александро-Невскую семинарию «для образования на учителя». Здесь он познакомился и сдружился с М. М. Сперанским.

И. И. Мартынов обладал блестящими способностями, великолепно владел древними и европейскими языками, был переводчиком, писателем и издателем. Он принимал участие в создании устава Лицея, редактируя его. Близкий к М. М. Сперанскому и В. Ф. Малиновскому, Мартынов разделял их прогрессивные идеи. Несмотря на то что первоначальный проект Лицея вызвал нападки реакции, Мартынов при редактировании сумел сохранить основную идею, высказанную Сперан-

ским. Он поддерживал назначение В. Ф. Малиновского на пост директора Лицея.

И. И. Мартынов помогал министру просвещения графу Разумовскому и Малиновскому экзаменовать поступавших в Лицей мальчиков. 12 августа 1811 года в доме министра экзаменовалась часть поступавших в Лицей. Дом, где происходил экзамен (3-й квартал Московской части, № 389), просуществовал до начала XX века, когда при перепланировке всего участка городской усадьбы Разумовского был снесен. Посредине усадьбы была проложена Бородинская улица, а по концам ее построены четыре доходных дома Мещанского общества (ныне по набережной реки Фонтанки, № 86 и 88, и по Загородному проспекту, № 31 и 33).

В день торжественного открытия Лицея Мартынов зачитывал устав Лицея. Им же была составлена и официальная речь, с которой выступил В. Ф. Малиновский. В дальнейшем И. И. Мартынов часто совершал поездки из Петербурга в Царское Село. В Лицее он занимался с воспитанниками, экзаменовал их, читал лекции, иногда заменял заболевших педагогов. Он явно выделял А. С. Пушкина, видел в нем будущего поэта. Человек высокообразованный и весьма даровитый, И. И. Мартынов писал стихи, прозу, делал переводы с греческого и латинского, а также с других европейских языков, серьезно занимался ботаникой и составил «Технико-ботанический словарь». В 1806 году в С.-Петербурге Мартынов издавал журнал под названием «Лицей». Им были сделаны переводы сочинений греческих классиков, в частности Эзопа, Калимака, Софокла, Гомера, Геродота, Лонгина, Анакреона, а также французских классиков Руссо, Вольтера и других. Мартынов находился в дружеских отношениях и поддерживал литературные связи с известными поэтами своего времени,

главным образом с Державиным, Карамзиным, Крыловым, Жуковским.

Сын И. И. Мартынова Аркадий Мартынов был крестником М. М. Сперанского. Десяти лет он поступил в Лицей. В «Табеле, составленной из поданных ведомостей гг. профессоров, адъюнкт-профессоров и учителей...» за 1812 год о Мартынове Кошанский писал, что по российской и латинской словесности успехи его «очень хороши»; по французской словесности де Будри отмечал «медленные успехи и мало прилежания»; по нравственным наукам Куницын указывал на «хорошие успехи, несмотря на слабое прилежание». Надзиратель М. Пилецкий заметил степенность, равнодушие, внимательность одиннадцатилетнего Аркадия Мартынова, превосходившие его возраст, и дарования, особенно заметные в искусствах, например в рисовании и в занятиях гимнастическими упражнениями. А через год пристрастие Мартынова ко всем гимнастическим упражнениям вновь отмечает гувернер Чириков.

Аркадий Мартынов, не блистая талантами отца, но будучи способным мальчиком, обладал врожденным чувством прекрасного. Он любил русскую литературу и сразу же вошел в кружок лицейских товарищей, занимавшихся изданием рукописных журналов. Написанное Мартыновым неизвестно, но он числился одним из «издателей» журнала «Лицейский мудрец». Он весьма хорошо рисовал. Помимо рукописных лицейских журналов воспитанники выпускали, по некоторым сведениям, журнал карикатур, которым руководил учитель рисования Чириков, художниками этого журнала стали Алексей Илличевский, Аркадий Мартынов и Александр Пушкин. Как известно, Пушкин больше всего сходил с участниками рукописных лицейских журналов. По-видимому, в годы учения поэт был в дружеских отношениях с Аркадием Мартыновым. Ему на память

Александр Пушкин подарил свой рисунок, изображающий собаку с птичкой в зубах. Рисунок хранится в Пушкинском доме. В 1813 году в стихотворении «Монах» Пушкин вскользь упоминает о Мартынове:

Но Рубенсом на свет я не родился,
Не рисовать, я рифмы плестя пустился.
М(артынов) пусть пленяет кистью нас,
А я — я вновь взмогился на Парнас.

Мартынов занимал в Лицее комнату № 34, между комнатами Дельвига и Комовского.

В начале 1816 года Е. А. Энгельгардт записал об Аркадии Мартынове: «...рисует и фехтует лучше всех. Он любит порядок и делает в некоторых науках значительные успехи. Если не ошибаюсь, он самый молодой после Ржевского, и он бы достиг большего, если бы воспитывался с мальчиками своего возраста, с которыми мог бы идти в ногу».

Окончив Лицей, Мартынов получил чин коллежского секретаря и поступил в министерство народного просвещения, где и проработал всю жизнь. Замкнутый по характеру, Мартынов все более и более отдалялся от своих товарищей. Но в день празднования 25-летия Лицея в 1836 году он присутствовал на товарищеской сходке, где в последний раз встретился с Пушкиным.

В 1816 году И. И. Мартынов купил дом с оранжереями на Васильевском острове по Малому проспекту (дом № 387 между 11-й и 12-й линиями). Здесь он жил до самой смерти в 1833 году. В этом же доме жил и его сын А. И. Мартынов. Здание находилось на участке, занятом сейчас домом № 30/56 по Малому проспекту на углу 11-й линии.

Умер Аркадий Иванович Мартынов 2 мая 1850 года в Петербурге и был похоронен там же, где и его отец, — на Смоленском кладбище. Сведений о жизни и деятельности Мартынова почти нет.

По-видимому, несмотря на свои незаурядные способности, Мартынов, будучи замкнутым и впоследствии очень болезненным, жил в основном интересами семьи и службы. Портретов А. И. Мартынова не сохранилось.

Любопытно написал о Мартынове известный исследователь рисунков Пушкина А. Эфрос, имея в виду засвидетельствованные историографами художественные дарования Мартынова: «Как бы то ни было, второе великое дарование Лицея (первое — А. Илличевский. — Авт.) разделило за лицейским порогом участь первого. Молчаливик и нелюдим, растерявший связи с бывшими товарищами, прошедший жизнь средним чиновником — от младшего помощника начальника департамента просвещения до статского советника за выслугу лет — Мартынов не сохранил ничего, что могло бы поддержать его отроческую репутацию. Можно сказать, что он умер в день выхода из Лицея. Прощальный дар Пушкина «Собака с птичкой» да мелькнувшие инициалы в «Монахе» — единственные капли живой воды, выводящие из небытия эту смутную тень».

Конечно, Пущин, Кюхельбекер, Вольховский, Горчаков, Матюшкин и Дельвиг вошли бы в историю России, если бы даже не были товарищами Пушкина по Лицею, но имена многих соучеников поэта остались жить только с его именем.

Даже прогрессивнейшее учебное заведение — Лицей без Пушкина потерял бы свое магическое обаяние. Слава Лицея началась с именем Пушкина, с его посвящений Лицею, с его светлых воспоминаний. Благодаря Пушкину впервые заговорили о «лицейских питомцах», о первом «блистательном» выпуске Царско-сельского лицея. И современниками всегда подчеркивалось, когда речь шла о Малиновском, Вольховском или о Данзасе, что он был из числа именно первого «славного» выпуска. Но что слава Лицея без Пушкина?..

«Лицейское солнце обманчиво. Если оно и горит, то лишь отсвечиваясь Пушкиным», — заметил А. Эфрос. И это справедливые слова.

Дмитрий Маслов

Любопытна судьба Дмитрия Маслова — третьего лучшего ученика Лицея. Год рождения Маслова точно не выяснен. По формулярному списку Д. Н. Маслова, составленному в 1849 году, ему значится 50 лет от роду, следовательно, он родился в 1799 году, если же считать, что в 1812 году Маслову было 16 лет (судя по отчетам М. Пилецкого), то в Лицее он был одним из старших по возрасту. Первоначальное образование он получил в Московском университетском благородном пансионе, который имел самую «лестную репутацию» (здесь воспитывался некогда и поэт В. А. Жуковский). Успешно сдав экзамен в Лицей, Дмитрий Маслов сразу же проявил себя как превосходный ученик. Педагоги оценили его отличные дарования, редкое прилежание, постоянные и надежные успехи. Но при «чувствительности с отличным добродушием» Маслов, как отмечали наставники, был и самолюбив. Дмитрий Маслов занимал комнату № 18 с окном в сторону дворца, соседями его были Алексей Илличевский и Александр Корнилов.

Как «один из способных учеников», склонных к российской словесности, Маслов примкнул в Лицее к литературному кружку, участвуя в издании рукописных журналов. За любовь к русской истории и литературе, за отличные знания, прекрасный слог товарищи называ-

ли Маслова «наш Карамзин». В «национальной песне» о Маслове, весьма усердно ухаживавшем за своими волосами, говорится:

Наш Карамзин
Из ста корзин
Помаду смазать хочет.

Дмитрий Маслов отличался высоким ростом, был широк в плечах и крепко сложен. О Маслове в шуточной песне «Паясы» (1813 год) говорилось:

А там высокий и рогатый,
Как башня Маслов восстает.

Директор Лицея Е. А. Энгельгардт, характеризуя Маслова, в начале 1816 года заметил: «...имеет большие способности к литературе и математическим наукам и сделал в математике значительные успехи. Он скромн и больше всех остальных близок к возмужанию. Говорит мало и плохо и охотно уединяется. Когда он считает себя обиженным, скрывает свое недовольство. Я думаю, что в нем довольно много гордости и самомнения. Его поведение было всегда исключительно осторожным и совершенно безупречным». От глаз товарищей-насмешников не укрылись некоторые честолюбивые желания Маслова:

Просвещеньем Маслов светит,
В титулярство Маслов метит...

Внук В. Ф. Малиновского и воспитанник В. Д. Вольховского Е. А. Розен писал, что якобы «на Горчакове, Корфе, Маслове и многих других навсегда остался колорит... дамской угодливости». Он считал повинным в том Е. А. Энгельгардта, будто бы стремившегося из своих питомцев образовать «галантных кавалеров и дамских угодников». Действительно же Энгельгардт старался подготовить юношей к предстоящей жизни, приучить к умению вести себя в обществе, и в частности в

женском. Кстати, И. И. Пущин ставил это Энгельгардту в заслугу и так же, как большинство воспитанников Лицея, любил посещать домашние вечера у Энгельгардта. Правда, в лицейской «оппозиции» к Энгельгардту были Пушкин, Кюхельбекер и Вольховский, который, по словам Е. А. Розена, явил из себя спартанца, будучи все шесть лет погружен в науку, «обогащаясь сведениями и знаниями». Он «никогда не посещал вечеринок, даваемых директором Энгельгардтом с целью развязать молодых людей».

По окончании Лицея Маслов, получивший 1-ю серебряную медаль, был выпущен на гражданскую службу с чином титулярного советника и поступил на службу в государственную канцелярию. Прощаясь с Лицеєм, Маслов внес в альбом Энгельгардта весьма характерную в своем роде запись: «Егор Антонович! Лучшую, может статься счастливейшую часть моей жизни провел я в Лицее, — и, находясь под Вашим начальством, уверился, что *повиновение и должность* могут быть несравненно приятнее самой *независимости*. Теперь оставляю место моего воспитания, осыпанный Вашими благодеяниями, и питаю сладкую для меня надежду, что Вы не усомнитесь в вечной непритворной к Вам благодарности Дмитрия Маслова».

В молодые годы Маслов, видимо, был не чужд либерально-освободительным идеям и общался с будущими декабристами. И. И. Пущин вспоминал об одной из встреч с Масловым у Н. И. Тургенева, где тогда собирались все желавшие участвовать в предполагаемом издании политического журнала. Здесь были Пушкин и Куницын. Все сидели вокруг большого стола и слушали Маслова, читавшего свою статью о статистике. Более об участии Маслова в кружках либерально настроенной молодежи не известно. Между А. С. Пушкиным и Д. Н. Масловым ни в лицейские годы, ни позднее

близости не существовало: разные устремления, разные натуры и характеры.

5 сентября 1829 года Е. А. Энгельгардт в письме к В. Д. Вольховскому сообщал «лицейские» новости: «Маслов женился на дочери Мертваго и с тех пор говорят перестал сапожною ваксою чернить волосы». М. Л. Яковлев в письме к Вольховскому от 24 ноября 1836 года замечает с некоторой иронией: «Маслов проживает в Москве хорошо. Но худо то, что честолюбие начинает его мучить. Видно эта болезнь перешла к нему от Илличевского...» В августе 1839 года Маслов перешел на службу в Государственный совет, к М. А. Корфу, который в своем дневнике записал: «Дмитрий Николаевич Маслов. Статский советник, с 2 нынешнего августа исправляющий должность статс-секретаря в департаменте законов. Один мой выбор его на эту должность доказывает уже высокое мое о нем мнение. В Лицее мы его называли по перу и по дару слова нашим «Карамзинным». Потом служба долго в Москве товарищем председателя коммерческого суда, он умел приобрести общую любовь и уважение купечества».

В юные годы Маслов подавал большие надежды, но его уделом стала чиновничья карьера — «повиновение и должность». Литературные способности его остались без применения. Д. Н. Маслов явил собою тот отнюдь не редкий случай, когда человек останавливается на полпути, не используя и части своих больших дарований, когда уровень его духовных интересов ограничивается рамками семьи и служебного преуспевания. В. И. Сафонович, товарищ Маслова по Московскому университетскому благородному пансиону, в своих воспоминаниях коснулся последних лет жизни действительного тайного советника Маслова. Сафонович часто виделся с ним и другими лицеистами первого выпуска. Они собирались вместе раза три в неделю, причем Маслов «мог играть

всю ночь напролет» в карты. Д. Н. Маслов скончался 13 февраля 1856 года и был похоронен в Петербурге, на кладбище возле Новодевичьего монастыря.

До конца жизни Маслов оставался в добрых дружеских отношениях с Корниловым, Яковлевым и Матюшкиным. Они часто встречались, бывая друг у друга.

Павел Мясоедов был сыном статского советника. Род Мясоедовых принадлежал к старинной русской фамилии, известной еще со времен Московской Руси. До Лицея Мясоедов учился в частном пансионе.

Слабые успехи в занятиях, туповатость, легкомыслие Мясоедова, постоянно попадавшего в трагикомические истории, послужили мишенью остроумия и насмешек лицейских товарищей. Сколько карикатур было сделано на него, изображавшегося даже с ослиной головой! Сочинялись эпиграммы и рассказы, иногда остроумные, а зачастую просто злые. Пожалуй, в Лицее ему да Кюхельбекеру доставалось больше всех от не в меру расшалившихся одноклассников, тем более это находило благоприятную почву: оба весьма бурно, хотя и по-разному, реагировали на издевки.

В Лицей Павел Мясоедов поступил двенадцати лет. Он никогда здесь не блистал успехами. Его весьма ограниченные способности — несообразительность, слабую память, самолюбивость, докучливость, пылкость и неумение видеть свои недостатки — отмечали педагоги с самого начала его обучения. Но они видели также, что он старается «наградить слабыя свои способности приле-

жанием, покорностью и усердием». А. Кунцын в 1812 году ставил Мясоедова в разряд посредственных учеников и, характеризуя его, замечал, что он «не понятен», «занимается предметами вовсе без размышления и сказывает весьма мало успехов», хотя и прилежен, иногда же бывает и сварлив, зато «имеет добрый характер, очень чувствителен». Гувернер Чириков о Мясоедове писал, что тот весьма самолюбив, горяч, груб, весьма легкомыслен, насмешлив, но признателен и прилежен. Комната-спальня Павла Мясоедова под № 41 находилась рядом с комнатами Константина Гурьева (исключен из Лицея за дурное поведение в 1813 году) и Александра Бакунина.

В лицейской летописи сохранился рассказ о том, как однажды Н. Ф. Кошанский задал тему сочинения о восходе солнца. Писали в стихах и прозе. Все уже сдали свои сочинения, и только один Мясоедов корпел над бумагой и никак не мог одолеть тему. У него была написана всего одна фраза: «Грядет с заката царь природы». Будучи в крайнем затруднении и не зная, как ему быть, Мясоедов обратился к Илличевскому, прося его помощи. Илличевский тут же приписал три строчки:

И изумленные народы
Не знают, что начать:
Ложиться спать или встать.

Слова «грядет с заката царь природы» вовсе не принадлежали Мясоедову, а были взяты им из стихотворения поэтессы А. П. Буиной, которое было издано в собрании ее сочинений и называлось «Сумерки». Злополучный плагиат повлек за собой ряд насмешек и эпиграмм. Почти во всех «национальных песнях» фигурировал Мясоедов под разными прозвищами, например:

Поль проте(к)сией Бояров
Будет юнкером гусаров..

Или

*А Меринос,
Поднявши нос,
Без пары вальсирует...*

Мясоедов имел больше всех прозвищ, которыми товарищи его безжалостно награждали: «Поль», «Глупон», «Мясожоров», «Осло-Домясов» и прочие.

Е. А. Энгельгардт писал о Мясоедове метко и ядовито: «Никто так хорошо и элегантно не одевается, никто так изящно не разглаживает своей челки. Никто не умеет так изящно пользоваться своим лорнетом, никто не хотел бы так, как он, уже сейчас стать гусаром, но никто меньше его не пригоден и не имеет охоты к серьезным занятиям. Так как он всё же исключительно высокого мнения о себе и о своих познаниях, то при выговорах он, где только смеет, бывает груб, и у гувернера и инспектора происходят с ним иногда сцены».

По окончании Лицея Мясоедов поступает в Оренбургский уланский полк корнетом. Но долго в армии он не был. В 1818 году вышел в отставку по болезни. А в 1821 году снова поступил на военную службу прапорщиком в Гродненский гусарский полк. В 1823 году он опять вышел в отставку по болезни. В том же году Мясоедов женился, как сообщал Корф, на побочной дочери богатого помещика Мансурова и затем «с пропастью детей» жил в деревне под Тулой.

Один из лицейских товарищей в письме к Вольховскому в 1829 году рассказывал, что Мясоедов в Туле «поставил себе за долг всех через сей город проезжающих лицейских у заставы встречать шампанским».

Прав был Куницын, отмечая в своем отзыве доброту Мясоедова. Он не забыл о несчастье лицейских товарищей-декабристов, сосланных на каторгу в Сибирь, и послал в Читу письмо И. И. Пущину.

На празднование 25-летия Лицея Мясоедов специально приехал в Петербург. Сходка состоялась у Яковлева. О том, как прошло это празднование 19 октября, Яковлев вскоре писал Вольховскому: «Прежде всего надо сказать тебе, что к этому времени приезжал в Петербург из деревни Мясоедов и натворил много чудес. Он вытащил из норы Гревеница, который никогда не являлся к нам на праздник, и отыскал Мартынова, словом, действовал мастерски. Всех нас в сборе было 11 человек: Юдин, Мясоедов, Гревениц, Яковлев, Мартынов, Корф, Пушкин, Илличевский, Комовский, Стевен, Данзас...»

Умер Павел Николаевич Мясоедов в Петербурге 3 ноября 1868 года и был похоронен на Смоленском кладбище. Могила его затерялась.

Николай Ржевский

Николай Григорьевич Ржевский умер семнадцати лет от роду. Вся его сознательная жизнь прошла в Лицее и неожиданно оборвалась. Это была первая смерть в семье лицейстов пушкинского выпуска.

Свое первоначальное образование Николай Ржевский получил в Московском университетском благородном пансионе вместе с Вольховским, Данзасом, Ломоносовым, Масловым и Матюшкиным. Поступив в Лицей одиннадцати лет, он учился посредственно, хотя и был способным мальчиком. Кроме детских шалостей, ничего предосудительного педагоги в нем не замечали. Напротив, он был весьма кроток и любезен, «послушен без малейшего прекословия» и «чувствителен без гнева», чистосердечен и нежен. Физически он был мало развит

и казался совсем ребенком, поэтому, по всей вероятности, к нему и относится прозвище «Кис». В «национальных песнях» пели:

С игрушкой *кис*
Кричит: ленисы
Я не хочу учиться...

Но, несмотря на свою ребячливость, Ржевский прикнуд к литературному кружку воспитанников Лицея. Что он писал — неизвестно, но, по словам Корфа, Ржевский «писывал иногда кой-какие стишонки». Корф также в своих записках упоминает, что на Ржевского в Лицее была сочинена эпитафия-акростих:

Родясь, как всякий человек,
Жизнь отдал праздности, труда как зла страшился;
Ел с утра до ночи; под вечер спать ложился;
Вставая, снова ел (да пил) и так провел весь век. —
Счастливец! на себя он злобы не навлек,
Кто впрочем из людей был вовсе без порока?
И он писал стихи, к несчастью, без прока.

Николай Ржевский не только писал стихи, но был в числе издателей и редакторов лицейских журналов.

В Лицее Николай Ржевский занимал комнату № 9. Его соседом с одной стороны был Федор Стевен, с другой Модест Корф.

В начале 1816 года Е. А. Энгельгардт писал о Николае Ржевском: «Хорошее сердечное дитя, но, к сожалению, дитя, и он им всегда останется в отношении наук, по крайней мере по сравнению с многими из своих соучеников. У него ни в какой мере нет недостатка в талантах, и, если бы он был в младшем классе вместо старшего, он, может быть, стал бы очень хорошим воспитанником. В обращении со своими товарищами он очень миролюбив, по отношению к начальникам послу-

шен, вежлив и очень доверчив, класс, полный Ржевских, был бы для нас не плох, но ему в этом классе приходится довольно туго».

Корф вспоминал, что с Ржевским «в лености мог спотыкаться только Дельвиг». Скорее всего, Ржевский, как и Дельвиг, был с детства слабого здоровья, что не замечалось сверстниками. Выпущенный из Лицея с чином офицера армии в Изюмский гусарский полк, Николай Григорьевич Ржевский через несколько месяцев, осенью 1817 года, неожиданно скончался «от гнилой нервной горячки».

Отец Петра Саврасова был с 1808 года «кавалером», то есть кем-то вроде наставника при великих князьях Николае и Михаиле — младших братьях Александра I. До поступления в Царскосельский лицей Петр Саврасов получил хорошее домашнее образование.

Двенадцати лет он был принят в Лицей. С самого начала Петр Саврасов отличался, по отзывам наставников, прилежанием, хорошими способностями, «спокойствием духа», кротостью, скромностью, благородством, чистосердечием, которое было написано на его открытом лице. Он имел ровный, спокойный нрав, твердый, постоянный характер. Петр Саврасов мало интересовался детскими забавами и в играх друзей участвовал «всегда умеренно». В «национальных песнях» Саврасова упоминали под кличкой «Рыжий», «Рыжак». Прозвали его так за ярко-рыжий цвет волос. В лицейском литературном

кружке он, по-видимому, не участвовал. О Петре Саврасове Е. А. Энгельгардт писал в начале 1816 года почти то же, что и педагоги в 1812 году, подчеркивая, что своей скромностью, добродушием и миролюбием он «покорил как всех учителей, так и учеников» и что за все время с момента поступления в Лицей он ни разу не был наказан и «вряд ли получил хоть у кого-нибудь выговор».

Саврасов имел комнату № 15 у той же глухой стены-арки, что и Пушкин, так что переговариваться через стену они не могли. Соседом, с которым Саврасов делил окно, выходящее на дворец, был Павел Гревениц.

При выпуске из Лицея Петр Саврасов получил похвальный лист № 2 «с правом на серебряную медаль» и вступил в лейб-гвардии 1-ю артиллерийскую бригаду. Покидая Лицей, он написал в альбом Энгельгардту: «Вспоминайте иногда и о истинно любящем Вас Петре Саврасове. 18 $\frac{9}{\sqrt{1}}$ 17».

С 24 февраля 1818 года он был переведен в Москву, где стояла его рота. Будучи в Москве, он переписывался со своими лицейскими товарищами. Комовскому он сообщал тогда, что начинает привыкать к Москве: «Я здесь иногда выдаюсь с господами Дипломатами (Горчаковым и Ломоносовым.—*Авт.*), а чаще с добрым Мишкой (Яковлевым.—*Авт.*), который совершенно не переменился, также паясит, также представляет подъячего... Я еще нигде здесь не был, но надеюсь везде быть и видеть Московские древности. Кланяйся Маслову, Корнилову и всем любезным товарищам. Прощай, милая обезьянка, и не забывай от всего сердца любящего товарища твоего П. Саврасова».

Петр Федорович Саврасов участвовал в праздновании лицейской годовщины в 1825 году, когда присутст-

вовали Дельвиг, Яковлев, Корф, Комовский и Илличевский. Пушкин в то время находился в ссылке в селе Михайловском. Саврасов всегда стремился поддерживать отношения с товарищами по Лицею. Позднее он подробно писал Вольховскому, которого любил и уважал, о своей службе, о лицейских товарищах.

В служебном отношении П. Ф. Саврасов был исполнителен и точен. Участвовал в военных походах и в войне России с Турцией. Весной 1827 года Саврасов получил чин полковника. По этому поводу Энгельгардт писал Матюшкину: «Рыжая его голова выглядывает между золотыми широкими эполетами, как пламя Царскосельского пожара выглядывало между золотыми главами церкви». Здесь Энгельгардт имел в виду пожар 1820 года (от неисправной трубы дворцовой церкви), случившийся в Екатерининском дворце и в Лицее. Неожиданно Саврасов, казалось, обладавший хорошим здоровьем, стал плохо себя чувствовать. Яковлев сообщал Вольховскому: «Рыжий наш что-то захирел...» Действительно, Саврасов заболел чахоткой. Жил он в то время в бывшем доме Самборского (ныне набережная Кутузова, 4). В тяжелом состоянии он был вывезен за границу для лечения, где умер 4 августа 1830 года. Похоронен он в Гамбурге.

Смерть Саврасова взволновала всех его друзей и лицейских товарищей. Спокойный нрав, мягкость характера, доброе, ласковое и теплое отношение к товарищам привлекали к нему людей. Из Петровского Завода, по поручению И. И. Пущина, были посланы Энгельгардту слова глубокого соболезнования по поводу ранней смерти лицейского товарища: «Смерть Саврасова его (Пущина.— Авт.) поразила; в душе пожелал ему светлой вечности... Не стало одного доброго товарища, который кому-нибудь мог быть полезен...»

Федор Стевен

Федор (Фридрих) Стевен был уроженцем Финляндии, но предки его являлись выходцами из Швеции, за что от лицейских товарищей он получил прозвище «Швед». Отец Стевена, коллежский советник, состоял городским секретарем, а затем управляющим таможеню во Фридрихсгаме.

Федор Стевен считался в Лицее достаточно способным учеником и отличался прилежанием, но вначале ему мешало то обстоятельство, что родным языком его был немецкий. Кроткий, добродушный, чувствительный, обладая спокойным характером, он иногда бывал вспыльчив, но чаще проявлял осторожность и сдержанность. Впрочем, из всех характеристик педагогов о Стевене явствует, что больших надежд на развитие его способностей они с самого начала не возлагали. В лицейских журналах Стевен участия не принимал. Товарищи «отметили» его в своих «национальных песнях»:

Но вот усач
Наш *швед* пугач
В сердцах мычит теленком.

Добродушным, но без выдающихся способностей характеризует Федора Стевена Е. А. Энгельгардт, считая, что только благодаря своему прилежанию он стал лучшим учеником. «...Впрочем, — писал Энгельгардт, — в его физическом облике есть что-то беспомощ-

ное и тяжеловесное, что, по-видимому, мешает и каждому его духовному порыву». Стевен был человеком молчаливым и медлительным. В Лицее он занимал комнату № 10, соседями его оказались с одной стороны Николай Ржевский, с другой — Владимир Вольховский.

Окончив Лицей, Федор Стевен получил чин титулярного советника и поступил в министерство просвещения. Но вскоре подал прошение о переводе в Финляндию, где жили его родные. Стевен был назначен сверхштатным чиновником комиссии финляндских дел в Петербурге. Позднее он назначается первым экспедиционным секретарем 1-го отделения Финляндской е. и. в. канцелярии, а в 1839 году становится Выборгским губернатором. Как губернатор он ничем себя не проявил, поэтому современники были удивлены, когда Стевен был назначен товарищем министра статс-секретаря великого княжества Финляндского. Через пять лет он был произведен в тайные советники.

Его брат Христиан Христианович, известный естествоиспытатель, прославившийся своими ботаническими исследованиями на юге России, был директором Никитского сада в Крыму. Ф. Х. Стевен женился поздно, примерно в 1836 году, на своей кузине Софье Андреевне Маркевич, в которую был влюблен много лет. Счастливая семейная жизнь Стевена была непродолжительной, в 40-х годах его жена умерла, не оставив ему детей.

Федор Христианович являлся своего рода «душеприказчиком» В. Д. Вольховского, выполняя его поручения. Он относился к Вольховскому с необыкновенным почтением и уважением. В своих письмах к нему Стевен всегда обращался на «Вы», называя Вольховского по имени и отчеству. Стевен принимал участие в праздновании лицейских годовщин. Он был и в 1836 году на сходке,

посвященной 25-летию Лицея, когда последний раз присутствовал на ней А. С. Пушкин.

Лицейские товарищи писали о Стевене с большой симпатией и теплотой, как об умном, добром, скромном и благородном человеке.

Во время путешествия за границу в 1851 году Ф. Х. Стевен скончался в возрасте 53 лет в бельгийском городе Остенде.

Александр Тырков был тихим, замкнутым и молчаливым мальчиком, отличался крепким телосложением, коренастой фигурой, лицом смугло-бурого цвета и весьма вздернутым носом. За свой курносый нос он получил от товарищей прозвища «Курнофиус», «Курносый кеп», а за цвет лица — «Кирпичный брус». Лицейская комната Александра Тыркова, № 32, находилась между комнатами Сильверия Броглио и Антона Дельвига.

Семья Тырковых жила в Новгородской губернии. В новгородском же имении своем жил и Г. Р. Державин. Этим, по всей вероятности, объясняется и знакомство Тырковых со знаменитым поэтом. По протекции Державина Тырков поступил в Лицей. До этого Александр Тырков учился в частном пансионе. В Лицее он не проявил никаких способностей, но, «чувствуя слабыя свои дарования», сделался весьма старательным и прилежным. Судя по записям педагогов, объяснялся он «с великой трудностью», несвязно, сбивчиво и более механически, нежели по размышлению, но имел «искреннее

желание образоваться» и подавал надежду, «что из него выйдет со временем по крайней мере полезный и добрый человек». Простосердечный, добрый, кроткий, послушный, он бывал неосторожен в поступках, а иногда угрюм и упрям, гневлив, а чаще всего молчалив и застенчив.

У Тыркова была еще одна особенность, которую заметили зоркие глаза товарищей: мало того, что он был неповоротлив, но и ходил он не прямо, а как-то «бочком». В «национальных песнях» имя Тыркова встречается не раз. В журнале «Лицейская антология» за 1813 год в «Паясах» есть куплеты:

Паясы! Туркус брус кирпичной
Над нами сделан головой,
За ним весь штаб его отличной...

Затем идет перечень лицейских шуточных кличек других товарищей. Тырков принимал участие в истории с гоголь-моголем, происшедшей 5 сентября 1814 года, и даже послужил причиной того, что эта лицейская пиррушка, участниками которой были Малиновский, Пущин, Пушкин и другие, стала известна начальству. Всегда тихий, замкнутый, он, после выпитого им вместе с друзьями гоголь-моголя (смесь рома, яиц и сахара), проявил необыкновенные для него шумливость и оживление, что сразу же заметил гувернер*.

Из Лицея Тырков был выпущен прапорщиком в Северо-конноегерский полк. Но в армии он служил недолго и в 1822 году вышел в отставку в чине штаб-ротмистра.

Переписываясь с первенцами Лицея, Е. А. Энгельгардт не раз упоминает о дальнейшей жизни Тыркова.

* Тогда эта шалость чуть не обернулась более серьезным наказанием, нежели занесение имен Малиновского, Пушкина и Пущина, взявших на себя всю вину, в «черную книгу». Пушкин, как вспоминает И. И. Пущин, по этому поводу сочинил тогда экспромт, пародируя стихи Д. Давыдова: «Мы недавно от печали...»

Выйдя в отставку, Тырков поселился в Петербурге на Васильевском острове, заведя при своем доме целое хозяйство. Он часто бывал у Е. А. Энгельгардта, также жившего на Васильевском острове. В 1824 году Е. А. Энгельгардт дает Ф. Ф. Матюшкину свой адрес: «...на Вас. (ильевском.— Авт.) Остр. (ове.— Авт.) за Средним проспектом, во 2-й линии, в доме Шоберта» (ныне участок дома 43 по 2-й линии, дом не сохранился). В 1828 году Энгельгардт жил на Васильевском острове по Большому проспекту, между 7-й и 8-й линиями, против Андреевского рынка, в доме Флетчера, № 206 (ныне участок дома 25 по Большому проспекту, дом не сохранился). Почти все его бывшие воспитанники бывали у Энгельгардта в гостях и на дружеских обедах, которые он устраивал в дни лицейских годовщин.

Однажды А. Д. Тырков попросил Егора Антоновича нарисовать для него план дома и фасад, а также составить смету. Этот дом он хотел построить в своем имении Апраксин Бор в восемнадцати верстах от Любани в Новгородской губернии, где обычно жил летом. В настоящее время это территория сельского Совета Тосненского района Ленинградской области.

Александр Дмитриевич отличался радушным хлебосольством и очень любил принимать у себя гостей, особенно своих лицейских товарищей. Угощал он всегда широко, празднично, отличными обедами и винами. Сам же обычно молчал, с удовольствием глядя на гостей и слушая их беседу.

«Лицея день заветный» — 19 октября, — прославленный поэт, вошедший в историю с именем Пушкина, был священным для всех воспитанников Пушкинского выпуска. Где бы они ни были, они старались собраться вместе, чтобы отметить этот день. Из писем Корсакова стало известно, что накануне 19 октября 1817 года

«представители единой и неделимой лицейской республики» собрались у Корсакова на дружеский обед.

21 октября 1817 года в Царскосельском лицее отмечался знаменательный день открытия его. В «Краткой ведомости о состоянии Лицея» в этот день в отделе «Происшествия» отмечено, что наряду с высшими чиновниками Лицей посетили только что выпущенные из него воспитанники: Пушкин, Пущин, Вольховский, Малиновский, Корсаков, Маслов, Кюхельбекер, Стевен, Бакунин, Корнилов, Саврасов. Из письма Корсакова к Горчакову также стало известно, что 19 октября 1818 года праздновалось у И. И. Пущина, на сходку собрались четырнадцать человек, «пели лицейские песни», «снова возвратились в доброе старое время». Но последующие лицейские сходки проходили в основном у А. Д. Тыркова.

Протоколы лицейских сходок сохранились с 1822 года. Протоколы 1828 и 1836 годов написаны преимущественно Пушкиным. Празднование лицейской годовщины 1828 года, в котором участвовал Пушкин, проходило также на квартире Тыркова. Пушкин собственноручно составил шуточный протокол: «19 октября 1828. Спб. Собрались на пепелище скотобратца* курнофеиуса Тыркова (по прозвищу кирпичнаго бруса) 8 человек скотобратцев, а именно: Дельви́г-Тося, Илличевский-Олосенька, Яковлев-Паяс, Корф-дьячок-мордан, Стевен-Швед, Тырков (смотри выше), Комовский-лиса, Пушкин-Француз (смесь обезьяны с тигром)...» Далее в протоколе описывалось, как проходило празднование 19 октября. Пели лицейские песни. Яковлев представлял

* «Скотобратцами» шуточно называли себя бывшие лицеисты с давних пор. Сохранился рукописный журнал «Лицейский мудрец», в котором были помещены карикатуры, изображавшие некоторых воспитанников в виде животных.

«восковую персону» и прочие персонажи. Пушкиным было отмечено, что только «Тырковиус безмолвствовал». В конце протокола Пушкин записал: «...скотобратцы разошлись, пожелав добраго пути воспитаннику императорского лица Пушкину-Французу, иже написа сию грамоту». После подписей собравшихся товарищей рукою Пушкина, уезжавшего после праздника в деревню, было написано его шутовское четверостишие:

Усердно помолившись богу,
Лицею прокричав ура,
Прощайте, братцы: мне в дорогу,
А вам в постель уже пора.

В январе 1831 года Е. А. Энгельгардт в своем письме сообщает Ф. Ф. Матюшкину: «Тырков, как и прежде, зимним путем приезжает сюда с большим обозом мерзлых гусей и других жизненных припасов, и как съест их, то отправляется опять в деревню, где по сделанному мною плану строит дом и разводит сад». Но Тырков не достроил свой дом в деревне.

Заболев психически, он жил у своего брата Алексея Дмитриевича, новгородского уездного предводителя дворянства, в селе Вергежа на реке Волхов, в 13 верстах от станции Волхов Новгородского уезда (ныне Вергежа Селищенского сельсовета Чудовского района Новгородской области). Александр Дмитриевич остался холост. У его брата был сын Владимир, впоследствии деятельный участник общества попечения о бедных и больных детях и общества попечения слепых. При энергичном содействии Владимира Тыркова в Новгородской губернии открыли несколько школ, и одну из них в его родовом имении, подаренном им для школы. Он также учредил в Новгородском уезде Чудовское сельскохозяйственное общество.

Александр Дмитриевич умер 7 ноября 1843 года. Его похоронили на кладбище в Соснинской Пристані при церкви (станция Спасская Полисть — ныне поселок того же названия в Новгородской области).

Павел Юдин с детства был милым, приятным мальчиком, с тонким чувством прекрасного, с устремлениями к искусству и поэзии. В лицейские годы Пушкин весьма симпатизировал Павлу Юдину, так же как и его большому другу Павлу Гревеницу. В 1814 году Александр Пушкин обратился к Гревеницу со стихотворением — «Mon portrait», а в 1815-м — с большим посланием к Юдину. Несмотря на разницу характеров, Александр Пушкин со свойственной ему пронизательностью угадал поэтически-нежные натуры Юдина и Гревеница и не мог, конечно, не заметить и не оценить большую честность и необычайную скромность двух друзей.

Павел Юдин родился в 1798 году в семье действительного статского советника и, по-видимому, получил домашнее образование. В Лицее учился хорошо, был примерного поведения, но не отличался ни ярким умом, ни блистательными дарованиями. Постоянным трудолюбием Юдин делал в науках основательные успехи. Надзиратель М. Пилецкий в 1812 году заметил, что педагоги должны стараться, чтобы склонность Юдина к уединению, его молчаливость и застенчивость не перешли бы со временем в замкнутость. Гувернер Чириков, говоря о благонравии, большой кротости, скромности,

чувствительности и других добрых качествах Павла Юдина, заметил, что он «любит уединение и насмешливость». Насмешливость, как его характерную черту, впоследствии отмечал и М. Корф.

Из записи Е. А. Энгельгардта 1816 года видно, что Юдин был мягкого и чувствительного характера: «В его душе цветет прекрасный идиллический мир, явление, в сущности у молодых людей его возраста нередкое, особенно же в классе, в котором он находится. Этот мир невинности довольно мило выражается в его маленьких сочинениях. От своих соучеников он отстраняется, из робости не очень легко вступает с кем бы то ни было в длительную беседу. Эта склонность к отдалению и уединению могла при недоброжелательных внешних взаимоотношениях легко перейти у него в меланхолию. Своих родителей он любит с величайшей нежностью».

Юдин не был чужд литературного творчества. В лицейские годы Юдин и Пушкин находились в хороших товарищеских отношениях. В 1815 году Александр Пушкин написал большое поэтически-тонкое и юношески-нежное «Послание к Юдину». В этом произведении Пушкин вспоминал подмосковное имение Захарово, где он проводил летние месяцы с 1806 по 1810 год. Стихотворение начиналось обращением к Павлу Юдину:

Ты хочешь, милый друг, узнать
Мои мечты, желанья, цели
И тихий глас простой свирели
С улыбкой дружества внимать.

Сохранился рисунок А. Пушкина «Продавец кваса». На рисунке изображен юноша, одетый в подпоясанный кушаком кафтан и облокотившийся на бочонок, на котором написано: «№ 6». Предполагают, что Пушкин изобразил Павла Юдина, так как № 6 — номер комнаты Юдина.

Окончив Лицей, Юдин с чином коллежского секретаря поступил в министерство иностранных дел, куда также поступили Горчаков, Ломоносов, Корсаков, Гревениц, Кюхельбекер и Пушкин. Работая в министерстве иностранных дел, Юдин еще более сдружился в Гревеницем. Во всех письмах их сокурсников упоминаются они вместе как неразлучная пара. Но Юдин также поддерживал отношения и с другими товарищами, находясь в переписке с Ломоносовым и Горчаковым. Ведя жизнь замкнутую и уединенную, Юдин в лицейских годовщинах участвовал редко.

П. М. Юдин всю жизнь проработал в министерстве иностранных дел, постепенно поднимаясь по служебной лестнице. Получив чин статского советника, он исполнял должность управляющего С.-Петербургским главным архивом иностранных дел. Жил он очень замкнуто. «...Человек оригинальный, с острым языком и колкий насмешник, — сообщал М. Корф о Юдине. — Карьера его совершенно одинакова с карьерой Гревеница. Вместе они поступили в канцелярию министерства иностранных дел, вместе получали все чины и ордена и вместе и теперь (в 1839 г.) там служат в совершенно равных степенях...»

О Юдине сохранилось любопытное свидетельство, по-видимому Ф. Стевена, сообщавшего Вольховскому о жизни товарищей. В этом письме, кстати, есть сведения о том, что Горчаков пишет в Петербург весьма редко и только одному Юдину, «которого, чтобы видеть, надо искать в Бюргер-клубе, где за стаканом пива, с сигаркою во рту он в дыму табачном декламирует стихи Шиллера». По сообщению ленинградского «биографа зданий», составителя картотеки памятных мест пушкинского Петербурга Н. Н. Фокина, Бюргер-клуб находился на Невском проспекте, в доме А. И. Косяковского (ныне Невский проспект, 15, дом сохранился).

Павел Михайлович Юдин умер 28 января 1852 года (относительно этой даты имеются разные данные). Жизнь его не была богата яркими событиями, но трудолюбивый, честный, благородный человек, способный и умный, он оставил по себе добрую память и как труженик и как преданный, верный товарищ.

* * *

Двадцать восемь человек жили и учились с Александром Пушкиным под одной крышей в течение шести лет. Многих из своих товарищей Пушкин всегда любил: Пушина, Малиновского, Дельвига, Матюшкина, Кюхельбекера... В числе «друзей моей души» Пушкин называет и Горчакова. Симпатизирует он Яковлеву, Корсакову, Вольховскому, Есакову, Данзасу...

Можно удивляться прозорливости юного Пушкина: он не ошибся ни в одном из тех, кого полюбил с отроческих лет. Биографии товарищей Пушкина — тому подтверждение.

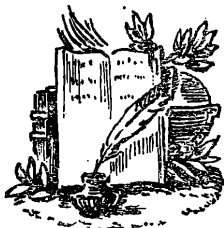
Множество людей прошло через жизнь великого поэта. Но самыми близкими друзьями оставались те, с кем сроднился он в лицейские годы, в годы патриотического подъема, предшествовавшего восстанию декабристов.

Пушкин воспел своих первых друзей, он остался им верен до конца своей жизни. Их имена он произносил и в дни радости, и в дни мучительных душевных переживаний, оскорблений и бед. О друзьях он вспоминал на смертном одре.

Некогда даже краткая разлука с товарищами была для Пушкина ощутимой. Так, в 1817 году впервые за шесть лет воспитанникам Лицея было позволено находиться дома на рождественских каникулах. По возвращении в Лицей Пушкин обратился к товарищам с «Элегией»:

Опять я ваш, о юные друзья!
Туманные сокрылись дни разлуки:
И брату вновь простерлись ваши руки,
Ваш резвый круг увидел снова я.

Лучи славы Пушкина поистине озарили своим особым поэтическим светом его друзей и товарищей, высветили даже некоторые малозаметные фигуры его бывших однокурсников. Глубокое изучение жизненного и творческого пути А. С. Пушкина невольно рождает интерес к дальнейшей судьбе тех, с кем он общался в юности, в период становления характера и таланта. Биографии многих соучеников Пушкина дают возможность лучше понять и самого поэта.

ЛИТЕРАТУРА

А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. В двух томах. Под общей редакцией В. В. Григоренко и др. М., «Художественная литература», 1974.

Гастфрейнд Н. Товарищи Пушкина по императорскому Царскосельскому Лицею. Материалы для словаря лицейстов Первого курса 1811—1817 гг. (в трех томах). СПб., 1912.

Грот К. Я. Пушкинский Лицей (1811—1817). Бумаги 1-го курса. СПб., 1911.

Грот Я. Пушкин, его лицейские товарищи и наставники. СПб., 1899.

Давыдов Ю. В морях и странствиях. Изд. 2-е, перераб., дополн. М., Географгиз, 1956.

Дельвиг А. А. Полное собрание сочинений. Вступит. статья, подготовка текста и примеч. Б. В. Томашевского. Л., «Советский писатель», 1959.

Дневник В. К. Кюхельбекера. Предисл. Ю. Н. Тынянова. Ред., введение и примеч. В. Н. Орлова и С. И. Хмельницкого. Л., «Прибой», 1929.

Кобеко Д. Ф. Императорский Царскосельский Лицей. Наставники и питомцы 1811—1843. СПб., 1911.

Кюхельбекер В. К. Избранные произведения в двух томах. Вступит. статья, подготовка текста и примеч. Н. В. Королевой. М.—Л., «Советский писатель», 1967.

«Литературное наследство». Декабристы-литераторы, тт. 59—60. М., Изд-во АН СССР, 1954—1956. (См. статьи, публикации и комментарии М. К. Азадовского, М. Ю. Барановской, П. С. Бейсова, А. Ю. Вейса, Г. М. Дейча, С. В. Житомирской, Д. Б. Кацнельсон, Б. И. Мусатова, А. А. Орловой, В. Н. Орлова, Е. Д. Петряева, Н. Г. Розенблюма, Б. В. Томашевского, М. А. Шнейерсон.)

«Лицейский журнал». Год восьмой, 1910—1911, кн. IV.

Мейлах Б. Пушкин и его эпоха. М., Гослитиздат, 1958.

Мейлах Б. С. Характеристики воспитанников лицея в записях Е. А. Энгельгардта.— В кн.: Пушкин. Исследования и материа-

лы, т. III. Под ред. Н. В. Измайлова. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1960.

Декабристы и их время. Материалы и сообщения. Под ред. М. П. Алексева и Б. С. Мейлаха. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1951.

Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. В трех томах. СПб., 1896.

Петербургский Некрополь. В четырех томах. СПб., 1912.

Полвека русской жизни. Воспоминания А. И. Дельвига. 1820—1870. Ред. и вступит. статья С. Я. Штрайха. В двух томах. М.—Л., Academia, МСМXXX.

Пушкин А. С. Полное собрание сочинений, тт. I—XVII. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1937—1959.

Пушкин и его современники. Материалы и исследования. (Под ред. Б. Л. Модзалевского). Пб.—Л., 1903—1938. (См. вып. 2, 4, 6, 7, 8, 21—22, 25—27, 31—32.)

Пушкин и его время. Исследования и материалы. Вып. первый. Л., Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962. (См. статьи М. П. Руденской, Н. Н. Фокина и Г. Г. Цявловской.)

Пушкинский Петербург. Под ред. Б. В. Томашевского. Лениздат, 1949.

Пушкин И. И. Записки о Пушкине. Письма. Ред., вступит. статья и примеч. С. Я. Штрайха. М., Гослитиздат, 1956.

Розен А. Е. Записки декабриста. СПб., 1907.

Руденская М. П. Василий Федорович Малиновский. — «Кодры», 1970, № 10.

«Русская старина», 1870, т. 1; 1875, тт. 4, 6; 1876, т. 15; 1883, тт. 11, 40; 1887, т. 55; 1892, тт. 75, 76; 1897, тт. 89, 90; 1898, т. 96; 1901, тт. 105, 108; 1904, т. 18. (См. статьи и материалы о А. А. Дельвиге, В. К. Кюхельбекере, А. М. Горчакове, С. Д. Комовском и записки М. А. Корфа — 1839 г.)

«Русский архив», 1866, 1871; 1875, т. 12; 1876, т. 1; 1881, т. 2; 1884, тт. 1, 5; 1885, т. 9; 1886, тт. 2, 4; 1891, т. 7; 1893, тт. 1, 5; 1895, т. 11; 1896, т. 3; 1897, т. 9; 1899, т. 4; 1900, т. 1; 1903, т. 5; 1908, т. 11 (См. статьи и воспоминания П. Бартенева, Я. К. Грота, Н. Н. Муравьева-Карского, И. Базарова, В. И. Сафоновича, М. И. Пушкина и др.)

Селезнев И. Исторический очерк императорского бывшего Царскосельского, ныне Александровского Лицея за первое его пятидесятилетие, с 1811 по 1861 год. СПб., 1861.

Семанов С. А. М. Горчаков. Русский дипломат XIX в. (Серия «Выдающиеся дипломаты»). М., Соцэкгиз, 1962.

«Современник», 1854, № 1, 9 (В. П. Гаевский. Дельвиг); 1854, № 47; 1856, № 56 (Е. Колбасин. Иван Иванович Мартынов,

переводчик греческих классиков); 1863, № 7 (В. П. Гаевский. Пушкин в Лицее и лицейские его стихотворения).

Томашевский Б. Пушкин. Книга первая (1813—1824). М.—Л., Изд-во АН СССР, 1956.

Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники. М., «Наука», 1968.

Центрархив. Восстание декабристов. Материалы, т. VIII. «Алфавит декабристов». Л., Госиздат, 1925.

Шур Л. А. Россия и Латинская Америка. М., «Мысль», 1964. (См. материал о С. Г. Ломоносове.)

Эйдельман Н. Я. Герцен против самодержавия. Секретная политическая история России XVIII—XIX веков и Вольная печать. М., «Мысль», 1973. (См. материал о М. А. Корфе.)

Эфрос А. Рисунки поэта. М., Academia, 1933.

Якушкин Е. И. Воспоминания об И. И. Пущине. — В кн.: «Записки И. И. Пущина о Пушкине», 1907.

Государственный исторический архив Ленинградской области (ГИАЛО). Фонд 11, оп. 1; д. 2а, л. 60, 1812; д. 55; д. 85, л. 86; д. 87, лл. 23, 29.

Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР (ПД ИРЛИ). Фонд 93, фонд 244 и др.

Центральный государственный архив литературы и искусства (ЦГАЛИ). Фонд 574 и др.

Центральный государственный исторический архив СССР в Ленинграде (ЦГИАЛ). Фонд 11602, фонд 1313 и др.

СОДЕРЖАНИЕ

ДРУЗЬЯ

Иван Пущин	13
Антон Дельвиг	37
Вильгельм Кюхельбекер	60
Федор Матюшкин	95
Михаил Яковлев	112
Иван Малиновский	127
Владимир Вольховский	141
Александр Горчаков	161
Николай Корсаков	181
Алексей Илличевский	187
Константин Данзас	201

СОУЧЕНИКИ

Александр Бакунин	213
Сильверий Броглио	218
Павел Гревениц	225
Семен Есаков	228
Сергей Комовский	232
Александр Корнилов	237
Модест Корф	241
Константин Костенский	253
Сергей Ломоносов	258
Аркадий Мартынов	263
Дмитрий Маслов	268
Павел Мясоедов	272
Николай Ржевский	275
Петр Саврасов	277
Федор Стевен	280
Александр Тырков	282
Павел Юдин	287
<i>Литература</i>	292

*Мария Петровна Руденская,
Светлана Давыдовна Руденская (Балашова)*
«Они учились с Пушкиным»

*Редактор Л. Е. Кошечая
Художник Л. А. Чепец
Художественный редактор И. З. Семенов
Технический редактор Г. В. Преснова
Корректор Н. Г. Ковенская*

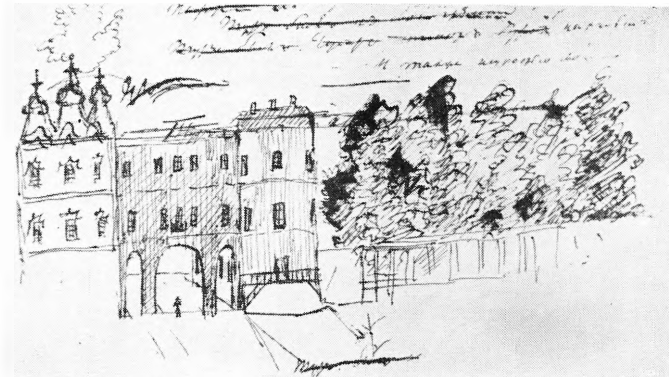
Сдано в набор 27/XI 1975 г. Подписано к печати 9/VII 1976 г. М-29207. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага тип. № 1. Усл. печ. л. 12,95+вкл. Уч.-изд. л. 12,11+1,49=13,60. Тираж 50 000 экз. Заказ № 390. Цена 1 руб.

*Лениздат, 191023, Ленинград, Фонтанка, 59.
Ордена Трудового Красного Знамени
типография им. Володарского Лениздата,
191023, Ленинград, Фонтанка, 57.*

А. С. Пушкин в лицейском мундире.
Литография с рисунка неизвестного художника. 1816—1817.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Лицей.

Рисунок А. С. Пушкина на рукописи VIII главы романа «Евгений Онегин». 1829—1830.

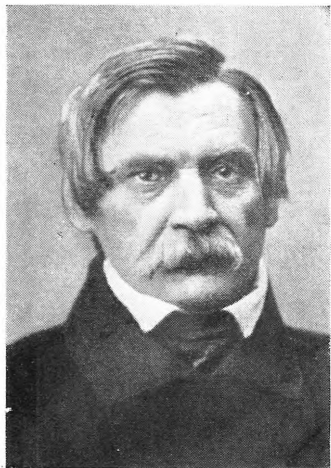

Царское Село. Вид на Лицей с Садовой улицы.
Раскрашенная литография В. П. Лангера. 1820.

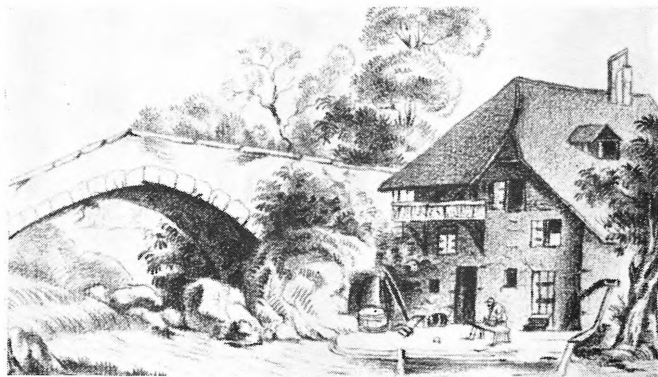

И. И. Пушкин.
Литография с оригинала Д. М. Соболевского, 1825.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

И. И. Пушкин.
Фотография. 1856.

Швейцарский дом.
Рисунок И. Пуштина. 2 июня 1813.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Е. А. Энгельгардт.
Раскрашенная фотография с портрета работы неизвестного художника. 1823 (?)

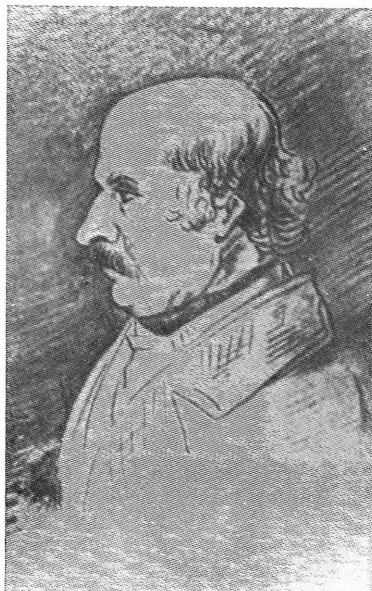
Пушкинский кабинет ИРЛИ

А. А. Дельвиг.
Акварель П. Л. Яковлева. 1816—1817.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

А. А. Дельвиг.
Рисунок В. П. Лангера. 1830.

В. К. Кюхельбекер.
Рисунок С. Ф. Белкина. 1845.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Камень в Авенурме с надписью на эстонском и русском языках: «Здесь прошли детские годы поэта-декабриста Вильгельма Кюхельбекера. 1797—1807».

Фотография. 1972.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Профиль юноши.

Рисунок В. Кюхельбекера (автопортрет?) из лицейской тетради. 1816—1817. Публикуется впервые.

Дом В. К. Кюхельбекера в поселке Смолино под Курганом.
Фотография. 1972.

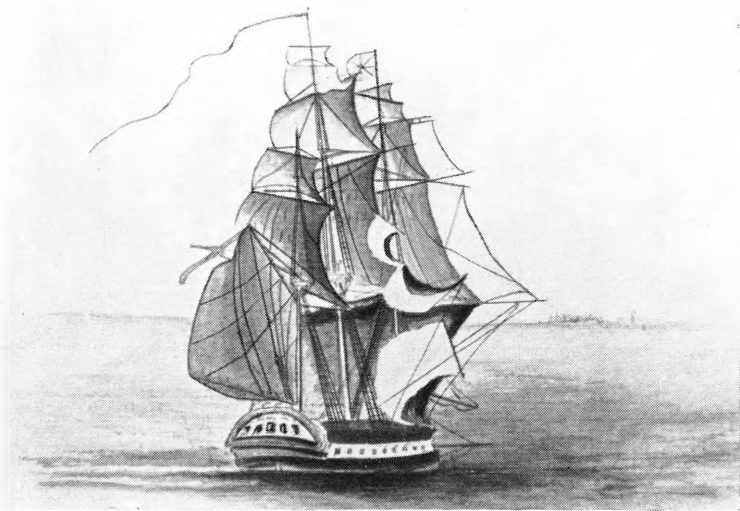
Пушкинский кабинет ИРЛИ

М. И. Яковлев в лицейском мундире.
Рисунок неизвестного художника. 1816—1817.

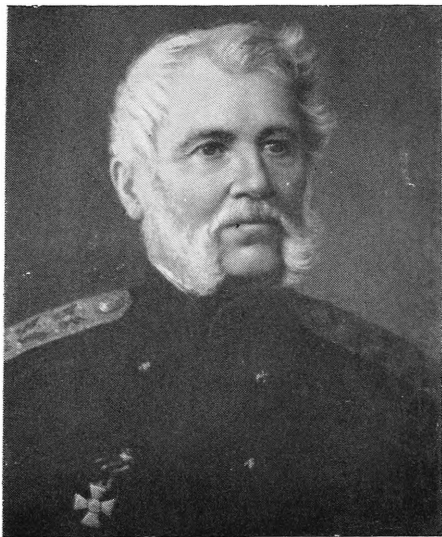
Ф. Ф. Матюшкин в лицейском мундире.
Рисунок неизвестного художника. 1816—1817.

Парусное судно.

Рисунок Ф. Ф. Матюшкина. Август, 1825. Публикуется впервые.

М. Л. Яковлев.
Фотография. 1860-е гг.

Ф. Ф. Матюшкин.

Портрет работы неизвестного художника. 1870. Публикуется впервые.

В. Д. Вольховский в лицейском мундире.
Рисунок неизвестного художника. 1816—1817.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Голова варвара.
*Лицейский рисунок итальянским карандашом
В. Вольховского.*

В. Д. Вольховский.

*Акварель неизвестного художника.
1839(?)*

М. В. Вольховская.

*Фотография с портрета работы не-
известного художника. Публикуется
впервые.*

С. Д. Комовский.

Акварель Е. Бардуковой с оригинала работы неизвестного художника.
1810-е гг.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

С. С. Есаков.
Фотография с гравюры неизвестного
художника. 1830.

▲ С. С. Есаков в лицейском мундире.
Фотография с портрета работы барона Корфа (М. А.?). 1817.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

А. П. Бакунин в лицейском мундире.
Акварель О. Кипренского. 1813.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

А. П. Бакунин.
Рисунок Е. П. Бакуниной.
1821. Публикуется впервые.

Схватка казака с французским кирасиром.
Рисунок А. Илличевского. 1813. Публикуется впервые.

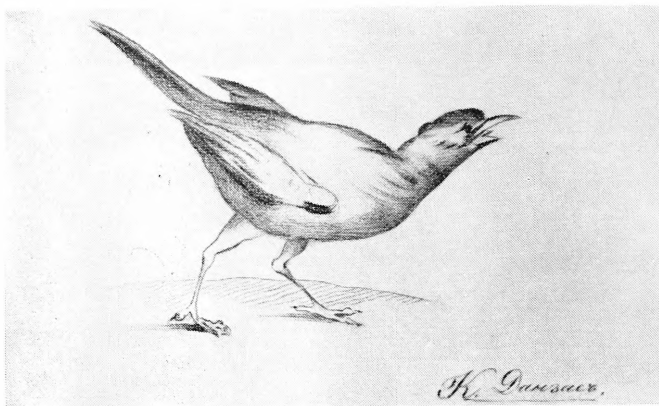

К. К. Данзас.
Фотография. 1857 (?)

Пушкинский кабинет ИРЛИ

К. К. Данзас.
Рисунок неизвестного худож-
ника. 1830—1836.

Птица.
Лицейский рисунок итальянским карандашом К. Данзаса.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Н. А. Корсаков.
Акварель И. Эндера. 1820.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Н. А. Корсаков в лицейском мундире.

Рисунок неизвестного художника. 1816—1817.

Сельский домик.

Лицейский рисунок итальянским карандашом Н. Корсакова.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

А. М. Горчаков.
*Раскрашенная фотография с портрета работы
М. П. Келлера. 1880-е гг. Публикуется впервые.*

▲ А. М. Горчаков.
Акварель И. П. Полнезича. 1841.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Пушкинский кабинет ИРЛИ

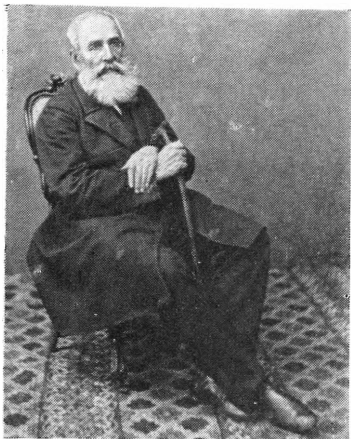
А. М. Горчаков в лицейском мундире.

Рисунок неизвестного художника 1816—1817.

Женская голова.

Лицейский рисунок итальянским карандашом А. Горчакова. Публикуется впервые.

И. В. Малиновский.
Фотография. 1870-е гг.

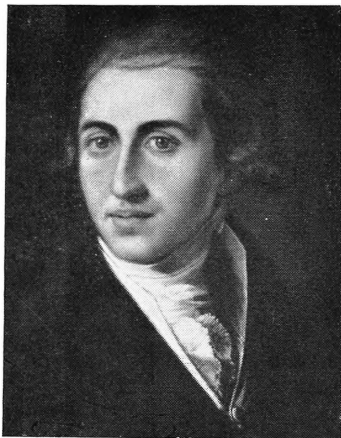
Надгробия В. Ф. Малиновского и
А. А. Самборского на Георгиев-
ском кладбище (Большая Охта).
Фотография. 1972.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

И. В. Малиновский с сыном Антоном.
Фотография. 1863. Публикуется впервые.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

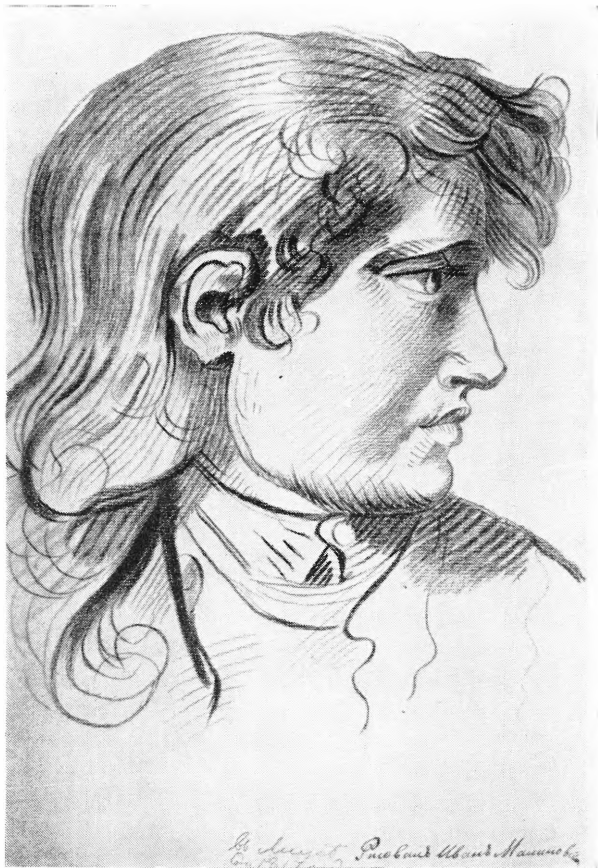
В. Ф. Малиновский.

Портрет работы неизвестного художника. 1795—1796.

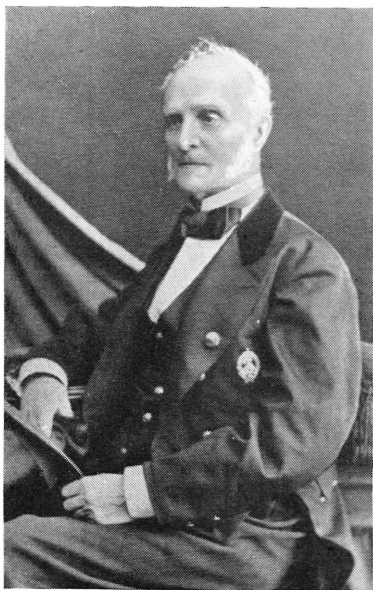

С. А. Малиновская.

Акварель неизвестного художника. 1790-е гг. Публикуется впервые.

Голова юноши.
Лицейский рисунок итальянским карандашом И. Малиновского. Публикуется впервые.

С. Д. Комовский.
Фотография. 1875. Публикуется
впервые.

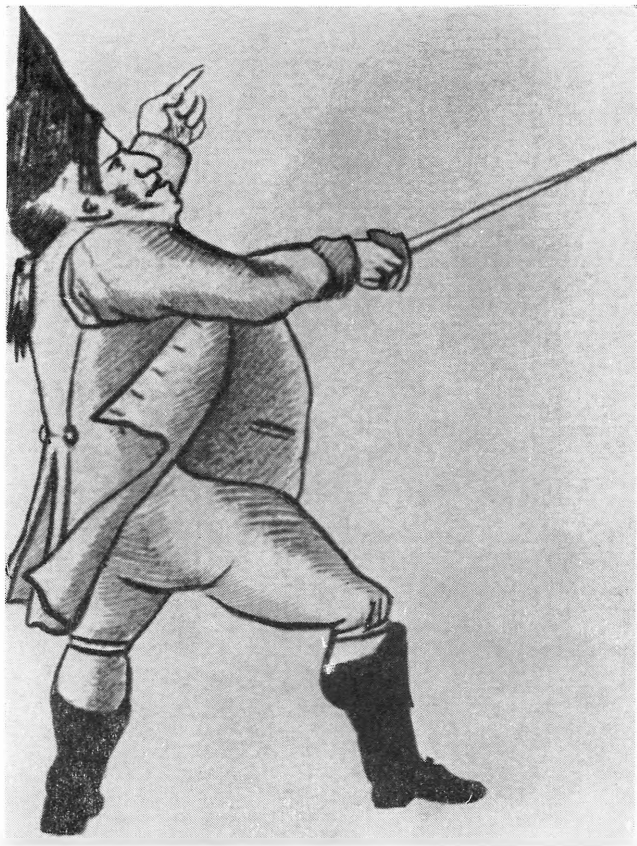
М. А. Корф.
Фотография с портрета К. А. Горбу-
нова. 1864. Публикуется впервые (?).

Мужской портрет.

Лицейский рисунок итальянским карандашом С. Броглио. Публикуется впервые.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

С. Ф. Броглио.
Деталь карикатуры А. Илличевского «Охота» из журнала «Ли-
цейский мудрец». 1815.

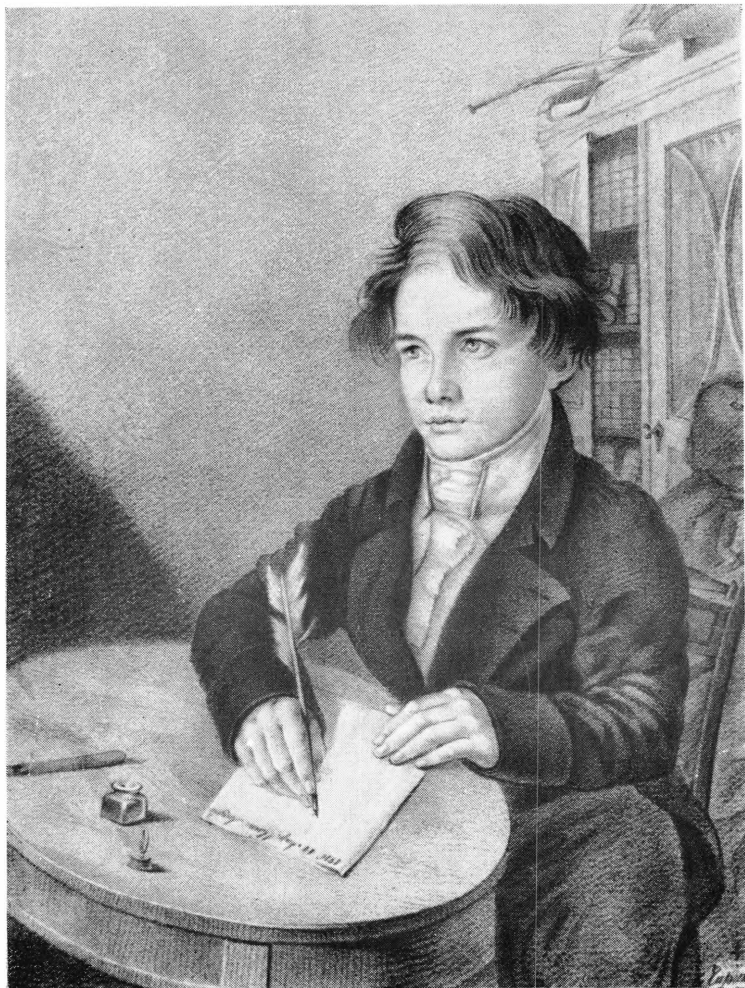
А. А. Корнилов.

Фотография. 1850-е гг. Публикуется впервые.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

А. А. Корнилов.
Деталь карикатуры А. Илличевского «Охота» из
журнала «Лицейский мудрец». 1815.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Голова воина в шлеме.
Рисунок С. Ломоносова. 9 апреля 1813.

◀ С. Г. Ломоносов.
Рисунок С. Г. Чирикова. 1816.

Ф. Х. Стевен в лицейском мундире.

Рисунок неизвестного художника. 1816—1817. Публикуется впервые.

А. И. Мартынов.
Деталь карикатуры А. Илличевского «Охота» из
журнала «Лицейский мудрец». 1815.

Лошади на водопое.

Рисунок итальянским карандашом А. Мартынова. 26 марта 1813.

Гусар.

Лицейский рисунок чернилами К. Костенского.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

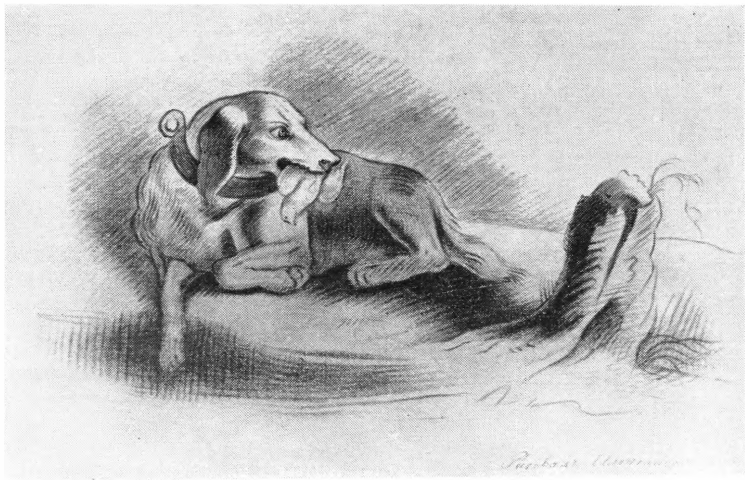
Женский портрет.

Лицейский рисунок итальянским карандашом Д. Маслова. Публикуется впервые.

Голова старого араба.

Лицейский рисунок итальянским карандашом Н. Ржевского. Публикуется впервые.

Собака с птичкой в зубах.
Лицейский рисунок итальянским карандашом А. Пушкина.

Продавец кваса.

Рисунок А. Пушкина. 28 июня 1813.

Пушкинский кабинет ИРЛИ